
ИНСТИТУТ
ЛЕНИНА

Г. ЗИНОВЬЕВ

СОЧИНЕНИЯ

ОСНОВОПОЛОЖНИКИ И ВОЖДИ КОММУНИЗМА

БИОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

ТОМ XVI

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТ-ВО
МОСКВА-ПЕТРОГРАД-1924

Г. ЗИНОВЬЕВ

СОЧИНЕНИЯ

ТОМ XVI

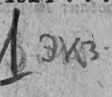
XVII

ОСНОВОПОЛОЖНИКИ И ВОЖДИ КОММУНИЗМА

БИОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

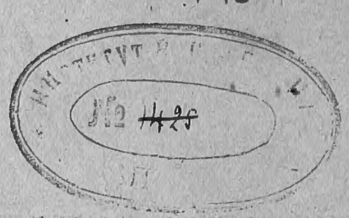

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА . . . 1924 . . . ПЕТРОГРАД

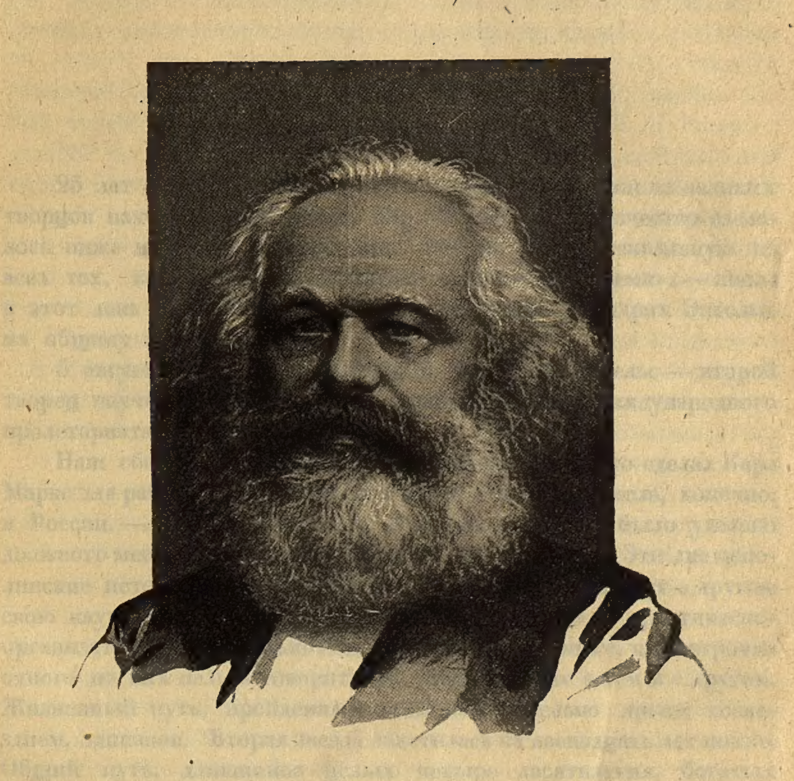

Гиз. № 6703. Петрооблит № 11538. Отпеч. 10.000 экз.

КАРЛ МАРКС.

МАРКС И ЭНГЕЛЬС (1).

25 лет назад — 2 марта 1883 г. — скончался один из великих творцов научного социализма, Карл Маркс. «Человечество сделалось ниже на целую голову, при чем на самую гениальную из всех тех, какими оно располагало в последнее время», — писал в этот день великий соратник и друг Маркса, Фридрих Энгельс, их общему приятелю Зорге.

5 августа 1895 года почил и Фридрих Энгельс — второй творец научного социализма и великий вождь международного пролетариата...

Наш сборник, посвященный выяснению того, что сделал Карл Маркс для рабочего движения всех стран — и в том числе, конечно, и России, — был бы не полон, если бы в нем не было уделено должного места сподвижнику Маркса — Ф. Энгельсу. Эти две исполинские исторические фигуры так тесно переплели друг с другом свою научную, публицистическую, политическую и практически-организаторскую деятельность, что ни об одном шаге, ни о строчке одного из них нельзя говорить, не говоря вместе с тем и о другом. Жизненный путь, пройденный этим ослепительно ярким созвездием, одинаков. Вторая звезда закатилась на двенадцать лет позже. Общий путь, длившийся целых четыре десятилетия, богатых величайшими политическими событиями и потрясениями, характеризуется полным научным и политическим единодушием великих друзей. Ни на одном повороте истории, ни на одном из изгибов международного рабочего движения, которому Маркс и Энгельс посвятили всю свою жизнь, пути их не разошлись. Часто трудно сказать, где кончается Маркс и где начинается Энгельс, и — наоборот. Возьмете ли вы «Коммунистический Манифест», шестидесятилетие которого мы праздновали в нынешнем году (2), возьмете ли вы второй и третий томы «Капитала», обратитесь ли вы к практической деятельности этих учителей

рабочего класса в Союзе Коммунистов, в великом Интернационале, — вы не сможете отделить того, что сделано Марксом, от того, что сделано Энгельсом. Быть может, лишь будущие историки на основании тщательного анализа их сочинений и другими способами смогут установить хоть с приблизительной точностью, что именно в общих литературных трудах принадлежит каждому из них.

«Маркс был более гениальным мыслителем, нежели Энгельс», — пишет К. Каутский в своей последней работе *). — «Маркс был более глубоким, Энгельс — более смелым мыслителем. У Маркса более развита сила абстракции, способность находить общее в беспорядочной массе отдельных явлений; у Энгельса — способность комбинировать, уменье по отдельным признакам явления воссоздавать его общую картину. Маркс обладал более сильным критическим дарованием, в нем сильна была самокритика, которая сдерживала смелость его мысли и побуждала его развивать ее осторожно, постоянно пробуя под собой почву. Наоборот, Энгельс, в гордом восторге при виде развертывающихся перед его умственным взором могучих перспектив, окрылялся вдохновением и легко преодолевал величайшие трудности».

Сам Энгельс всегда ставил себя гораздо ниже Маркса. В предисловии к 2-му изданию Анти-Дюринга он писал: «она (теория научного социализма) обоснована в неизмеримо-большей степени («zum weitaus grösseren Theil») Марксом и лишь в незначительной степени (zum geringsten Theil) — мною». То же самое Энгельс повторял по целому ряду других поводов.

«Я, — пишет он одному из друзей после смерти Маркса, — всю свою жизнь играл вторую скрипку и льщу себя надеждой, что в этой роли я достиг известной виртуозности. При этом я всегда был несказанно счастлив, что имею такую прекрасную первую скрипку, как Маркс». «Теперь, — прибавлял он полушутя, полусерьезно, — когда мне приходится играть первую скрипку и являться представителем нашей теории, — нужно быть на-чеку, чтобы чего доброго не оскандалиться». Когда, после отмены закона о социалистах, Энгельсу, который приехал в Берлин, были оказаны немецкими рабочими шумные и трогательные овации, — Энгельс не только на официальном празднестве, но и в частной переписке заявлял, что он только пожинает плоды, посеянные

*) «Die historische Leistung von Karl Marx».

Марксом. То же он говорил и по поводу приема, оказанного ему в Вене и на международном социалистическом конгрессе. «Как жаль, что до этих дней не дожил главный творец научного социализма, — незабвенный Маркс!» — восклицал он тогда.

Так ли, однако, в действительности мала роль Фридриха Энгельса в деле создания теории научного социализма, носящей собственное имя только Маркса? Мы увидим ниже, что сам Энгельс оценивал свою роль слишком низко. Итак, что же дал Энгельс марксизму?

Фридрих Энгельс так же, как и Маркс, был выходцем из буржуазной среды. На путь революционной борьбы и социалистических исканий его толкнули идеологические мотивы. Он родился 28 ноября 1820 года в Бармене (Рейнская провинция) в семье богатого фабриканта. Уже подростком он отказался от карьеры чиновника, к которой его готовили родные. Окончив барменское реальное училище, Энгельс поступил в эльберфельдскую гимназию. За год до окончания ее он решил сделаться купцом. Первые шаги на этом поприще он сделал в одном барменском, а затем в одном бременском торговом доме. С октября 1841 до октября 1842 года Энгельс прослужил вольноопределяющимся при берлинской гвардейской артиллерии и получил там первые сведения о военных науках, которыми он продолжал затем интересоваться в течение всей своей дальнейший жизни.

Коммерческая деятельность не мешала, однако, Энгельсу продолжать свои философские занятия, которые он начал в довольно раннем возрасте. «Энгельс был, подобно Марксу, прирожденным диалектиком, укрепившим свои дарования в классической философии. Он не обладал строго-философским образованием Маркса, но своим светлым и ясным умом он твердо схватил то, что было бессмертным в творениях Гегеля. С раннего возраста он стоял в водовороте практической жизни, и это преимущество с избытком уравновешивало пробелы его систематического образования» *).

«Сущность христианства» Фейербаха произвела на Энгельса огромное впечатление. С молодыми философами Бауэрами (³) он находился в близких личных отношениях. С Марксом он впервые познакомился в редакции «Rheinische Zeitung», куда Энгельс изредка присылал корреспонденции. Знакомство состоя-

*) Ф. Меринг: «История германской социал-демократии».

лось в 1842 году, когда Энгельс проезжал через Кёльн в Манчестер, и ограничилось сухой, официальной и даже весьма холодной встречей. Холодность первой встречи, по мнению Ф. Меринга, объясняется тем, что Маркс как раз тогда выступил против берлинских «свободных», товарищем которых в то время слыл Энгельс, и тем, что Энгельс в свою очередь был восстановлен против Маркса Бауэрами.

В главном промышленном центре Англии — в Манчестере — Энгельс прожил тогда около двух лет, до сентября 1844 года. Эти два года дали очень много его умственному кругозору. Здесь в это время капитализм был развит сильнее, чем в остальных странах Европы, и в соответствии с этим здесь резче, чем где бы то ни было, выделялись классовые противоречия между капиталом и пролетариатом, здесь ярче, чем где бы то ни было, начинала закипать классовая борьба. Механизм капиталистического строя и его имманентное (4) развитие начали интересовать молодого Энгельса, когда он жил на своей родине в Рейнской провинции, которая отличалась наивысшей степенью развития промышленности во всей Германии. Наблюдения над английской промышленностью давали гораздо более богатую пищу для ума. Здесь масштаб был гораздо больше. Картина безумного богатства и величайших накоплений с одной стороны и страшнейшей бедности, сопряженной с мучительными лишениями и страданиями с другой стороны, развертывалась перед гениальным наблюдателем во всю ширь. Сочувствие рабочему классу скоро выливается в актуальные формы. Будучи прирожденным борцом, Энгельс не мог долго оставаться только сочувствующим наблюдателем и уже скоро мы видим его участником тогдашнего практического рабочего движения Англии — чартизма — и сотрудником органа Роберта Оуэна (5) — «New Moral World».

Занявшись этой работой, Энгельс однако очень скоро окончательно утвердился в том мнении, что социализм в духе Роберта Оуэна есть учение утопическое, а рабочее движение в духе чартизма не является действительно социалистической формой рабочего движения.

«Познакомившись еще в Германии с гегелевской философией, он сумел с ее помощью углубить экономические знания, которые он приобрел в Англии, и поэтому прежде всего обратился к изучению экономической истории», — пишет об этих годах Энгельса К. Каутский. Со всей энергией Энгельс налег на

политическую экономию и в частности на английских экономистов, изучение которых все больше и больше его поглощало. Все теоретические выводы, к которым он приходил, он сверял с практикой английской промышленности, и, наоборот, — все богатые наблюдения, которые ему удалось сделать в области практики, он старался объяснить себе теоретически. Английская промышленность дала Энгельсу решительный толчок в направлении формулирования материалистического понимания истории. Английский капитализм показал Энгельсу, что экономические факторы являются основными, решающими силами при капиталистическом строе, что они обусловливают собою классовое строение общества, политическую борьбу в нем и всю духовную его жизнь,—одним словом, они являются той «базой», на которой возвышается идеологическая «надстройка».

Так заложен был Энгельсом главный камень в фундаменте его диалектически-материалистического миросозерцания. В эти же годы сформировалось в основных своих чертах и мировоззрение К. Маркса. С другого конца, с изучения «идеологических» наук — философии, истории, этики, юриспруденции,—с изучения факторов, обусловивших ход и исход Великой Французской революции,— Маркс пришел к тем же главным выводам: экономический фактор является основным решающим, сознание определяется бытием, история человечества есть история борьбы классов. Великие идеологи рабочего класса встретились, как выражается Каутский, «в области революции и социализма» и подали друг другу руки.

В 1844 году осенью Маркс с Энгельсом вновь встретились в Париже, и для них выяснилось полное единомыслие по основным теоретическим вопросам. Союз был заключен, и через короткое время водружено было великое знамя научного социализма, которое так героически держит теперь в руках огромное большинство передовой части пролетариата всего мира.

Первой общей литературной работой основоположников научного социализма был философский памфлет «Die Heilige Familie», направленный против немецкого идеализма в лице его оставшихся сторонников — Бруно Бауэра и берлинских «свободных». Этой первой работе предшествовали, однако, некоторые статьи Фридриха Энгельса, помещенные в «Deutsch-französische Jahrbücher» (немецко-французский ежегодник) и сделавшие очень много для сближения Маркса с Энгельсом, а также впервые внесшие вообще много ценного в будущую сокровищницу научного

социализма. На них-то мы и остановим сейчас внимание читателя.

Первое место из работ Ф. Энгельса за этот период занимает статья «Umrisse zu einer Kritik der Nationalökonomie» (Критические очерки политической экономии). Здесь Энгельс впервые сводит воедино свои размышления, являющиеся плодом его внимательного наблюдения над развитой формой капиталистической промышленности. В этой глубокой статье, названной Марксом «гениальным эскизом», мы находим уже те главные мысли, которые легли в основу задуманной тогда Энгельсом книги «Положение рабочего класса в Англии», а также очень многое из того, что затем украсило лучшие страницы Коммунистического Манифеста. Статья эта является первым крупным литературным выступлением Энгельса, но в ней действительно видны уже все следы гениальности. Меринг не колеблясь заявляет, что эта и некоторые другие первые работы Энгельса были значительно лучше первых работ Маркса. В своем гениальном эскизе Энгельс первый подошел вплотную к экономическим основаниям научного социализма, он первый сделал попытку подвести экономический фундамент под ту теорию, путь к которой Маркс нащупывал в это же время, разбираясь в огромном комплексе общественных потрясений, называемых французской революцией.

Энгельс начинает свой эскиз с едкого замечания о том, что до сих пор политическая экономия являлась в сущности только наукой о способах обогащения. Он протестует против немецкого названия Nationalökonomie — национальная экономия, — ибо наука эта, говорит он, трактует не об обогащении государства, нации, — как это утверждают буржуазные экономисты, — а об обогащении только отдельных слоев, меньшинства нации. «Ведь вот, — говорит он в другом месте — национальное богатство англичан очень велико, а между тем английский народ — самый бедный народ во всем мире». Нынешнюю экономическую науку по всей справедливости, думает Энгельс, следовало бы назвать не Nationalökonomie, а Priwatökonomie, т.-е. наукой частной собственности, обогащения немногих.

Далее Энгельс дает краткий очерк меркантилизма (6) и смены его учением о свободе торговли. XVIII столетие, век революции, революционизировало также экономическую науку, — говорит он. Но все революции этого века были односторонни и не разрешили основного противоречия как в области философии, права, поли-

тики, так и в области экономии. «Материализм, сменивший спиритуализм, не уничтожил коренным образом христианского унижения и презрения к личности человека; политика и не подумала коснуться основных предпосылок государства вообще; *экономии и в голову не пришло спросить себя об оправдании частной собственности».*

Меркантилизм сменился фритрэдерством (7). Было ли это шагом вперед, спрашивает себя Энгельс. И отвечает: да, конечно шагом вперед и шагом необходимым. Было необходимо, говорит он, чтобы меркантильная система с ее монополиями и затруднением сношений пала, *дабы истинные последствия частной собственности выступили ясно, резко и определенно для всех.* Необходимо было, чтобы все эти мелочные местные и национальные соображения отступили на задний план, дабы борьба нашей эпохи приняла целостный, общий, общечеловеческий характер. Логическим, последовательным выводом из свободы торговли является уничтожение частной собственности. Относительно самих буржуазных экономистов Энгельс замечает: «чем ближе они становятся к действительности, тем дальше они от честности». Тут объективный исход один: «как теология должна либо вернуться к слепой вере, либо развиться до свободной философии, так свобода торговли должна привести либо к реставрации монополий, либо к уничтожению частной собственности».

Меркантильная система — замечает Энгельс дальше — отличалась еще известным прямодушием, непосредственностью, католической прямотой. Она не старалась скрыть противонравственной сущности торговли и говорила прямо, что основной задачей является достижение «благоприятного баланса», чего бы это ни стоило. Другое дело — теория свободы торговли. Многое изменилось с тех пор, как на сцену выступил Лютер экономической науки, Адам Смит (8). Его век стал эпохой гуманистического лоска: разум и нравственность стали предъявлять известные права; вырванные простой, грубой силой торговые договоры, вечные торговые войны и резкая изолированность народов друг от друга — стали бить в глаза «просвещенным» слоям. Место католической прямоты заняло протестантское лицемерие. «Нации» стали обходиться друг с другом мягко, «дружественно», ибо наиболее «дружественные» отношения оказались просто наиболее выгодными: с покупателями, с поставщиками в «просвещенный» век нужно обращаться вежливо. Лицемерные

представители фритрэдерства очень кичатся своей цивилизаторской ролью. Мы, дескать, уничтожили варварство монополий, мы понесли цивилизацию в самые отдаленные углы земного шара, мы осуществили братство народов, мы уменьшили количество войн, и т. д., и т. д. *«Да — отвечает им Энгельс — все это вы сделали, но как это вы сделали?! Вы уничтожили маленькие монополии, чтобы предоставить тем большую безграничную власть одной громадной монополии — собственности; вы цивилизовали окраины для того, чтобы получить новую площадь, где бы еще шире могла развернуться ваша низкая жажда наживы; вы побратали народы, но на деле это — братство воров; вы уменьшили число войн, чтобы побольше заработать во время мира, чтобы заменить его войной всех против всех, чтобы довести до крайних пределов бесчестную войну конкуренции! *).*

Покончив с оценкой фритрэдерства, Энгельс переходит к вопросу о теории ценности. Он останавливается на споре Мак Куллоха (9) и Рикардо (10) с одной стороны и Ж. Б. Сея 11) — с другой стороны. Первые утверждали, что абстрактная стоимость каждого предмета определяется только издержками производства. Сей утверждал, что стоимость определяется только степенью полезности, степенью необходимости данного предмета в данный момент. Энгельс настаивает на необходимости прежде всего резко разграничить понятие об *абстрактной* стоимости с одной стороны, и стоимости *реальной*, т.-е. цены — с другой стороны. Сея он разбивает одним указанием на то, что согласно его положению оказалось бы необходимым создать две теории ценности: одну — для предметов первой необходимости, обладающих большой полезностью, и другую — для предметов роскоши, — что явно несообразно. Мак Куллоху и Рикардо он указывает, что они опускают очень важную предпосылку: необходимость того, чтобы данный предмет имел общественную полезность, чтобы издержки производства, затраченные на него, были сделаны производительно, без чего в капиталистическом обществе вообще невозможно говорить о ценности.

Свой собственный взгляд Энгельс формулирует так: «Der Werth ist das Verhältniss der Produktionskosten zur Brauchbarkeit» **) — стоимость предмета есть соотношение между издержками про-

*) Nachlass, т. I., нем. изд., стр. 438.
**) Ibid., стр. 441.

изводства и степенью необходимости, полезности его. В дальнейшем изложении Энгельс, указывая на роль конкуренции в обмене, на то, что обменивающиеся стороны при господствующей системе частной собственности, конечно, совершают обмен не свободно,— очень близко подходит к будущему основному положению марксистской теории ценности: стоимость каждого продукта определяется количеством труда, *общественно необходимого* для производства данного предмета при данном уровне техники, средней производительности и т. д. Разбирая теорию упомянутых экономистов, разлагавших издержки производства на три категории: земельную ренту, прибыль на капитал и рабочую плату,— Энгельс указывает на то, что капитал и сам является накопленным трудом. «Мы имеем,— говорит он,— только два элемента производства — природу и человека».

Анализируя первый из этих элементов, Энгельс делает несомненный шаг по пути к формулированию той теории ренты, которая заняла впоследствии столь видное место в учении Маркса. Он дает тут следующее определение: «Der Grundzins ist das Verhältniss zwischen der Ertragungsfähigkeit des Bodens, der natürlichen Seite (die wiederum aus der natürlichen Anlage und der menschlichen Bebauung, der zur Verbesserung angewandten Arbeit besteht) — und der menschlichen Seite, der Konkurrenz» *) («Земельная рента определяется соотношением между фактором природы, степенью плодородности земли (которая в свою очередь обусловливается природными качествами ее с одной стороны и человеческими усилиями — обработкой ее, потраченным на удобрение ее трудом — с другой), и фактором человеческим — конкуренцией»).

В последующем изложени Энгельс набрасывает также — правда, слабыми штрихами — процесс циркуляции капитала, нашедший себе потом место у Маркса. «Мы видели,— пишет он,— что капитал и труд являются первоначально идентичными; дальше мы видим, как капитал, результат труда, в процессе производства становится вновь субстратом, материалом для труда, как временное отделение капитала от труда тотчас опять сменяется единством обоих» **). «Только с уничтожением частной собственности,— заключает Энгельс,— падает это противоестественное отделение, труд становится своим собственным вознаграждением, и еще

*) Nachlass, т. I, нем. изд., стр. 444.
**) Nachlass, т. I, нем. изд., стр. 445.

с большей ясностью обнаруживается истинное значение прежней заработной платы, еще яснее становится, что издержки производства определяются количеством труда».

В следующей главе Энгельс намечает теорию кризисов. Он указывает, что кризисы обусловливаются отсутствием какого-либо регулятора между спросом и предложением и вообще всем тем, что Маркс впоследствии назвал «анархией в производстве». Кризисы, — пишет он, — посещают наше общество с такою же регулярностью, как кометы, приблизительно через каждые 5-7 лет. Указав на те ужасы, которые кризисы приносят с собой, Энгельс кончает следующей страстной филиппикой: «Производите сознательно, как люди, а не как раздробленные атомы, и лишь тогда вы можете разрешить эти искусственные противоречия. До тех же пор пока производство будет основано, как теперь, на господстве бессознательной, бессмысленной игры случайности, — до тех пор кризисы будут существовать и будут с каждым разом становиться все сильнее, все универсальнее. Производите сознательно, т.-е. организуйте производство на социалистических началах» *).

В связи с кризисами Энгельс мельком упоминает также о концентрации капитала в руках все меньшего числа лиц, о вытеснении мелких капиталистов, росте пролетариата, каковые факторы должны в конце концов повести к социальной революции. Здесь Энгельс опять предвосхищает одно из в высшей степени важных положений «Коммунистического Манифеста» и «Капитала». Об этом Энгельс еще яснее говорит в конце своей статьи; здесь он прямо заявляет: «крупный капитал и крупное землевладение вытесняют мелкий капитал и мелкое землевладение, происходит *централизация владений*... Эта централизация владений является одним из имманентных законов частной собственности; средние классы должны все больше исчезать до тех пор, пока мир не разделится на миллионеров и пауперов, на крупных землевладельцев и бедных поденщиков» **)...

В своей статье Энгельс посвящает несколько страниц Мальтусу ([12]). Возразив на мальтузианство по существу, Энгельс клеймит его, как оголенную защиту буржуазного рабства, как самую бесстыдную, низменную доктрину, оскорбляющую элементарное человеческое достоинство.

---

*) Ibidem, стр. 450.
**) Ibidem, стр. 458.

«Противоречия капиталистического строя,—пишет Энгельс в конце своей работы,—мы разрешим просто тем, что мы уничтожим его, т.-е. тем, что мы заменим его новым социалистическим строем». Главная роль в этом перевороте отводилась рабочему классу, и в этом было одно из самых крупных отличий Энгельса от английских и французских социалистов того времени.

Мы остановились подробно на первой работе Энгельса в виду того огромного значения, какое она имеет для определения роли его, как *создателя*, как *творца* теории научного социализма наряду с Марксом. Мы видим в этой его работе первую попытку более или менее систематического изложения экономических основ марксизма. Более или менее определенно Энгельс набрасывает первые штрихи теории концентрации капитала, пролетаризации населения, трудовой ценности, земельной ренты, теории кризисов, циркуляции капитала и т. д. Значение этого эскиза Энгельса—огромно. Недаром Маркс признал всю важность его работы еще в рукописи. Всякий, кто познакомится с ним, раз навсегда распростится с тем мнением, будто Энгельс был только или преимущественно только популяризатором идей Маркса. Правда, Энгельс со свойственной ему скромностью всегда утверждал, что Маркс и сам бы открыл все то, что сказано было им, Энгельсом, в его первой работе. Но это, конечно, нисколько не умаляет великой исторической заслуги Энгельса. Если, благодаря марксизму, политическая экономия из Bereicherungswissenschaft, — из учения о способах обогащения немногих — превратилась в истинную науку, то в этом очень большая доля заслуг принадлежит и Фридриху Энгельсу.

Вторая статья Энгельса в «Deutsch-französische Jahrbücher» называется «Die Lage Englands» и посвящена памфлету Карлейля ([13]) «Past and Present». Эта статья Энгельса так же, как его первая работа, основана главным образом на тех уроках, которые преподала ему английская действительность того времени. Во введении Энгельс страстно клеймит «образованный мир» Англии, который считает почетным гражданином только того, кто является обладателем такого-то количества тысяч фунтов стерлингов. О духовных интересах,—замечает Энгельс,—и говорить нечего: откуда им быть у людей, ведущих такой образ жизни? Где им найти там себе место? Парламентская жизнь Англии, «свободная» пресса, выборы, бурные народные собрания—все это сильно

импонирует континенту. Уважения, однако, заслуживает только одна неизвестная континенту часть английской нации — рабочие, эти парии Англии. Только они, несмотря на вносимую в их ряды деморализацию, могут спасти Англию, только им принадлежит будущее.

Далее Энгельс приводит пространные цитаты из бурного памфлета Карлейля. С сочувствием выписываются все те места, где ярко и горячо говорится о страшной бедности народных масс. В богатейшей стране, с колоссальнейшим производством, люди мрут с голоду, голодные родители собственными руками умерщвляют своих детей только для того, чтобы получить вспомоществование на похорны от благотворительного общества и из этих денег сберечь кое-что для удовлетворения самых элементарных нужд. В стране самой развитой промышленности рабочие, произведшие все богатства, не могут рассчитывать на самую ничтожную помощь со стороны власть имущих. На их положение обращают внимание только после того, как страшные голодовки приносят в рабочую среду чуму, которая начинает заражать города. Высшие классы деморализованы, они не в силах двигать прогресс вперед, над ними властвует евангелие маммона, и т. д., и т. д.

Затем следуют выписки, содержащие философию Карлейля, его взгляды на религию и те пути, которые могут спасти человечество.

Энгельс резюмирует содержание работы Карлейля в следующих выражениях: «Итак — гнилая землевладельческая аристократия, которая еще не научилась смирно сидеть и по крайней мере не причинять зла; «работающая аристократия», погрязшая в маммонизме и ставшая вместо руководителей труда бандой промышленных пиратов; парламент, избранный на основе всеобщего подкупа; философия, основанная на простом созерцании, ничегонеделании, laissez faire; религия крохоборчества, полное отсутствие общечеловеческих интересов, полное отчаяние в истине и человечности. И вследствие всего этого — полная разобщенность людей друг от друга, всеобщий хаос в жизненных отношениях, война всех против всех, всеобщая духовная смерть, отсутствие «души», т.-е. истинно-человеческого сознания. Многочисленный рабочий класс Англии находится под гнетом нестерпимой нужды, обуян диким недовольством и духом возмущения против старого социального строя, и вследствие этого — неудержимо наступающая

грозная демократия. Всюду — хаос, безпорядок, анархия, всюду духовная пустота, бессмыслица и тупость» *).

Отдавая должную дань Карлейлю, который, единственный во всем «образованном» лагере Англии, коснулся язв ее и затронул струны человеческой души, — Энгельс делает ему ряд возражений. Обрушиваясь на пантеизм Карлейля, Энгельс пишет: мы тоже хотим бороться против неустойчивости, против внутренней пустоты, духовной смерти и т. д., со всем этим злом мы ведем борьбу не на живот, а на смерть. «Тот атеизм, который изображен Карлейлем, мы хотим уничтожить, возвратив человеку то, что он потерял благодаря религии. Мы хотим вернуть ему истинно-человеческое содержание, мы хотим пробудить его сознание. Мы хотим убрать с дороги все, что провозглашается сверхъестественным, сверхчеловеческим, ибо претензия возвести естественное и человеческое в сверхъестественное и сверхчеловеческое — является источником всякой лжи и неправды. Именно поэтому мы раз навсегда объявили беспощадную войну религии и религиозным представлениям, при чем мы очень мало беспокоимся, назовут ли нас атеистами или еще как-нибудь» **). Далее Энгельс делает попытку к разоблачению истинного смысла воздыхания Карлейля по «истинной аристократии», по пресловутым «героям» и, останавливаясь на недовольстве Карлейля духом «маммонизма», спрашивает его: «Почему же вы останавливаетесь на полдороге, почему вы не делаете единственно последовательного вывода из ваших же предпосылок, почему вы не высказываетесь против частной собственности вообще, ибо ведь только уничтожение ее подточит в корне существование «маммонизма»? Карлейль, — указывает он, — не только не высказывается за социализм, но, говоря очень много об Англии, даже ни словом не заикается об английских социалистах, точно их не существует. А между тем, — заключает Энгельс, — только этой партии, несмотря на ее слабость, несмотря на ее теоретическую шаткость в Англии, принадлежит будущее».

Энгельс имел в виду посвятить положению Англии, «значительно опередившей в социальном отношении все другие страны», еще несколько статей в «Deutsch-französisch. Jahrbücher», но это издание скоро прекратилось, и собранный материал в значительной мере вышел в «Die Lage der arbeitenden Klasse in England».

*) Nachlass, т. I, нем. изд., стр. 476.
**) Nachlass, т. I, нем. изд., стр. 485.

Первой коллективной работой Маркса и Энгельса, как мы уже упоминали, была «Die Heilige Familie». В этом оригинальном памфлете, направленном «против Бруно Бауэра и К°», перу Энгельса принадлежит из двадцати слишком печатных листов всего только около полутора листа. Им написаны только первые три небольших главы целиком, два абзаца четвертой главы, один абзац шестой главы и один абзац седьмой главы. Все остальное принадлежит перу Маркса *), который, между прочим, старался, чтобы работа разрослась до размера 20 листов еще и из цензурных соображений. Энгельс считал свое участие в «Святом Семействе» настолько малым, что дважды в письмах к Марксу выражал свое удивление по поводу того, что последний поставил на книге также и его имя, да еще первым. Не так, очевидно, оценивал Маркс участие Энгельса в названной работе.

Работа эта явилась результатом свидания Маркса с Энгельсом в Париже в 1844 году, когда для друзей выяснилась их полная идейная солидарность, и когда началось их сотрудничество, окончившееся только со смертью великих основателей научного социализма. Книга вышла в 1845 году во Франкфурте. Содержание ее преимущественно философско-историческое, экономическая область в ней затрагивается только мимоходом и слегка. В ней впервые начинает находить себе выражение точка зрения диалектического материализма. В первых трех главах, написанных Энгельсом, он дает в полемической форме едкую критику презрительного отношения «Всеобщей Литературной Газеты»**) к массе и массовым действиям и возвеличения «духа». Попутно Энгельс останавливается на проявлениях классовой борьбы между землевладением, трудом и капиталом, дошедших тогда в Англии уже до очень больших размеров. В работе заметно особенно сильное влияние как на Маркса, так и на Энгельса идей Фейербаха (14) и Фурье. Но «через гуманизм Фейербаха они пошли дальше

*) I глава, написанная Энгельсом, озаглавлена: «Die kritische Kritik in Buchbindermeistergestalt, oder die kritische Kritik, als Herr Reichard»; вторая глава: «Die kritische Kritik, als Mühleigner, oder die kritische Kritik, als Herr Jules Faucher»; третья глава: «Die Gründlichkeit der kristischen Kritik, oder die kritische Kritik, als Herr Jungnitz». Два абзаца 4-й главы называются: «Rosa Tristan, oder die union ouvrière» и «Beraud über die Freudenmädchen». Абзац шестой главы носит название: «Die Kritik und Feuerbach, Verdammung der Philosophie», а абзац седьмой главы: «Die Weichherzige und erlösungsbedürftige Masse».

**) Органа «свободных».

к социализму, через абстрактного человека — к историческому» *). Фурье Энгельс отделяет от «фурьеризма»: «Der verwässerte Fourierismus, wie ihn die Democratie pacifique predigt, ist nichts als die soziale Lehre eines Theils der philantropischen Bourgeoisie...» **) — пишет он. «Разбавленный водою фурьеризм, проповедуемый мирной демократией, есть не что иное, как социальное учение части филантропической буржуазии». Выспренним разглагольствованиям «свободных» о высоте идеалистического «духа» Энгельс противопоставляет действительное духовное богатство английских и французских рабочих, проявившееся уже на деле.

От всей книги, как замечает Каутский, веет истинным пролетарским духом, и несмотря на то, что она написана была языком, недоступным широкой публике, и вообще содержала, по мнению самого Энгельса ***), кое-что лишнее, — она все же сыграла большую роль, дав обстоятельную критику идеализма и наметив основные линии новой философии.

Общая работа Маркса с Энгельсом — «Die Heilige Familie» — послужила как бы вступлением к будущим самостоятельным работам обоих друзей, к которым они оба приступили с целью изложения своих положительных воззрений и своих отношений к новым политическим и социальным доктринам. Следует впрочем отметить из мелких литературных работ Энгельса за эти первые годы его литературной деятельности статьи: — «Das Fest der Nationen», «Ein Fragment Fouriers über den Handel», «Schutzzoll oder Freihandelsystem», «Der Schweizer Bürgerkrieg» и др., напечатанные в «Deutsches Bürgerbuch» и других тогдашних изданиях.

* * *

После выхода «Die Heilige Familie» Маркс углубился в столь необходимые ему тогда экономические науки. Энгельс же занялся

*) Ф. Меринг.

**) Nachlass, т. II, нем. изд., стр. 262.

***) В письме к Марксу после выхода «Die Heillige Familie» Энгельс писал: «Твои мысли об еврейском вопросе, об истории материализма и мистерий, и многое другое — великолепно. Но при всем том вещь — слишком велика. Суверенное презрение, с которым мы оба трактуем «Всеобщую Литературную Газету», стоит в вопиющем противоречии с целыми 22-мя печатными листами, посвящаемыми ей».

осуществлением задуманной им еще в Манчестере работы — «Положение рабочего класса в Англии», вышедшей в свет в 1854 году. Книга эта получила огромное значение, явившись первой обширной работой с систематическим экономическим обоснованием научного социализма. В сущности она только обширнее развивала основные мысли, высказанные в гениальном эскизе о политической экономии. Но между нею и последним лежала «Die Heilige Familie», и это не могло, конечно, не отразиться на новой работе. В ней автор стоял уже на более прочном философском фундаменте, и потому его отношение, например, к утопическому социализму было уже иное. Огромная часть книги посвящена простому описанию фактического положения английского пролетариата, условий труда мужчин, женщин и детей, материальных условий жизни, духовной жизни, жизни безработных. Многое тут было взято Энгельсом из официальных статистических источников, а кое-что было заимствовано и у буржуазных английских писателей, занимавшихся вопросом о положении труда *). Но описание было настолько талантливым, ярким и захватывающим, что благодаря ему книга нашла значительный круг читателей даже среди буржуазной публики Германии, а впоследствии — и Франции. Кроме того, это описание было не простым нагромождением фактов, оно ставило себе целью не просто разжалобить читателя по поводу ужасной участи рабочих, — оно давало яркую картину всего капиталистического строя, оно намечало неизбежные и закономерные последствия развития капитализма, оно объясняло механику его.

Кроме этой описательной части, книга содержит также самую важную — чисто-теоретическую часть. Суть книги — говорит Меринг — заключалась в попытке показать, каким образом крупная промышленность создает современный рабочий класс, и как последний развивается и должен развиваться для ниспровержения своего творца, в силу исторической диалектики. В теоретической части своей книги Энгельс с большей или меньшей подробностью останавливается на законе заработной платы, повторяет пространнее сказанное им в «Umrisse zur Kritik» о росте

*) Буржуазные экономисты, в особенности немецкие, потом утверждали, что эта часть книги *вся* позаимствована; это же утверждает и Ш. Андлер, полагающий, что Энгельс просто списал ее у Бюре (Андлер, Комментар. к Ком. Маниф., стр. 56).

пролетариата и о теории кризисов *). Далее он устанавливает значение в капиталистическом строе резервной армии безработных и иллюстрирует ее роль примером Англии. Уделено также место вопросу о возникновении и роли разделения труда в капиталистическом обществе и определенно — даже ярче, чем в «Umrisse» — намечена теория концентрации капитала, или, как выражался в «Die Lage» Энгельс, — «централизации владений»; к утопическому социализму — отношение весьма критическое, чартизм оценивается совершенно трезво, как рабочее движение с очень слабым социалистическим оттенком; но тут же заявляется, что чартизму, как движению действительно рабочему и массовому, должно быть отдано предпочтение перед книжным, отвлеченным социализмом, ничего не желающим знать о реальной рабочей борьбе, как это можно сказать, например, об овенизме. Попутно говоря об английских трэд-юнионах, Энгельс гениально намечает уже тогда границы возможного для профессионального движения. Трэд-юнионы—пишет он—могущественны против отдельных, менее значительных зол капиталистического способа производства, но при всех своих усилиях они одни не могут изменить экономического закона, по которому заработная плата определяется отношением спроса к предложению на рынке труда. В заключение Энгельс указывает на неизбежность скорой социальной революции, и для ускорения ее настаивает на необходимости скорейшего слияния рабочего движения с социализмом **). Иногда в книге звучали еще неверные ноты: так, например, когда Энгельс говорил, что социализм может явиться делом «всего человечества», включая сюда и капиталистов. Это была последняя

*) В предисловии ко 2-му немецкому изданию, вышедшему в свет в 1892 году, Энгельс вносит поправку к своим прежним взглядам на кризисы. «В тексте — говорит он — я определяю периодическое чередование промышленных кризисов пятью годами. Эта цифра вытекала из хода событий за 1825 - 1842 гг. Но история промышленности за период от 1842 до 1868 г. показала, что в действительности цифра эта определяется 10-ю годами, что промежуточные кризисы имели второстепенное значение и со времени 1842 г. все больше исчезали (XIV стр. нем. изд.).

**) В своем предсказании скорой социальной революции Энгельс, как известно, ошибся. Он так же, как и Маркс, в этом отношении переоценивал события в течение некоторого времени. Несбывшееся предсказание дало повод буржуазным крикунам подтрунивать над Энгельсом. Но он коротко ответил на это словами: «удивительно не то, что одно из моих предсказаний не сбылось, а то, что столь многие из них сбылись».

дань старому *). Но в общем книга являлась большим шагом вперед по пути к научному социализму. Каутский говорит о ней: «это была *первая* книга научного социализма не только по своей основной точке зрения на рабочее движение и утопизм, но и по *методу* изложения». Маркс писал о «Положении рабочего класса» следующее: «Насколько глубоко Энгельс понял самый дух капиталистического производства, показывают официальные Factory Reports, Reports on Mines etc., которые появились в свет после 1845 г. «А насколько изумительно верно он обрисовал фактическое положение вещей во всех деталях, показывает хотя бы поверхностное сравнение его книги с опубликованными 18-20 лет спустя официальными данными Children Employments Commission **). Ш. Андлер находит, что «Положение рабочего класса» является первой книгой в духе научного социализма и что она сейчас меньше устарела, чем даже «Нищета философии», написанная Марксом приблизительно в то же время ***). Мы видим, таким образом, что если Маркс своими работами этой эпохи сделал очень многое для *философского* обоснования научного социализма, то Энгельс сделал не меньше того для *экономического* обоснования, и сделал это — *первым.* Роль Энгельса в эту пору была не ролью талантливого популяризатора идей Маркса, а ролью гениального творца нового учения. И Энгельс имел полное право воскликнуть в предисловии ко 2-му немецкому изданию «Die Lage»: «Мне было во время написания этой моей книги 24 года; теперь я втрое старше, но, просматривая эту мою работу юности, я прихожу к заключению, что мне можно и не стыдиться ее». Да, Энгельсу, действительно, можно было не стыдиться своей книги!

После высылки Маркса из Парижа друзья вновь встретились в Брюсселе. С этой встречи между ними установились еще более интимные отношения. Друзья продолжали совместным трудом выработку своей системы. За период 1845-1847 гг. была обдумана, разработана и написана работа, посвященная критике Фейербаха и всей философско-политической школы радикального или коммунистического оттенка, вышедшей из фейербаховской

*) В предисловии ко 2-му немецкому изданию Энгельс оговаривается что хотя теоретически положение это—верно, но практически оно могло принести большой вред.

**) Капитал, нем. изд., 1, 224.

***) Андлер, Коммент. к Ком. Ман., 57.

системы. Доктрины эти стали распространяться в «Союзе Справедливых» и «необходимо было — как писал Маркс в «Herr Vogt» — показать, что вопрос шел не об осуществлении той или иной утопической системы, а о сознательном участии в совершающейся на наших глазах исторической эволюции общества». Эта общая философская работа Маркса и Энгельса напечатана не была и была предоставлена — по выражению Маркса — грызущей критике мышей *).

Следующей общей работой Маркса и Энгельса был знаменитый «Коммунистический Манифест», ставший евангелием международного пролетариата. После десятидневных дебатов на съезде «союза коммунистов» в декабре 1847 года, Манифест был принят окончательно.

На самом содержании Коммунистического Манифеста мы можем здесь не останавливаться. Мы могли бы здесь интересоваться только вопросом о том, что внес в Коммунистический Манифест Энгельс, что в нем принадлежит ему и что — Марксу. Сколько-нибудь определенных данных на этот счет у нас, однако, нет. Коммунистический Манифест весь вылит из одного куска, и в нем не отделить Маркса от Энгельса. Одно можно сказать с полной уверенностью: работы Энгельса, появившиеся до Коммунистического Манифеста, его практическая деятельность, шедшая рука об руку с деятельностью Маркса, дают гарантию того, что и Энгельс сделал немалый вклад в Коммунистический Манифест, эту золотую книгу международного социализма.

На место старого девиза утопического социализма: — «Все люди братья» — выдвинут был боевой клич пролетарского социализма: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь»! Если говорить о личных заслугах в этом историческом деле, то рядом с Марксом эта заслуга в той же степени принадлежит, конечно и Фридриху Энгельсу.

Между тем надвигался 1848 год. Почуяв первое дыхание революции, Маркс с Энгельсом отправились в Германию и взяли в свои руки «Новую Рейнскую Газету». История Энгельса за 1848 - 1849 гг. есть история названной газеты, а история последней есть история 1848 года — говорит Каутский. В эту пору Энгельс так же, как и Маркс, ярче чем когда бы то ни было показал, что

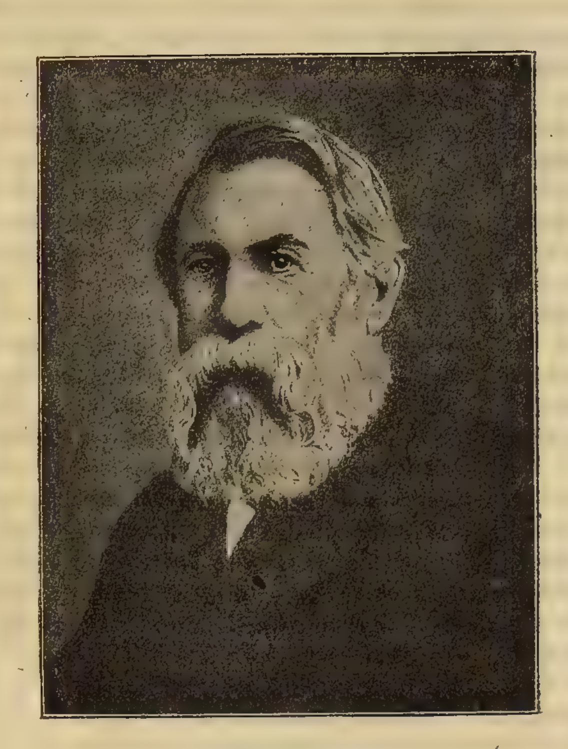
---

*) Андлер почему-то сомневается, действительно ли погибла эта работа, и думает, что когда-нибудь она еще увидит свет.

он не только теоретик социализма, но умеет соединить теорию с практикой. В мае 1849 года «Новая Рейнская Газета» была закрыта. В мае же начались попытки к восстанию в горнопромышленном районе Эльберфельда, Дюссельдорфа, Золингена и др. Энгельс поспешил на место действия, но приехал уже тогда, когда реакция восторжествовала, и был немедленно выпровожен перетрусившими бюргерами из эльберфельдского комитета общественной безопасности, которые уверяли, что присутствие Энгельса сильно беспокоит буржуазию: она-де боится, как бы он не провозгласил красной республики. Скоро вспыхнуло восстание в Бадене и Пфальце, шедшее под флагом «имперской конституции». Энгельс поспешил туда в качестве революционного солдата от «Новой Рейнской Газеты» и поступил адъютантом в добровольческий отряд Виллиха ([15]). Здесь он пробыл до самого конца восстания и одним из последних перешел границу Швейцарии, когда восстание оказалось разбитым. Отсюда Энгельс отправился в Лондон. В 1850 году он с Марксом стали издавать ежемесячник, названный по имени скончавшейся газеты — «Новой Рейнской Газетой». Здесь Маркс напечатал свою «Классовую борьбу во Франции», «18-е брюмера», Энгельс же поместил ряд статей о баденско-пфальцском возстании, статью о «10 часовом билле в Англии» и кое-что другое. Из написанного Энгельсом здесь несомненно заслуживают внимания статьи о баденско-пфальцском восстании.

Эти статьи, бесспорно, далеко уступают блестящим «шедеврам материалистической историографии» *), вышедшим из-под пера Маркса. Они уступают этим последним в двух отношениях — в отношении широты захвата и блеска изложения. Отсюда, конечно, не следует, что мы имеем здесь дело с произведением скучным и вялым, бледно написанным, анемичным, или что автор не сумел возвыситься до общих точек зрения. Нет, многие части воспоминаний Энгельса написаны чрезвычайно живо, с чрезвычайной наглядностью передают настроение, царившее среди повстанцев, рисуют характерными штрихами особенности отдельных лиц, в их связи с социальной средой. Это особенно ясно проглядывает в главе «Умереть за республику». Энгельс превосходно изобразил и тот социально-экономический базис, на котором строились общественные отношения и возникли массовые дви-

*) Слова Меринга.

ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС.

жения. В чем работы Энгельса нисколько не ниже шедевров Маркса, — это в изображении классовой подкладки событий, отдельных перипетий борьбы и ее исхода. Энгельсу, как и Марксу, принадлежит здесь бесспорная заслуга развенчания буржуазии, как главного и даже просто важного средства революционной борьбы в наше время. Указывая на мелко-буржуазную основу борьбы за имперскую конституцию, Энгельс чрезвычайно тонко и верно замечает, что сама мелкая буржуазия не пошла бы на решительную борьбу, не преступила бы пределов законности, если бы за ней не стояли и ее на это не вызывали пролетариат и известная часть крестьянства. Рассказав об этом вынужденном выступлении мелкой буржуазии, Энгельс изображает ее страх перед массовым, особенно пролетарским натиском, колебание, нерешительность, наконец движение вспять, возвращение в лоно старого режима, в объятия дворянства и бюрократии. Подобно Марксу, Энгельс клеймит образ действий буржуазии словом «предательство». И, наконец, как последовательный экономический материалист, Энгельс усматривает и положительные результаты неудавшегося движения, главным из которых является обострение классовых противоречий.

Когда выяснилось, что революция кончилась, и что наступило продолжительное затишье, Маркс с Энгельсом опять занялись чисто теоретической работой. Маркс засел в Британский музей и принялся за «Капитал», Энгельс же отправился опять в Манчестер, где вновь занялся, между прочим, коммерцией. По внешним результатам нельзя назвать эту полосу в жизни Энгельса, длившуюся 15-20 лет, особенно продуктивной. Он особенно интересовался в это время военными науками и выпустил втечение этих лет три военных брошюры: «Po und Rhein», «Savoyen, Nizza und der Rhein» и «Die preussische Militärfrage und die deutsche Arbeiterpartei». Кроме того он много писал по военным вопросам в лондонскую «Pall Mall Gazette».

С Марксом Энгельс втечение всего этого времени поддерживал самую интенсивную переписку по интересовавшим их вопросам теории и практики, и вообще продолжал жить с Марксом в самом близком духовном единении. Вместе с тем Энгельс продолжал с неослабным вниманием следить за развитием рабочего движения во всех странах, и в частности в Германии.

Когда в середине 60-х годов стало замечаться оживление и в 1864 г. начал организоваться Интернационал, Энгельс вскоре

взялся опять за практическую работу. Роль его в международной ассоциации рабочих была огромна. Целиком он посвятил себя Интернационалу лишь в 1870 г., но помогал ему и раньше, и уже очень скоро он стал, вслед за Марксом, самым видным вдохновителем и практическим руководителем его. Энгельс вложил свою душу в эту работу, исполнял огромную массу технического дела, вел переписку с несколькими странами, и т. д. Недавно опубликованная переписка Энгельса с Зорге показывает нам, насколько Энгельс болел всеми горестями Интернационала и радовался всеми его радостями. Энгельс принял деятельное участие в борьбе двух направлений в Интернационале — Марксовского и Бакунинского ([16]) — и написал при этом получившую большое значение брошюру «Бакунисты за работой» *). Когда Интернационал распался, Энгельс одним из первых предсказал его возобновление в новой форме. Он видел уже тогда, что распадение Интернационала вызвано, — помимо жестоких преследований со стороны объединенных правительств и дезорганизовавших товарищество внутренних разногласий, — главным образом *усилением* рабочего движения в отдельных странах, усложнением его и своеобразием его форм в разных государствах.

В 1878 году Энгельс вновь выступил с крупной работой. Мы говорим об «Анти-Дюринге». Каутский так описывает события, предшествовавшие появлению в свет этой работы: «...Это было за год до издания закона о социалистах. Часть немецкой социал-демократии лелеяла самые смелые иллюзии. Самое трудное казалось уже пережитым, и перед глазами многих уже сиял тот день, когда с.-д. получит большинство в парламенте и мирным образом постановит ввести социалистический строй... Социал-демократия была восходящим солнцем, и к ней льнуло все и вся.., В с.-д. партию хлынула масса буржуазной интеллигенции — профессоров и докторов, которые, однако, и не думали окончательно рвать с буржуазией, а мечтали о насаждении салонного социализма... Среди известных кругов партии эти салонные социалисты стали приобретать влияние; в особенности — один из даровитейших среди них, берлинский приват-доцент Евгений Дюринг... Необходимо было выступить против этих господ» и т. д.

*) В 1894 г. вышла по-немецки вместе с остальными статьями из Volksstaat'a: «Abermals Herr Vogt», «Zwei Flüchtlingskundgebungen» и «Soziales aus Russland». На последней статье мы еще остановимся ниже.

Энгельс оказался на страже. Он выступил с резкой и решительной критикой этих «социалистов», несмотря на то, что многие видные представители германской с.-д., сочувствовавшие Дюрингу, обрушились на Энгельса за «нетоварищескую» полемику» и пр. *).

Книга «Herrn Dührings Umwälzung der Wissenschaft» распадается на три части, трактующие философию, политическую экономию и социализм **). Тут Энгельс выступает уже обогащенный первым томом «Капитала» и развивает учение марксизма со всей полнотой, стройностью и строгой последовательностью. Эта работа может с известным правом считаться коллективным трудом Маркса и Энгельса. Рукопись Энгельса до издания была в руках Маркса, который преподал свои указания и советы. Кроме того одна из глав 2-го отдела, именно десятая, по сообщению Энгельса в предисловии ко 2-му немецкому изданию, написана Марксом ***).

Книга вполне достигла цели, влияние салонного социализма было подорвано. Но она, кроме того, получила большое значение. «Дюринг давно забыт, — пишет Каутский, — а работа Энгельса сохранила всю свою огромную важность и сейчас!»

В 1884 году, уже после смерти Маркса, Энгельс выпустил в свет свою книгу: «Происхождение семьи и собственности». 7 марта 1884 г. Энгельс пишет Зорге: «Прочти Моргана (Lewis H.) «Ancient Society» (появилось в 1877 году в Америке). Он мастерски раскрывает картину доисторического периода и его коммунизма. *Он самостоятельно открыл марксовское понимание истории* и заканчивает свой труд коммунистическими требованиями ****). В своей книге Энгельс познакомил широкую читающую публику с этими исследованиями Моргана, дополнив их новыми

*) Так, например, Мост внес на съезде 1877 г. предложение об устранении статей Энгельса из Vorwärts'a, так как они-де не представляют интереса для большинства читателей. Вальтейх заявил, что эти статьи принесли огромный вред партии, что Дюринг тоже оказал услуги с.-д., что «профессорские споры» никому не нужны, и т. д.

**) Часть этой работы была издана отдельной популярной брошюрой под заглавием «Научный социализм» и имела большой успех также в России.

***) Энгельс прибавляет: «Мы часто писали друг для друга по вопросам, специально знакомым тому или другому из нас».

****) Письма к Зорге, 224, русск. изд.

фактами и собственными выводами. По словам Каутскаго, эту работу задумал было Маркс, но не успел ее выполнить.

Из последних крупных работ нам остается указать на издание 2-го и 3-го томов «Капитала». Это была огромная, гигантская работа. Второй том остался после Маркса в рукописи. Но потребовались тщательная редакция, исправления, дополнения и т. д. Третий том остался только в набросках, в разъединенных заметках, писанных наспех, небрежно, на различных языках, еще в 1864-66 гг. Одна «расшифровка» заметок потребовала огромного труда и времени в виду невозможного почерка Маркса. Чтобы все это свести затем воедино, обработать, составить,—для этого потребовалась гигантская, не чисто редакторская, а творческая работа. «Когда я издавал в 1885 г. 2-й том—писал Энгельс в предисловии к 3-му тому—я думал, что при издании 3-го я наткнусь только на технические затруднения, за исключением, конечно, некоторых очень важных глав. Но мне и в голову не приходило, что именно эти последние потребуют столь большой и трудной работы». «Энгельс был не издателем 2-го и 3-го томов, а творцом их»—пишет Виктор Адлер. Несомненно во всяком случае одно: Энгельс внес своего во 2-й и 3-й томы гораздо больше, нежели он сам это признавал. Только он один, явившийся вместе с Марксом творцом марксизма, мог выполнить это великое завещание Маркса. 2-й и 3-й томы «Капитала» должны безусловно считаться коллективным произведением Маркса и Энгельса. Надо прочитать письма Энгельса, чтобы видеть, как благоговейно он отнесся к своей задаче, как берег он каждый атом своей духовной энергии, каждую минуту своего времени, чтобы успеть выполнить свое дело! И с каким трепетом он ждал появления в свет 3-го тома. Дело сделано, теперь я могу спокойно умереть—вот чем веет от его писем того времени!

* *
*

Занятый огромным трудом по изданию «Капитала», Энгельс не забрасывает и текущих работ. Он ведет огромную переписку с руководителями рабочего движения различных стран, дает им советы, помогает литературно, и т. д. Он пишет в «Neue Zeit», в органах французской социал-демократии, в нелегальном «Социал-Демократе» и т. д. С живейшим участием он следит за ходом рабочего движения в Германии, вмешивается, поскольку

может, в практическую деятельность, критикует легальную и нелегальную литературу германской с.-д., оценивает деятельность парламентской фракции, с величайшей радостью констатирует каждый успех с.-д. партии, и т. д. Не менее внимательно следит он за социалистическим движением во Франции, в Америке, в Австрии. Принимает деятельное — насколько позволяет ему время — участие в рабочем движении Англии, где он жил; с большим интересом следит и часто отзывается в литературе о каждом течении в английском рабочем движении, старается практически повлиять на ход дел, и т. д. Большое внимание уделяет Энгельс России. С изумлением следит он за деятельностью партии «Народной Воли». С особенным интересом он всматривается в экономический строй России, в ее хозяйственный уклад. Над идеологией российской интеллигенции Энгельса впервые заставил призадуматься Бакунин, сыгравший известную роль в международном движении пролетариата. Специальная статья посвящена была Энгельсом России в Volksstaat'е. Останавливаясь на взглядах Ткачева, Энгельс формулирует свои воззрения на экономическую действительность России *).

Он признает важное значение за крестьянством, отводит довольно видную роль интеллигенции, но главным образом подчеркивает зависимость положения дел в России от обще-европейских условий. Он подмечает быстрое развитие русского капитализма и тесную его связь с мировым хозяйством **).

Фридрих Энгельс, как личность, был удивительно цельной, здоровой, энергичной, бодрой натурой. В глубокой старости — он умер 75-ти лет — он сохранял всю свою кипучую энергию, всю неутолимую жажду работы и борьбы. В личных отношениях Энгельс, этот блестящий и едкий полемист, был до чрезвычайности мягок, скромен, симпатичен. Мы уже приводили примеры его поразительной скромности. Являясь как бы дополнением к Марксу, работая с ним в полном единодушии большую часть своей жизни, он был нежно предан Марксу, глубоко, истинно по-дружески любил его.

---

*) Из-за ареста статьи не удалось закончить ее в том объеме, как это предполагалось сделать. В результате этого один из интереснейших отделов статьи об Энгельсе (его соображения, относящиеся к России) оказался по необходимости скомканным.

**) См. письма Энгельса, опубликованныя в №№ 1 и 2 «Минувших годов» за 1918 год.

Натура Маркса была во многом не сходна с характером Энгельса. Хорошо известно, правда, что изображение характера Маркса, даваемое Анненковым ([17]) в его «Замечательном десятилетии», односторонне. Анненков прав, говоря о Марксе, что он «представлял собою человека, сложенного из энергии, воли и несокрушимого убеждения». Надо было бы прибавить: это дополнялось еще гениальным полетом мысли, глубокой основательностью и осторожностью в выработке этих несокрушимых убеждений. И, наконец, как справедливо свидетельствует об этом Лафарг, этот человек с резким металлическим голосом и безапелляционными приговорами о людях хранил в своем сердце настоящие сокровища нежности и мягкости, которых так естественно было не заметить такому человеку, как Анненков.

Но Энгельс — не Анненков. Он действительно знал и понимал Маркса. И то плодотворное, тесное, непрерывное умственное общение этих двух замечательных людей, которое подарило нам цельную, стройную и почти совершенно законченную теорию научного социализма, дополнялось трогательной сердечной дружбой.

Это был братский союз двух товарищей-социалистов, образец и предвестник тех братских отношений, которые воцарятся в обществе будущего.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Статья была написана для легального сборника «Памяти Карла Маркса», изданного в Петрограде в начале 1908 г. Вследствие ареста автора, последние абзацы дописаны одним из уцелевших товарищей (Н. Рожковым).

В 1918 г. сборник был переиздан, причем из него были устранены статьи тех литераторов (Рожков, Реннер, Базаров и др.), которые ушли из рядов революционных марксистов.

[2]) «Коммунистический Манифест» написан в 1847 г., а опубликован в 1848 г.

[3]) Бруно Бауэр, Кеппен, Макс Штирнер и другие—идеологи оппозиционной буржуазии, издававшие «Рейнскую Газету», в которой сотрудничал Карл Маркс. Углубив свои знания, Карл Маркс разошелся с ними и, вместе с Энгельсом, выступил против них в памфлете «Святое Семейство», изданном в 1845 г.

[4]) Имманентное — непрекращающееся, обусловленное внутренними причинами.

[5]) Роберт Оуэн — один из утопистов, мечтавший о преобразовании социального строя не путем борьбы, а благодаря идеализму рабочих и буржуазии.

[6]) Меркантилизм — экономическая теория, согласно которой богатство страны состоит исключительно в золоте. Поэтому для увеличения национального богатства необходимо всеми мерами добиваться притока золота в страну. Соответственно этому, меркантилизм приводит к системе покровительственных пошлин, с целью уменьшить ввоз и увеличить вывоз своей страны. Меркантилизм в экономической политике европейских государств господствовал особенно в XVI - XVIII веках.

[7]) Фритрэдерство — экономическая теория и политика, противоположная меркантилизму. Фритрэдерство по-английски значит свободная торговля. Фритрэдеры выступали против всякой государственной регламентации торговли и промышленности и приписывали всеспасающую силу свободной конкуренции.

[8]) Адам Смит (1723 - 1790) — английский экономист, отец классической политической экономии. Смит первый доказал, что не деньги, а человеческий труд является источником богатства народов. Смит — полный сторонник разделения труда и полной свободы частной инициативы. Главный труд его называется «Богатство Народов».

[9]) Мак Куллох (1789 — 1864) — английский экономист, последователь Рикардо (см. ниже) и популяризатор его идей.

[10]) Давид Рикардо (1772 - 1823) — английский экономист, последователь Адама Смита. Ему принадлежит дальнейшее развитие трудовой теории ценности, которое дало толчок к развитию экономических идей Маркса.

[11]) Жан - Баптист Сей (1767 - 1832) — французский буржуазный экономист. Сей подчеркивал роль капитала в создании хозяйственных благ и в этом расходился с английской классической школой, которая настаивала на том, что лишь труд создает ценность. Ценность по Сею определяется исключительно ее потребительской полезностью и поэтому в понятие ценности входят и нематериальные продукты.

[12]) Мальтус (1766-1834) — английский экономист, автор нашумевшей теории народонаселения, согласно которой население возрастает быстрее, чем средства к существованию. Поэтому, во избежание окончательной катастрофы, человечество (в первую очередь, конечно, рабочий класс) должно принять меры для уменьшения рождаемости.

[13]) Томас Карлейль (1795 - 1881) — английский писатель, историк, очень талантливо и страстно бичевавший язвы современного ему капиталистического общества, но, не будучи социалистом, ждал спасения человечества от установления новой «мистической» религии.

[14]) Людвиг Фейербах (1804-1872) — немецкий философ, ученик Гегеля, оказавший сильное влияние на Маркса и Энгельса, которые впоследствии подвергли его резкой критике. Его основное сочинение «Сущность Христианства», в котором он доказывает, что бог христианской, да и всякой другой религии — является лишь олицетворением внутренней природы человека.

[15]) Виллих — один из вождей партизанских отрядов во время Баденско-Пфальцского восстания в 1849 г. Впоследствии член «Союза Коммунистов», расходившийся с Марксом и Энгельсом по ряду принципиальных вопросов.

[16]) Бакунин (1814 - 1876)—русский анархист, игравший видную роль в I Интернационале и разлагавший его своими анархическими взглядами, увлекавшими более отсталых рабочих.

[17]) Анненков, Павел Васильевич (1812 - 1887), литературный критик, друг Белинского и Герцена. Долго жил заграницей, где сталкивался с рядом замечательных людей, между прочим с Марксом и Энгельсом.

МАРКС и ФРЕЙЛИГРАТ (1).

В течение почти целых двух десятилетий основоположник научного социализма связан был узами самой тесной дружбы с великим поэтом, певцом революции—Фердинандом Фрейлигратом. В 1848 году, Фрейлиграт окончательно примкнул к небольшой, но блестящей плеяде деятелей, окружавших тогда Карла Маркса. Он остался одним из самых близких к Марксу людей также и в изгнании, в тяжелую годину эмигрантской жизни—по крайней мере, в первые годы контр-революции.

И вот Фр. Мерингу (см. его недавно вышедшую на немецком языке работу: «Маркс и Фрейлиграт в их переписке») удалось по «человеческим документам»—по письмам, часто носящим совершенно интимный характер, восстановить не только чисто биографическую сторону взаимоотношений двух великих людей, но и обогатить новыми штрихами описание тех общих условий, при которых Марксу пришлось жить и созидать свое великое дело.

I.

Первая личная встреча между Марксом и Фрейлигратом произошла в начале 1845 года. До этого времени они относились друг к другу скорей даже враждебно. Когда в самом начале 40-х годов между Гервегом (2) и Фрейлигратом завязалась полемика по вопросу о том, каково назначение поэта и чему должна служить поэзия, Маркс оказался всецело на стороне Гервега, или, вернее—Гервег стал на точку зрения, чрезвычайно близкую Марксу.

Фрейлиграт в ту пору выступил против чрезмерного «фанатизма» поэзии Гервега и отстаивал тот взгляд, что поэт должен быть выше партий и партийности, что он должен воспевать не только борцов за народное дело, но может «преклонять колени и перед героизмом Бонапарта».

«Der Dichter steht auf höhern Warte,
Als auf den Zinnen der Partei *).

так оформил свое нападение на Гервега Фрейлиграт.

---

*) Смысл тот, что поэт должен наблюдать жизнь с более высокого поста, чем это возможно в рамках определенной партии.

Гервег отвечал на это тоже в стихотворной форме в «Рейнской Газете», главным сотрудником которой состоял Маркс.

— «Поэт не может стоять по ту сторону добра и зла. В предстоящей революции он должен быть по сю или по ту сторону баррикады, он должен иметь определенное знамя. Выберите другое знамя, чем мое, это я пойму. Только выберите, станьте определенно с нами или против нас». Таков был смысл ответа Гервега, который заканчивался нарочитым подчеркиванием того, что «мои лавры, это—лавры партии».

Маркс, как уже сказано, был в этом споре на стороне Гервега. И это помешало ему сойтись с Фрейлигратом.

То самое расхождение, которое раньше мешало Марксу и Фрейлиграту сойтись, впоследствии заставило их разойтись. Фрейлиграт и после того, как примкнул к Марксу, остался революционером чувства, между тем как Маркс явил миру исполинскую фигуру человека знания, человека науки, человека, который соединил в себе пламенную страсть революционного борца, с несокрушимой убежденностью прокладывающего новые пути реформатора-ученого. В конечном счете именно эта противоположность двух различных исторических фигур и была причиной всех последующих столкновений между Марксом и Фрейлигратом.

Осенью 1844 года Фрейлиграт, после издания своего «Символа Веры», вынужден был покинуть Германию. В Брюсселе, куда уехал и Маркс, вынужденный покинуть Париж, произошла первая встреча Маркса и Фрейлиграта.

Маркс сейчас же по приезде в Брюссель сказал сопровождавшему его Генриху Бюргерсу (3): — «Мы должны сегодня же пойти к Фрейлиграту. Он—здесь, и я должен исправить то, что совершила по отношению к нему «Рейнская Газета», когда он еще стоял «выше партий». Фрейлиграт своим «Символом Веры» искупил все свои грехи».

Встреча произошла. Сам Фрейлиграт писал о ней 10 февраля 1845 года в письме к Бюхнеру (4): «Вот уже неделя, как и Маркс здесь: интересный, безукоризненный, прекрасный малый.»

Сближение пошло очень быстро. Через два с лишним года мартовская революция (5) позволила Фрейлиграту вернуться в Германию. Он сразу и вполне определенно примкнул к демократической партии. Когда в октябре Маркс и Энгельс смогли опять возобновить начатую в июне и временно приостановленную

«Новую Рейнскую Газету»—они имели уже возможность официально заявить, что и Фрейлиграт вошел в редакцию этой получившей историческую известность газеты.

II.

19 мая 1849 года герои контр-революции задушили «Новую Рейнскую Газету». Маркс был выслан из пределов Пруссии и отправился в Париж. Все остальные члены редакции тоже были рассеяны, временно остался в Кельне только один Фрейлиграт. Ему тоже скоро пришлось эмигрировать. И с этого времени начинается вторая полоса в дружбе Маркса с Фрейлигратом.

Прежде всего приходится отметить чрезвычайно тяжелое материальное положение, в какое попал Маркс. Он отдал все свое состояние «Новой Рейнской Газете» и Союзу Коммунистов и сам остался со всей своей семьей без всяких средств к жизни. Либкнехт и недавно Гайндман рассказали уже, как впоследствии Марксу пришлось пережить в Лондоне очень горькие минуты. Однажды, когда семья совершенно голодала, Маркс отправился закладывать пару доставшихся жене по наследству подсвечников. В ломбарде Маркс был арестован, так как на подсвечниках был фамильный герб, и Маркс был заподозрен в краже. Лишь через день выяснилось недоразумение.

Из переписки Маркса с Фрейлигратом вырисовывается не менее красноречивая картина нищеты, какую пришлось пережить великому учителю рабочего класса. Парижская полиция, в угоду германской контр-революционной шайке, вновь выслала Маркса из Парижа, милостиво разрешив ему жить только в Морбигане— самой худшей части Франции, в болотистом месте, гнезде лихорадки и всяких других болезней.

Фрейлиграт и его друзья всячески старались не допустить переезда Маркса в Морбиган и настаивали на его переезде в Лондон. Но тут-то и стал денежный вопрос во всей своей остроте. Жена Маркса не могла выехать из-за неимения необходимых 100 франков. Сам Фрейлиграт тоже очень нуждался и вскоре вынужден был для снискания средств к жизни поступить служащим в какой-то лондонский банк. Маркс обратился за помощью к Лассалю. Тот устроил прямой сбор в пользу Маркса. При этом Фрейлиграт в письмах к Марксу резко порицал Лассаля за то, что тот будто афишировал свое покровительство Марксу...

Денежные сборы в пользу Маркса пришлось устраивать и Фрейлиграту, который делился со своим другом и своими личными, крайне скудными средствами. При таких условиях приходилось работать Марксу почти все время его жизни в эмиграции.

После переселения в Лондон, Маркс, как известно, отстранился от эмигрантской сутолоки и дрязг и занялся почти исключительно научной работой. Это не избавило его от мелких и мелочных нападок, в изобилии порождаемых затхлой атмосферой вырождающейся части эмиграции.

Когда в Лондон прибыл и Фрейлиграт (из Лондона он впоследствии несколько раз надолго отлучался), его стали зазывать к себе все те многочисленные, оторвавшиеся от дела и родной почвы эмигрантские группы и фракции, которые в таком изобилии процветали тогда в Лондоне. Фрейлиграт решительно отстранился от этих объятий и остался в тесных отношениях лишь с Марксом и его ближайшими единомышленниками.

В течение 5—6 лет со времени эмиграции Фрейлиграта дружба великого творца научного социализма с вдохновенным певцом революции не омрачилась ни одним облачком. Маркс прекрасно знал слабые стороны Фрейлиграта и умел прощать их ему за то великое, что было в поэте революции. В этом смысле чрезвычайно характерно одно письмо Маркса к Вейдемейеру по поводу Фрейлиграта.

Вейдемейер задумал основать в Нью-Иорке орган коммунистической пропаганды и, между прочим, просил Маркса добиться сотрудничества Фрейлиграта для этого органа. Маркс попросил Фрейлиграта прислать несколько стихотворений. Тот прислал. И вот, пересылая эти стихотворения Вейдемейеру, Маркс пишет:

«Пошли Фрейлиграту дружеское письмо. Ты можешь не скупиться даже на комплименты, ибо все поэты, даже самые лучшие из них, любят, чтоб им польстили... *). Наш Фрейлиграт—прекрасный человек... Он—настоящий революционер... И, тем не менее, всякий поэт, чем бы он ни был, как человек, нуждается в аплодисментах, в admiration (восхищении). Я полагаю,—это лежит в природе самого жанра.»

Маркс редко к кому проявлял столько снисходительности. Он чрезвычайно высоко ценил поэтический талант Фрейлиграта,

*) В тексте — по-французски — весьма игриво... «sont des courtisans, et il faut les cajoler, pour les faire chanter» (нужно пощекотать их самолюбие, чтобы заставить их петь).

отданный на службу революции, он прощал ему многое. Он холил и растил этот талант, он развивал и направлял его. Маркс настолько привязал к себе Фрейлиграта, что тот в течение указанных лет ни одного серьезного шага не делал без совета с «Мавром» (Марксом). В течение указанного периода «Мавр» и «Мавританский Князь» (Фрейлиграт) находились в самом тесном—личном общении и переписке. Они обменивались мнениями и советовались друг с другом и по вопросам личной жизни, и о политике, и о поэзии. Сегодня злобой дня был Кельнский процесс коммунистов, завтра—вопрос о войне и т. д. и т. п. Во всех этих вопросах Фрейлиграт, добровольно признавал гегемонию Маркса, которого он ставил недосягаемо-высоко...

III.

Со второй половины 50-х годов между Марксом и Фрейлигратом начинается некоторое охлаждение.

Вначале поводы были совершенно второстепенного характера. Маркс не одобрил Фрейлиграта за то, что он проявил слишком большую снисходительность к пустому фразеру Готтфриду Кинкелю (6), которого Фрейлиграт раньше вместе с Марксом жестоко высмеивал. Далее Маркс очень неодобрительно отнесся к тому, что Фрейлиграт принял участие в Шиллеровских торжествах, которым, по позднейшим признаниям самого Фрейлиграта, придан был приторно-казенный характер. Маленькую трещину создали эти сравнительно незначительные столкновения. Главной причиной разрыва между Марксом и Фрейлигратом было известное столкновение Маркса с клеветником Карлом Фогтом (7) и та позиция, которую при этом столкновении занял Фрейлиграт.

Перед Фрейлигратом, как поэтом, достигшим к этому времени большой славы, как водится, лебезила целая стая буржуазных писак—в том числе и из так называемых «демократов». У этих господ вошло в обычай писать невозможно льстивые панегирики Фрейлиграту, которые каждый раз неизменно заканчивались обычным припевом: все было бы отлично, Фрейлиграт был бы обще-признанным национальным гением,—если бы... не «вредное влияние» на него со стороны Маркса. Особенно отличился в этом отношении некий господин Бетта, который, восхваляя Фрейлиграта за участие в Шиллеровских

торжествах, старался особенно обдать грязью Маркса, изображая его «виртуозом ненависти», озлобленным и своекорыстным человеком, которого «ни разу за всю его жизнь не посетила ни одна благородная мысль», одним словом — каким-то исчадием ада. Маркс обыкновенно с презрением проходил мимо этого лая литературных шавок. Лишь один раз Маркс хотел ответить Бетте и К° и намеревался процитировать очень лестные для него (Маркса) письма Гейне к нему, но опять-таки раздумал и ответил презрительным молчанием. Фрейлиграту же, повидимому, были особенно неприятны эти толки в печати о том, будто Маркс «использует» его, поэта, в своих «узко-партийных делах». И вот инцидент с Фогтом был последней каплей, переполнившей чашу.

Либкнехт, первый вынесший в легальную германскую печать указания на бесчестную игру К. Фогта, имел при этом неосторожность сослаться, как на людей, могущих подтвердить его обвинения, на Маркса и Фрейлиграта. Когда Либкнехта потребовали к ответу, он попал в очень трудное положение: несколько лиц, ранее обвинявших Фогта и имевших против него документальные данные, теперь попытались уклониться от ответственности и отреклись от своих прежних слов. Маркс не только не предоставил Либкнехта самому себе в этом трудном положении, но горячо поддержал его, рискуя сам целым рядом неприятностей. Фрейлиграт же, наоборот, поспешил умыть руки и заявить в печати, что Либкнехт на него ссылался напрасно; что имя его запутали в эту историю без его ведома и что он вообще тут не при чем.

Между Марксом и Фрейлигратом по этому поводу произошел обмен резкими письмами. Однажды Маркс даже устроил Фрейлиграту в банке, где этот последний служил, очень «бурную сцену». Дело приближалось почти к полному разрыву отношений.

Фрейлиграт раздраженно писал Марксу:

— «Я заявляю тебе: никогда и ни при каких обстоятельствах я, ни из соображений личной дружбы, ни из соображений партийных, не позволю использовать мое имя в подобного рода делах».

А Маркс отвечал:

«...Что до меня, то я привык отвечать за всю партию и видеть, как мое имя забрасывают грязью за нее. Я привык

постоянно видеть, как мои частные интересы страдают из-за интересов партийных».

Тут опять столкнулись два непримиримых взгляда, и всплыл старый спор: должен ли поэт стоять «над партиями» и «выше партий». Вопрос был поставлен в острой форме, и каждый настаивал на своем. В пылу борьбы Маркс несколько преувеличивал значение его борьбы с Фогтом. Он считал, что это столкновение будет иметь историческое значение для судеб партии и «для ее позднейшей позиции в Германии». Маркс органически не мог понять, как можно устраниться от борьбы со злом и от защиты правого дела только потому, что в ходе борьбы приходится наталкиваться на мелочность, злобу и грязь...

Маркс нисколько не преувеличивал, когда он сказал, что привык видеть, что его имя забрасывают грязью. И до истории с Фогтом Марксу пришлось в этом отношении перенести слишком много. Но Фогт с его кликой превзошли все. В листках, «разоблачительных» брошюрах и т. п. они распространяли самые чудовищные обвинения против Маркса. Дошло до того, что Маркса обвиняли в том, будто он втягивает людей в революционную деятельность, чтобы потом вымогать у них деньги за недонесение и т. п. При таких условиях Маркс, конечно, не мог не осудить Фрейлиграта за попытку занять «нейтральную» позицию, которую враги и в первую очередь Фогт использовали в своей подлой травле против Маркса и марксизма...

Маркс чрезвычайно высоко ценил талант Фрейлиграта. Через некоторое время он, несмотря ни на что, делает попытку возобновить старые отношения с поэтом. Он пишет Фрейлиграту чрезвычайно задушевное и теплое письмо, в котором между прочим говорит:

«Ты знаешь, я не легко схожусь с людьми, но, кто стал моим другом, тому я верен надолго»...

Маркс идет дальше. Он почти извиняется перед Фрейлигратом, заявляя ему в другом письме:

«Если я в чем согрешил перед тобой, то я всегда готов признать свою ошибку. Я сознаю, что и мне ничто человеческое не чуждо».

Фрейлиграт тоже отвечает письмами, полными теплых чувств лично к Марксу. Но по тому вопросу, который по существу дела их разделял, согласие не достигнуто. Фрейлиграт еще раз заявляет:

«Мне, да и всякому поэту, нужна свобода. Партия тоже — клетка, и даже в интересах самой партии лучше поется, когда находишься не внутри, а вне этой клетки... Я был поэтом пролетариата и революции раньше, чем стал членом Союза Коммунистов и редактором «Новой Рейнской Газеты». Я хочу стоять на собственных ногах, я хочу принадлежать самому себе и сам собою располагать».

Тщетно Маркс убеждает Фрейлиграта в том, что «под партией он (Маркс) разумел партию в великом историческом смысле слова», а не непременно данный кружок или данную организацию (союз коммунистов). Поэт остается верен своей старой точке зрения. *Социалист чувства*, он продолжает считать определенность — узостью, практическую обстановку борьбы в данных тяжелых условиях — жалкой прозой и грязью, о которую не стоит рук марать, партию — «клеткой».

Личные отношения между Марксом и Фрейлигратом восстановились и продолжались еще ряд лет, но пути их разошлись, и полного понимания друг друга больше не было. Одно из последних писем Фрейлиграта к Марксу трактует о только что вышедшем I томе «Капитала». Как нельзя характернее для Фрейлиграта, что «Капитал» он находит научным пособием, чрезвычайно полезным для... купцов и фабрикантов, из которых многие, по его словам, встретили эту книгу с большим энтузиазмом...

* *

Глубоко прав Ф. Меринг, когда он говорит:

— Фрейлиграт был революционером из поэтической интуиции, революционером лишь чувства, Маркс же — революционером из глубочайшего проникновения в историческое развитие общества и государства. Их свела революция и взаимное уважение к отваге и твердости характера каждого из них. Когда же по всей линии победила контр-революция, — мало-по-малу наступило отчуждение и выступило сильнее то, что их всегда разъединяло. То, что постиг Маркс своим гениальным умом, того не мог постичь Фрейлиграт своей поэтической фантазией.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) Маркс «Фрейлиграт» — статья из № 3 журнала «Просвещение» март, 1913 года.

[2]) Гервег, Георг (1817 — 1875), немецкий поэт и политический деятель, друг Маркса, принимавший активное участие в революции 1848 года.

[3]) Бюргерс, Генрих, сотрудник «Рейнской Газеты» и «Новой Рейнской Газеты» (в которых работал К. Маркс), впоследствии ставший умеренным прогрессистом.

[4]) Бюхнер, Людвиг, известный немецкий материалист, автор нашумевшей книги «Сила и материя» (1824 — 1899).

[5]) Мартовская революция 1848 года.

[6]) Готфрид Кинкель (1815 — 1882), немецкий поэт и историк искусства, участник Баденского восстания 1849 г., приговоренный к пожизненной каторге, но бежавший из тюрьмы, занявший впоследствии среди эмигрантов резко враждебную социалистам позицию.

[7]) Карл Фогт (1817 — 1895), немецкий естественник, один из ярых провозвестников материализма, вынужденный эмигрировать из Германии после 1848 г., впоследствии враг Карла Маркса.

МАРКС И ИНТЕРНАЦИОНАЛ (1).

«Нет, я не уйду из Интернационала».
Карл Маркс.

Карл Маркс не только первым выкинул идейное знамя рабочего Интернационала. Он стоял в первых рядах и как практический организатор международного рабочего движения. Маркс не только первый выкинул лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» — пароль, который теперь вошел в плоть и кровь всего передового рабочего движения, Маркс еще стоял у колыбели первых зачаточных практических организаций социалистов, начертавших на своем знамени интернационализм.

Еще до 1848 года Маркс и его великий друг Энгельс принимают самое деятельное участие в Союзе Коммунистов. На первом съезде Союза (раньше он назывался Союзом Справедливых) присутствовал один Энгельс. На втором съезде Союза Коммунистов, в конце ноября 1847 года, присутствовал уже и сам Маркс.

На этом съезде Маркс развил основы нового социалистического мировоззрения. Выслушав Маркса, съезд поручил ему и Энгельсу выработать программу Союза. В результате этого и появился (в феврале 1848 года) знаменитый «Коммунистический Манифест», сыгравший такую огромную роль для всего международного рабочего движения.

В начале 60-х годов мечта Маркса о создании более или менее прочной международной организации пролетариата начинает осуществляться.

6 августа 1862 года в Лондоне, во время всемирной выставки, состоялось свидание 70 делегатов от французских рабочих с английскими рабочими. Между ними завязались братские отношения.

22 июля 1863 года (2) делегаты парижских рабочих присутствовали в Лондоне на митинге в честь Польши. Это еще больше упрочило связи между французскими и английскими рабочими. Вскоре — 28 сентября 1864 года состоялся в Сен-Мартинс-Холле тот исторический митинг, который положил начало славному «Международному Товариществу Рабочих», известному впоследствии под именем Первого Интернационала.

На этом митинге выбран был комитет из 21 человека, которому поручено было выработать устав организуемого общества. Среди этих 21 лиц наиболее скромное место, казалось, занимал тогда еще мало известный «доктор Маркс». И именно этот «доктор Маркс», будущий величайший мыслитель 19-го века и основоположник научного социализма, стал фактическим вождем Интернационала во всей его славной деятельности.

В первом же, написанном Марксом, «учредительном адресе Интернационала», оканчивающемся словами: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»,— Маркс провозглашает, что для экономического освобождения рабочим необходимо добиться политической свободы. Это сразу вооружает против Интернационала всю международную реакцию. В 1831 году *Казимир Перье* (3), докладывая французской палате депутатов о первом крупном рабочем движении во Франции, о бунте лионских ткачей, сказал: «Милостивые государи! Мы можем быть спокойны; в движении рабочих в Лионе *не было ничего политического*». Больше всего международная реакция боялась п о л и т и ч е с к о г о движения рабочих. Интернационал, под руководством Маркса, сразу показал международной реакции, что старые «добрые» времена, когда рабочие были только политическим придатком к буржуазии, отошли в безвозвратное прошлое.

«Международное Товарищество Рабочих» очень быстро развернулось в могучую организацию, к которой потянулось все живое из среды молодого рабочего класса всех стран. Всем этим великим движением рабочих руководил Генеральный Совет Интернационала, который, в свою очередь, направлялся верной рукой Карла Маркса.

Первые конгрессы Интернационала должны были заняться целым рядом крайне важных для всемирного рабочего движения вопросов. Марксу приходилось считаться с целым рядом анархистских и вообще мелкобуржуазных предрассудков, которые тогда еще имели огромное влияние во Франции, Швейцарии, Бельгии и т. д.

Все главные резолюции первых конгрессов Интернационала писаны и редактированы Марксом. В этих резолюциях затронуты такие важные вопросы, как о профессиональных союзах, кооперативах, милитаризме, косвенных налогах и т. д. Некоторые из этих резолюций не утеряли еще и теперь всей своей принципиальной важности. Такова, например, резолюция Женев-

ского съезда (1866 г.) о профессиональных союзах, в которой Маркс писал:

— «Профессиональные союзы до сих пор слишком сосредоточивали свое внимание на частных столкновениях непосредственно с капиталом... Они поэтому держатся слишком далеко от общего социального и политического движения. Союзы должны поддерживать всякое социальное и политическое движение, ведущее... к полной эмансипации рабочего класса»...

Особенно блестящую страницу в истории Интернационала вписал Маркс своей огненной защитой Парижской Коммуны 1871 года. Защита эта дана в манифесте-брошюре «Гражданская война во Франции», который опубликован был от имени Генерального Совета и который еще теперь нельзя читать без живейшего волнения.

К концу 60-х годов старый Интернационал стал ослабевать. В 1873 году Интернационал в его старом виде распался. Его подорвал раскол с анархистами. Но главной причиной распада его был рост рабочего движения в отдельных странах. Старые формы себя пережили, а новые еще не были найдены.

Как ни горевал Маркс по поводу смерти своего детища, но он первый понял исторический смысл распада Первого Интернационала. Он знал, что 9 славных лет (1864—1873) не пропали даром. Уже 28 сентября 1873 года, в самый момент гибели Интернационала, он писал: «События и самый ход вещей позаботятся о восстановлении Интернационала в более соответствующем виде». Действительно, через каких-нибудь $1^1/_2$ десятилетия слова Маркса оправдались.

Интернационал возродился в 1889 году, на первом международном социалистическом конгрессе в Париже. Сам Маркс не дожил до этого желанного момента. Оправдались слова Энгельса, писавшего еще в 1874 году:

«Я думаю, что следующий Интернационал будет после того, как учение Маркса в течение ряда лет будет все более и более усваиваться»... Но Энгельсу после возрождения Интернационала оставалось только горестно восклицать: «Как жаль, что до этих дней не дожил главный творец научного социализма, незабвенный Маркс!»...

— «Десять лет Интернационал правил одной стороной европейской истории, и именно той, в которой заложено все будущее, и он имеет полное право с гордостью оглянуться на пройденный путь», —

писал в свое время Энгельс. И если это так — а это несомненно так — то заслуга Маркса, главного вдохновителя Интернационала, имеет несомненно глубокое историческое значение...

— «Нет, я не уйду из Интернационала, и остаток моей жизни, как и вся моя прежняя деятельность, будет посвящен торжеству социальных идей, которые рано или поздно приведут к победе пролетариата»...

Так заявил Маркс в самые тяжелые для старого Интернационала времена... Великий вождь и учитель рабочего класса свято исполнил свое обещание. Он не ушел... Он жив в идеях нового Интернационала... Маркс умер, но марксизм жив. Живы его идеи, его учение. Жива его вера в победу рабочего класса, теперь более близкую, чем когда бы то ни было.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) «Маркс и Интернационал» — статья из № 52 (256) «Правды» (3 марта 1913 г.).

[2]) В это время умирало польское восстание, которое было прогрессивным по сравнению с черной реакцией царизма. Польские восстания того времени являлись стеной, отделявшей революционную Европу от царизма, который вынужден был всю ярость вымещать на поляках. Восстания 1831 и 1863 г.г. носили националистический характер и были по преимуществу движениями шляхты и небольших слоев зарождавшейся буржуазии и ремесленников.

[3]) Перье, Казимир (1777 — 1832), французский политический деятель; избранный в 1817 г. членом палаты Перье выступил решительным противником всех реакционных мероприятий тогдашнего министерства; в 1828 г.— министр торговли и промышленности; в революции 1830 г. принимал деятельное участие и не мало содействовал образованию конституционной июльской монархии. Составленная на основе новой конституции палата избрала Перье своим президентом; в 1831 году он стал во главе кабинета, оставив за собой портфель министра внутренних дел. В своей деятельности Перье следовал правилу juste milieu («золотая середина»), всеми силами стремясь водворить всюду порядок, что было его заветной мечтой.

ПЕРВОЕ ПИСЬМО ФРИДРИХА ЭНГЕЛЬСА К КАРЛУ МАРКСУ.

Возможно, что это, вообще говоря, не первое письмо Энгельса к Марксу, а лишь первое из сохранившихся писем. Во всяком случае письмо это чрезвычайно характерно для молодого Энгельса и очень любопытно для характеристики молодой Германии до-революционного периода.

Дружба Маркса и Энгельса началась в 1844 году. Статьи того и другого в Немецко-Французских Ежегодниках показали, что у авторов существует полная идейная солидарность в главнейших вопросах. И тот и другой, независимо друг от друга, приходили к одинаковым взглядам на счет роли и значения классовой борьбы во всей истории человечества.

Летом 1844 года дружба между Марксом и Энгельсом была окончательно закреплена во время личного их свидания в Париже. Об этих днях Энгельс говорит в своем письме, что это были лучшие дни в его жизни.

Маркс был тогда одним из сотрудников радикальной газеты «Vorwärts» («Вперед»), которую издавал в Париже Гейнрих Бернштейн. По требованию прусского правительства Маркс вскоре был выслан из Парижа и отправился в Брюссель. Первое письмо Энгельса к Марксу относится к тому времени, когда Маркс жил еще в Париже.

Оптимизм молодого Энгельса насчет того, что всюду в Германии «кишмя кишит коммунистами», разумеется, был мало обоснован. Но это-то и характерно для всего тогдашнего умонастроения молодых «коммунистов» до-революционной Германии. Когда молодой Энгельс с радостью сообщает, что у них «полицейский комиссар—коммунист»; когда он надеется, издав маленькую брошюрку, которую он пишет в 3 дня, объяснить широкой публике практическую осуществимость «коммунизма»; когда он кратко, но выразительно рассказывает о первых признаках стихийного пробуждения рабочих в промышленных центрах Германии, — читатель получает живое и непосредственное представление о молодой, свежей жизни, еще сдерживаемой плотиной старого порядка, но уже неудержимо рвущейся вперед...

(Бармен), конец сентября 1844 г.

Дорогой Маркс,

Ты будешь удивляться, что я не дал о себе знать раньше, и ты имеешь право на это; однако, я еще и сейчас не могу сказать тебе ничего определенного относительно моего возвращения. Я сижу здесь, в Бармене, вот уже 3 недели и приятно провожу время, насколько это возможно при малом количестве друзей и большом количестве родни, среди которой, к счастью, есть полдюжины любезных дам. О том, чтобы работать, здесь нельзя и помышлять. Тем более, что моя сестра обручилась с лондонским коммунистом Эмилем Бланком (Эвербек знает его), и теперь во всем доме идет, конечно, отчаянная суматоха и возня. Сверх того, я убедился, что моему возвращению в Париж будут оказаны значительные препятствия, и мне придется остаться в Германии еще на $^1/_2$ года, а то и на целый год. Я, разумеется, сделаю все возможное, чтобы избегнуть этого, но ты не поверишь, какие мелочные соображения и суеверные страхи выдвинуты против меня.

— Я провел три дня в Кельне и был изумлен той громадной пропагандистской работе, которую мы там проделали. Народ там чрезвычайно деятельный, но недостаток содержательности все еще очень чувствуется. Пока в нескольких сочинениях не будут ясно изложены логические и исторические основы мировоззрения и не будет выяснено, что оно является необходимым продолжением всего прежнего исторического развития, — до тех пор люди будут бродить в темноте и лишь ощупью находить дорогу. Затем я был в Дюссельдорфе, где мы тоже имеем несколько прекрасных людей. Но больше всего мне понравились мои эльберфельдцы, у которых новое мировоззрение действительно перешло в плоть и кровь; эти парни в самом деле начали революционизировать членов своих семей и задают хорошие головомойки своим старикам всякий раз, когда эти последние обнаруживают свои аристократические повадки в обращении с прислугой или с рабочими. А в патриархальном Эльберфельде такие привычки очень распространены. Кроме этого кружка, в Эльберфельде существует еще другой, который тоже очень хорош, но в нем побольше конфуционизма. В Бармене полицейский комиссар — коммунист. Третьего дня был у меня один

старый школьный товарищ, учитель гимназии. Оказывается, и его сильно коснулась зараза. А между тем, он никогда даже не приходил в соприкосновение с коммунистами. Если бы могли непосредственно воздействовать на народ, мы бы очень скоро одержали верх. Но это почти невозможно, в особенности потому, что мы, пишущая братия, должны держать себя тихонько, чтобы нас не схватили. А вообще говоря, здесь довольно спокойно, о нас мало беспокоятся, пока мы осторожны. Меня здесь совершенно не трогают, и только однажды прокурор справлялся обо мне у моих знакомых. Это все, о чем я слышал до сих пор.

В здешних газетах сообщалось, будто здешнее правительство преследует Бернея и будто ему пришлось там предстать перед судом. Напиши мне, верно ли это и что поделывает брошюра, — я полагаю, она уже опять готова. О Бауэрах здесь ничего не слыхать, никто не знает о них абсолютно ничего. Об Ежегодниках, напротив, ожесточенно спорят еще посейчас. Моя статья о Карлейле создала мне значительную славу в глазах «массы». Смешно. А мою экономическую статью и прочли-то совсем немногие. Естественно...

В Эльберфельде господа пасторы.. читают против нас проповеди, пока только — против атеизма некоторых молодых людей. Но я надеюсь, что скоро последует целая филиппика против коммунизма. Прошлым летом во всем Эльберфельде только и разговору было, что об этих безбожниках. Вообще движение здесь замечательное. За время моего отсутствия здесь во всех отношениях шагнули вперед больше, чем за последнее полстолетие. Нотки общественности стали явственнее и цивилизованнее, прикосновенность к политике, оппозиционное настроение — всеобще, промышленность сделала колоссальные успехи, — выстроены новые кварталы, вырублены целые леса. В общем уровень не ниже, а выше всей вообще немецкой цивилизации, меж тем, как еще совсем недавно было наоборот. Словом, здесь подготовляется великолепная почва для нашего принципа. И когда мы сможем привести в движение наших диких, горячих красильщиков и белильщиков, ты придешь в восторг от нас. Рабочие в последние годы как бы дошли до последней ступени старой цивилизации, они протестуют против старой социальной организации посредством неудержимого увеличения преступлений, грабежей и убийств. Ночью опасно выходить на улицу, буржуазию

бьют, подкалывают ножами и грабят; и если здешние рабочие будут развиваться по тем же законам, что и английские, то они скоро убедятся, что эта манера индивидуального протеста против социального строя — бесполезна. И тогда они начнут, как человеческая масса, протестовать посредством присоединения к коммунизму. Если бы только можно было указать путь этим людям! Но это — невозможно.

Мой брат теперь отбывает воинскую повинность в Кельне. Пока он не попал под подозрение, его адрес будет надежен для пересылки писем Гессу и К°. Но пока я еще сам не знаю его точного адреса и не могу тебе его прислать.

С тех пор, как я написал эти строки, я побывал в Эльберфельде и опять наткнулся на несколько ранее мне незнакомых коммунистов. Куда ни повернешься, — всюду кишмя кишит коммунистами. Один очень яростный коммунист, художник и карикатурист по имени Зеель, через 2 месяца едет в Париж. Я направлю его к вам. Он наверное понравится вам своим энтузиазмом, своей любовью к искусству и музыкальностью. Кроме того, он может вам пригодиться как карикатурист. — Может быть, я и сам к тому времени буду уже там, но это еще очень сомнительно.

«Vorwärts» получается здесь в нескольких экземплярах, я позаботился, чтобы и другие подписались: вели послать пробные нумера по адресам... через коммунистического книжного торговца Бэделера и в закрытых конвертах. Когда публика увидит, что газета доходит, все станут подписываться...

Засим позаботься о том, чтобы материалы, которые ты накопил, скоро увидели свет. Это давным давно пора сделать. Германии все еще очень неясен вопрос о практической осуществимости коммунизма. Чтобы устранить это глупое положение, я напишу маленькую брошюру, в которой покажу, что это уже осуществлено, и популярно изложу существующую в Англии и Америке практику коммунизма. Эта вещичка возьмет у меня дня три, а публику должна очень просветить. Это выяснилось для меня уже из разговоров со здешней братией.

Итак — дружно за работу. Кланяйся Эвербеку, Бакунину и другим не забывая и твоей жены, и пиши поскорее обо всем. Если это письмо придет к тебе во-время и в нераспечатанном виде, пиши мне по адресу... Старайся, чтобы почерк на конверте имел возможно более «коммерческий» вид и пользуйся одним из адресов, имеющихся у Эвербека. Мне очень любо-

пытно, удастся ли мне обмануть почтовых ищеек «дамской» наружностью этого письмеца.

Ну, будь здоров, дружище, и пиши поскорей. Ни разу не был в таком веселом расположении духа, как в те 10 дней, что провел у тебя, заняться устройством подлежащего устройству я еще не имел случая.

Фр. Энгельс.

ПРИМЕЧАНИЕ.

[1]) «Первое письмо Фр. Энгельса и Карлу Марксу» — статья из № 1 «Просвещения», за январь 1914 года.

ИЗ ПЕРЕПИСКИ КАРЛА МАРКСА С ФРИДРИХОМ ЭНГЕЛЬСОМ (1).

Вокруг «Новой Рейнской Газеты».

В момент февральской (2) революции Маркс находился в Брюсселе. Бельгийское правительство в интересах «общественного спокойствия» нашло необходимым выслать Маркса из пределов Бельгии. С Марксом и его семьей обошлись чрезвычайно жестоко. Его вместе с женой заперли на одну ночь в тюрьму, а потом выслали, не дав привести в порядок необходимых дел.

Маркс отправился в Париж. Но не успел он там оглянуться, как грянула революция 18 марта 1848 г. Времена были бурные. Революционное настроение в Германии все нарастало. За несколько дней до 18 марта Энгельс пишет Марксу в Париж, выражая надежду, что им обоим уже недолго осталось пребывать в изгнании.

Сейчас же после 18 марта 1848 г. Маркс и Энгельс отправляются в Германию. Они задумывают издавать в Кельне боевую политическую газету. В течение конца марта и всего апреля друзья заняты подготовкой газеты, главным образом — собиранием денежных средств для этого издания.

Так родилась «Новая Рейнская Газета», вошедшая в историю, как образец блестящего революционного публицистического органа. В ней Маркс дал ряд статей-шедевров, клеймящих половинчатость и контр-революционность либеральной буржуазии. В ней Маркс, Энгельс и целая плеяда сгруппировавшихся вокруг них молодых сил (достаточно назвать поэта Фрейлиграта (3)) страстно звали продолжать революцию, довести ее до конца, вымести из Германии все остатки феодализма и создать подлинную демократию в Германии.

«Новая Рейнская Газета» основывалась формально, как орган демократический, как газета крайней левой радикальной демократии, но своих социалистических («коммунистических» как тогда говорили) взглядов Маркс и Энгельс не скрывали. Смешно это было делать после их «Коммунистического Манифеста». Радикальная буржуазия прекрасно знала, с кем она имеет дело. В одном из писем к Марксу Энгельс прямо говорит, что радикалы не дают

денег на «Новую Рейнскую Газету», потому что ненавидят коммунизм и не хотят давать оружия в руки своим самым опасным противникам, т.-е. Марксу и Энгельсу.

В первых из приводимых ниже писем денежный вопрос занимает большое место. Без денег, разумеется, нельзя было осуществить такое крупное дело. Маркс отдал все свое состояние на «Новую Рейнскую Газету» и сам остался без гроша, чтобы потом испить до дна чашу бедствия и нищеты в эмиграции. Энгельс, сын очень богатых родителей, в ту пору еще не имел ничего и сам вынужден был брать гонорар от «Новой Рейнской Газеты».

Газета, несмотря на все трудности, все-таки осуществилась. 1-го июня 1848 года вышел первый номер «Новой Рейнской Газеты». В подзаголовке значилось: «орган демократии». Редакционный штаб состоял из Маркса, Энгельса, Вильгельма Вольфа ([4]), Ферд. Вольфа ([5]), Дронке ([6]), Веерта ([7]) и Бюргерса ([8]). (Впоследствии прибавился Фрейлиграт.) На привлечении Бюргерса настаивали акционеры из буржуазной демократии. По их расчетам, он должен был сдерживать «крайности» Маркса и Энгельса, но Бюргерсу это не удалось. Фактическим редактором газеты стал Карл Маркс, который был фактическим вдохновителем всех 300 вышедших номеров «Новой Рейнской Газеты».

Когда во Франции разразились июньские дни (трехдневная баррикадная борьба парижского пролетариата; восстание было подавлено Кавеньяком ([9])), Маркс написал в «Новой Рейнской Газете» пламенную статью в защиту рабочих — одну из самых блестящих статей, когда-либо написанных этим не только гениальным мыслителем, но и замечательным публицистом. — «Нас спросят, — писал он в этой статье, — неужели у нас нет ни одной слезы, ни одного вздоха сочувствия, ни одного доброго слова для тех людей, которые пали жертвой народного гнева, для национальной гвардии, для войск. Мы отвечаем: Государство обеспечит их вдов и сирот, в официальных декретах будут воспевать их заслуги, торжественные процессии будут сопровождать их тела на место последнего упокоения, официальная пресса объявит их бессмертными, всеевропейская реакция, от востока до запада, будет петь им хвалу. Но народ, плебеи, умирающие с голоду, осыпаемые презрением в буржуазной печати, оставленные без медицинской помощи врачами, поносимые всей золоченой челядью и высокопоставленными ворами, ссылаемые на каторгу, отрываемые от

голодных жен и нищенствующих детей — увенчать лавровым венком угрожающе мрачное чело этих людей есть право, есть преимущество демократической печати».

Из-за этой статьи все акционеры-«демократы» покинули «Новую Рейнскую Газету». Они не могли «стерпеть» защиты восставших рабочих, но Маркс, разумеется, продолжал вести газету в том же непримиримом духе.

После 3-х месяцев напряженной работы в Кельне — по случаю сентябрьских волнений—было объявлено военное положение. «Новая Рейнская Газета» была приостановлена, а большинству ее редакторов пришлось бежать, чтобы не быть арестованными. Бежал в числе других и Энгельс. Начиная с 4-го из приводимых здесь писем, переписка идет между Марксом, находящимся в Кельне, а затем в Гамбурге и Париже, и — Энгельсом, который жил в Швейцарии и томился «гнилой» жизнью заграницы, далеко от непосредственной борьбы и движения.

Заключением переписки вокруг «Новой Рейнской Газеты» служит последнее из приводимых здесь писем Энгельса из Вевэ. Оно писано после потерпевшего неудачу Баденского ([10]) восстания, в котором Энгельс принял деятельное участие, как адъютант Виллиха. И Энгельс несказанно счастлив тем, что хоть один из участников «Новой Рейнской Газеты» принял непосредственное участие, как простой солдат революции, в Баденском восстании. Он полон тревоги только по поводу судьбы Маркса, который, по слухам, арестован.

Скоро революция окончательно подавлена. «Новая Рейнская Газета» закрыта. Маркс и Энгельс вынуждены опять отправиться в изгнание. Они едут в Лондон. Там начинают издавать ежемесячное обозрение под тем же названием «Н. Р. Г.», но скоро издание приостанавливается за отсутствием средств.

Так погибла знаменитая «Новая Рейнская Газета»...

Маркс и Энгельс в эту памятную эпоху 1848—49 годов не жили, а горели. События бросают их из одного конца Европы в другой. Они полны революционного оптимизма и жадно следят за всеми проблесками революционного движения в Европе и особенно в Германии. «Известия из Германии великолепны, — с восторгом пишет Энгельс 9-го марта 1848 года. — В Нассау — форменная революция, в Мюнхене студенты, художники и рабочие устроили восстание, в Касселе — революция стучится в двери, в Берлине — страх неописуемый». Даже Бельгии пророчит Энгельс

революцию. «Они получат здесь республику, навязанную им биржей», — пишет он Марксу в конце марта.

Про Францию Маркс пишет от 16-го марта: «Здесь буржуазия опять становится отчаянно грубой и реакционной, mais elle verra» (но она увидит, что последует).

Еще в конце ноября 1848 года Маркс полон веры в возрождение германской революции и ее победу. «La revolution marche» (революция грядет) — пишет он Энгельсу в письме от 29-го ноября.

В этом Маркс и Энгельс ошиблись, но и ошиблись они, как великие революционеры.

Они приложили все усилия, чтобы поднять революционное движение до возможной высоты. Они боролись за новую революцию до последней минуты. Они безжалостно бичевали буржуазное правительство и либеральное тупоумие.

Написанное Марксом и Энгельсом в 1848—49 годах осталось шедевром и с точки зрения блестящей формы, и с точки зрения революционного содержания...

Кельн (средина апреля 1848 года)

Дорогой Энгельс.

Здесь подписано уже довольно акций (на «Новую Рейнскую Газету»), и мы, вероятно, скоро сможем начать. Но теперь как раз пора, чтобы ты поставил твоему старику точные требования и чтобы ты вообще сказал о п р е д е л е н н о, что можно сделать в Бармене и Эльберфельде.

Беккеру ([11]) в Эльберфельд ([12]) послан отсюда проспект (написанный Бюргерсом) и пр.

Не имеешь ли ты адреса для Дронке? Ему необходимо сейчас же написать. Отвечай немедленно. Я бы и съездил к вам, если у вас там не слишком тревожно.

Твой М.(аркс).

Б(армен), 25 апреля 1848 года.

Дорогой Маркс.

Проспект и твое письмо сейчас получены. На здешние акции надежды крайне плохи. Бланк ([13]), которому я об этом писал уже раньше и который все-таки лучше всех здешних, на практике

стал буржуа; остальные же с того времени, как они пристроились и попали в коллизию с рабочими — еще в большей степени. Все эти господа сторонятся разговоров на общественные темы, как чумы. Это они называют: «тревожить умы». Я бесплодно затратил бездну красноречия, я прибегал ко всевозможным мерам дипломатии, но — всегда получал нерешительный ответ. Я делаю еще одну последнюю попытку, если и она не удастся, тогда — конец. В течение 2—3 дней ты получишь точный ответ. По существу дело заключается в том, что и эта радикальная буржуазия видит в нас своих будущих главных противников, и она не хочет давать нам в руки оружия, которое мы очень скоро обратили бы против нее самой.

От моего старика окончательно нельзя ничего получить. Для него уже «Кельнская Газета» является исчадием бунтовщичества, и вместо тысячи талеров он охотно послал бы 1000 пуль в наши лбы.

Самые прогрессивные здешние буржуа с полным удовлетворением находят, что их партия достаточно представлена «Кельнской Газетой». Que veux tu qu'on fasse, alors? (Что же тут поделаешь при таких условиях?).

Агент Мозеса, Шнааке (14), был здесь на прошлой неделе. Видимо, тоже клеветал на нас.

Адреса для Дронке не имею, кроме разве... Его старик живет, кажется, в Фульда, он — учитель гимназии. Гнездо — не велико... Не хорошо, что он не пишет, по крайней мере, где находится.

От Эвербека получил письмо... Эвербек организует в Париже перевод «Манифеста» на итальянский и испанский языки... Я занят английским переводом, который оказался связан с бо́льшими трудностями, чем я ожидал. Но половина все-таки уже готова, скоро все будет окончено.

Если бы здесь распространился хоть один экземпляр наших 17-ти пунктов (речь идет о 17-ти «требованиях коммунистической партии Германии», выработанных незадолго Марксом и друзьями в Париже), здесь было бы для нас все потеряно. Настроение буржуазии поистине подлое. Рабочие начинают чуть-чуть пробуждаться, движение пока еще очень примитивно, но носит массовый характер. Рабочие тотчас начали создавать коалиции. Но это-то и создает сейчас препятствия (т. е., видимо, отталкивает еще больше радикальную буржуазию от помощи «Новой Рейнской

Газете». Перев.). Эльберфельдский политический клуб выпускает воззвания к итальянцам, высказывается за прямое избирательное право, но решительно отвергает какие бы то ни было дебаты относительно социальных вопросов. Хотя с глазу на глаз эти господа признают, что именно эти вопросы становятся в порядок дня. Но,—прибавляют они,—нам незачем предупреждать события.

До свидания. Пиши поскорей. Отослано ли письмо в Париж и принесло ли оно результаты.

Твой Э.

Бармен (?), 9-е мая 1848 года.

Дорогой Маркс,

Прилагаю:

1. Список собранных здесь до сих пор акций—числом 14.
2. Доверенность для тебя.
3. Доверенность для Д. (Эстера) (Б. его знакомый).
4. Доверенность для Бюргерса.

Нельзя было избежать того, что Борнштедт [15] и Гекер [16] дали доверенности на имя лично им знакомых.

Гюнербейн появится сам там (за себя и двух здешних).

Подписка еще не закончена. Лаверьера и Бланка все не застаю, несмотря на бесконечное число визитов. Иулауф взял первого на себя.

Двух других, с которыми я ничего не могу поделать, будет обрабатывать Гекер.

Сегодня Юл. едет в Ронсдорф, где у него хорошие виды.

Больше всего трудностей с двумя категориями людей: во-первых — молодые républicains en gant jaunes (республиканцы в желтых перчатках), которые дрожат за свое состояние и бешенствуют против коммунизма, а во-вторых — местные знаменитости, которые видят в нас своих конкурентов. Ни Моля [17], ни Брахта убедить нельзя было. Из юристов Бонштедт — единственный, с которым можно кое-что сделать. Вообще бесплодной беготни было у нас не мало.

Завтра я еду на два дня в Энгельскирхен. Сообщите мне немедленно о результатах собрания акционеров. Для создания союзной общины тоже положено начало.

Твой Энгельс.

(Без даты. Ноябрь 1848 года).

Дорогой Энгельс.

Твое письмо пришло ночью, насчет банкового перевода теперь уже ничего не поделаешь. Нет времени даже сходить домой. Посылаю тебе все, что сейчас есть, а кроме того, перевод на 50 талеров от Шульца на одного женевца, у которого ты сможешь найти и иную помощь.

Я уже давно послал в Париж для тебя и Дронке 50 талеров и в то же время отослал в Брюссель твой паспорт.

Газета с 11-го сентября опять выходит без перемен. Писать подробнее сейчас нельзя, ибо надо торопиться. Как только сможешь, начни писать корреспонденции и большие статьи. Так как кроме Берка, Наута и Фрейлиграта все остальные вступили в работу только несколько дней тому назад, то я сейчас занят выше ушей. Более крупными работами совершенно нет возможности заняться; к тому же уголовный суд делает все возможное, чтобы расхищать мое время.

Пиши немедленно. Послать ли твое белье и пр.? Плассманн готов это сделать сейчас же. Твой отец, впрочем, заплатил ему.

Кроме того, твой старик справлялся у него насчет твоего местопребывания. Он пишет, что хочет тебе послать денег. Я послал ему твой адрес.

Твой К. Маркс.

(Без даты. Ноябрь 1848 года).

Дорогой Энгельс.

Я очень удивлен, что ты не получил от меня денег... Завтра пошлю тебе еще немного. Но справься на почте. В пакете было также рекомендательное письмо к одному лозаннскому денежному филистеру.

Я очень ограничен в деньгах. 1850 талеров я привез с путешествия, 1950 получил я от поляков, 100 издержал еще по дороге, 1000 авансировал газете (вместе с авансами для тебя и для других беглецов), 500 надо платить за машину еще на этой неделе. Остается 350. И при этом от газеты я не получил еще ни сантима.

Что касается вашего редакторства, то я, во-первых, в первом же номере напечатал, что редакционный комитет остается тот же, а во-вторых, я заявил тупоумным реакционным акционерам, что они могут меня не считать больше редактором, но что мне предоставляется платить такие гонорары, какие найду нужным, что они, таким образом, в денежном отношении ничего не выиграют.

Большую сумму мне было бы рациональнее не авансировать газете. Ибо у меня на шее три судебных процесса, меня могут в любой день упрятать в тюрьму, и тогда я буду рыскать в поисках за деньгами, как раненый олень в поисках за свежей водой. Но этот форт надо было укрепить во что бы то ни стало, чтобы не сдавать политической позиции.

Самое лучшее—после того, как устроишь в Лозанне денежные дела — поезжай в Берн и займись выполнением твоего плана. Кроме того, ты можешь писать о чем только хочешь. Твои письма приходят всегда достаточно своевременно.

Что я мог на минуту покинуть тебя—это чистая фантазия. Ты навсегда остаешься моим интимным другом, как, надеюсь, и я твоим.

К. Маркс.

Кельн, 20 ноября 1848 года.

Дорогой Энгельс.

Газеты тебе посланы... Пока оставайся в Берне. Как только тебе можно будет приехать, я напишу тебе. Запечатывай получше твои письма. Одно из писем было открыто, о чем я напечатал заметку в газете (тебя, конечно, не назвал).

Пиши подробнее о Прудоне [18], и, так как ты хороший географ, пиши также о венгерских делах [19]. Когда будешь писать о Прудоне, не забывай обо мне, ибо наши статьи теперь перепечатываются многими французскими газетами.

Пиши также против федеративной республики, для чего Швейцария дает лучший повод.

К. Гейнцен [20] напечатал против нас свою старую дребедень.

Наша газета попрежнему на крамольном счету, но, несмотря на все циркуляры, обходит подводные камни уголовного уложения.

Газета сейчас очень в моде. Мы выпускаем также ежедневные плакаты. La revolution marche (революция грядет). Пиши прилежно.

Надеюсь скоро опять с тобой свидеться.

Твой Маркс.

Берн, 28 декабря 1848 года.

Дорогой Маркс.

Как дела? Могу ли я теперь, после оправдания Грина и Аннека, скоро вернуться? Прусские псы теперь должны ведь потерять охоту связываться с присяжными заседателями. Как я уже тебе писал, если есть достаточные основания полагать, что меня не ожидает предварительный арест на время следствия, я сейчас же приезжаю. После пусть они предадут меня хотя 10.000 судам, но на положении подследственного нельзя курить, на это я не иду.

Вся сентябрьская история все равно сходит на нет. Один за другим возвращаются. Итак—пиши.

Кстати. К середине января мне очень нужно было бы немного денег. До тех пор вы получите массу.

Твой Э.(нгельс).

Берн, 7 января 1849 года.

Дорогой Маркс.

После нескольких последних недель моей грешной жизни я теперь, наконец, оправился от всех приключений и передряг и испытываю потребность, во-первых, опять заняться работой (лучшее доказательство—прилагаемая мадьяро-славянская статья) и, во-вторых, потребность в деньгах. Последняя потребность особенно жгуча, и, если вы до момента получения письма еще ничего не послали мне, то сделайте это сейчас же. Я сижу уже несколько дней без сантима, а достать в этом захудалом городишке негде.

Хоть бы в этой несчастной Швейцарии что-нибудь случилось, чтобы было о чем писать. Но—кругом только мелкие локальные «события» самого провинциального пошиба. Пару общих статей об этом посылаю. Если мне еще долго предстоит

остаться заграницей, я уеду в Лугано, в особенности если в Италии начнется какое-нибудь движение, на что есть виды.

Но я все-таки думаю, что я скоро смогу вернуться. Это гниение заграницей, где ничего порядочного нельзя делать и где поневоле стоишь совершенно вне движения,—прямо нестерпимо. Скоро я приду к выводу, что даже в предварительном заключении в Кельне все-таки лучше, чем в свободной Швейцарии. Напиши же мне, в самом ли деле нет никаких шансов, чтобы со мной обошлись так же снисходительно, как с Бюргерсом, Бекером и т. д. и т. д.

Раво прав: даже в октроированной Пруссии чувствуешь себя свободнее, чем в свободной Швейцарии. Всякий мещанин здесь в то же время шпион и нахал. В новогоднюю ночь я имел случай в этом достаточно убедиться.

Какой дьявол недавно написал в газете эту скучную религиозно-нравственную статью из Гейдельберга о мартовском союзе? Что и Henrieus время от времени высиживает статьи, я тоже с удовольствием заметил из того посвященного Ладенбергскому циркуляру вздоха, который тянется вот уже в двух номерах газеты.

Нашу газету теперь часто цитируют в Швейцарии. Много перепечатывает «Бернская Газета», потом «Национальная Газета», и затем заметки обходят всю печать. Во французских газетах в Швейцарии ее тоже много цитируют, больше, чем «Кельнскую Газету».

Объявление вы, вероятно, напечатали. Прилагаю оттиск нашего объявления в «Бернской Газете». Привет всей компании.

Твой Э.(нгельс).

P. S. Вчера было слишком поздно. Прибавлю, что «Новая Рейнская Газета», начиная с 5-го января, сюда не приходит. Позаботься, чтобы высылали регулярно. Абонироваться нельзя. Пришлось бы подписаться на полгода, а я здесь не останусь так долго, да к тому же и денег нет. Я уже говорил—своевременное получение важно не только для меня. Главное то, что «Бернская Газета», которую редактирует один симпатизирующий нам коммунист, делает все возможное, чтобы популяризировать «Н. Р. Г.».

Гамбург, 23 апреля 1849 г.

Дорогой Энгельс.

Твое письмо дошло до меня только сегодня, так как Бремен я покинул уже в среду утром. В Бремене — ничего. Резинг обанкротился еще год тому назад и живет только процентами от капитала жены. Итак — ничего.

Зато здесь наверное достану деньжонок.

Что до подписи, то не сможет ли дать ее Werres?

Что касается необходимых каждый день денег, пока я отсутствую, то дело обстоит так: Плассманн торжественно обещал мне перед моим отъездом дать все необходимые авансы. Возможно, что наш святой Наут из добросовестности не прибегнет к этому источнику. Если будет нужно, сделай это сам. Газета в течение этой недели очень жидка, а это мало помогает моей теперешней миссии.

Кланяйся моей жене сердечно от меня и других.

Пиши во всяком случае немедленно и не падайте духом. (Дела пойдут вперед.)

Твой К. Маркс.

Париж, 7-го июня 1849 года.

Дорогой Энгельс.

Я пишу тебе в этом письме мало. Сначала сообщи, приходят ли письма благополучно. Мне кажется, что письма опять заботливо вскрываются.

Здесь господствует роялистская реакция — более бесстыдная, чем при Гизо (21), сравнимая лишь с той, что была после 1815 года. Париж—мрачен. К тому же еще—холера, которая свирепствует чрезвычайно. Несмотря на это, еще никогда извержение революционного вулкана не было так близко, как теперь в Париже. Я вступаю в соприкосновение со своей революционной партией, и через несколько дней в с е революционные журналы будут к нашим услугам.

Что до здешних пфальцско-баденских послов, то Блинд (22), испугавшись мнимого или подлинного припадка холеры, уехал в деревню за несколько часов от Парижа.

А что касается Шютца, то надо заметить следующее:

Временное правительство ставит его в фальшивое положение, не посылая ему докладов. Французы требуют фактов, а где ему взять факты, если ни один дьявол не пишет? Он должен возможно чаще получать телеграммы.

Со своей стороны я должен требовать, чтобы ты мне писал по меньшей мере 2 раза в неделю и кроме того немедленно всякий раз, как что-нибудь происходит.

В фельетоне «Кельнской Газеты» о пфальцском движении говорится, между прочим: «О г. Марксе, редакторе «Рейнской Газеты», молва не хороша. Он, говорят, заявил временному правительству, что его время еще не пришло и он пока удалится». Как это понять? Жалкие здешние немцы, с которыми я избегаю всяких встреч, попытаются растрезвонить это по всему Парижу. Мне кажется, поэтому, что будет хорошо, если вы в маннгеймской или карлсруйской газете в корреспонденции расскажете, что я теперь в Париже, как представитель демократического Центрального Комитета. Я считаю это полезным еще потому, что сейчас, пока непосредственных результатов здесь получить нельзя, надо заставить пруссаков поверить, что здесь разыгрываются нивесть какие страшные интриги. Il faut faire peur aux aristocrates (надо внушить страх аристократам).

Значение Руге здесь равно нулю. Что поделывает Дронке?

Тебе надо позаботиться достать где-нибудь для меня денег. Ты знаешь, что я последние суммы израсходовал на уплату долгов «Новой Рейнской Газеты». При теперешних обстоятельствах я не могу ни жить совершенно дешево, ни оказаться в денежных затруднениях.

Если только можно, пришли статьи с оценкой всех венгерских дел.

Сообщи это письмо д'Эстеру (23). Лучшие ему приветы. Если надо писать по другому адресу, сообщите.

М. (аркс.)

Вевэ, 25 июня, 1849 года.

(Письмо Энгельса к жене Маркса.)

Вы и Маркс будете удивлены, что я так долго не давал знать о себе. Вот причины. В тот же день, когда я написал

Марксу (из Кайзерслаутерна), пришло известие, что Гамбург занят пруссаками, и сообщение с Парижем было отрезано. Я не мог уже послать письма и отправился к Виллиху. В Кайзерслаутерне я стоял совершенно в стороне от так называемой революции. Но когда пруссаки пришли, я не мог отказать себе в удовольствии принять участие в войне. Виллих был единственный на что-нибудь годный офицер, и я отправился к нему и принял должность его адъютанта. Я участвовал в четырех сражениях, из которых два довольно значительных, особенно—при Раштатте. И я нашел, что прославленное военное мужество есть самое ординарное качество человека. Свист пуль ничего особенного не представляет; в течение всего боя я, несмотря на всю встреченную трусость, не видел и десятка человек, которые в сражении держали бы себя трусливо. Зато многие проявляли «храбрую глупость». Я в конце концов остался благополучен. Думаю—это очень хорошо, что в кампании участвовал хоть один представитель «Новой Рейнской Газеты», а то в Бадене и Пфальце были в сборе все демократические отбросы и теперь похваляются не совершонными подвигами. Иначе опять стали бы болтать: господа из «Новой Рейнской Газеты» слишком мол трусливы, чтобы драться. Но из числа всех господ демократов на деле никто не дрался, кроме меня и Кинкеля ([24]). Последний поступил мушкетером в наш отряд и держался вполне хорошо; в первом же сражении, в котором он участвовал, он был ранен в голову и взят в плен.

После того, как наш отряд прикрыл отступавшую Баденскую армию, мы, через 24 часа после всех других, отправились в Швейцарию и вчера прибыли в Вевэ. Во время похода и отступления в Швейцарию я не мог написать ни строчки.

Теперь спешу дать о себе весть. Тороплюсь—особенно потому, что где-то в Бадене я слышал, будто Маркс арестован в Париже. Газет мы не видали и потому ничего не знаем. Верно ли это или нет—я добиться не мог. Вы поймете, в каком тяжелом настроении я поэтому нахожусь; очень прошу вас поэтому облегчить мое состояние и известить о судьбе Маркса. Так как подтверждения ареста Маркса я не слышал, я все еще надеюсь, что известие было неверное. Но что Дронке и Шаппер сидят—в этом я не могу сомневаться. Если только Маркс на свободе, пошлите ему это письмо и попросите его немедленно мне написать. Если бы он не чувствовал себя в безопасности

в Париже, то здесь он был бы совершенно безопасен. Здесь правительство само называет себя красным и считает себя на стороне перманентной революции. То же в Женеве.

Если я получу из дому немного денег, я, вероятно, отправлюсь в Лозанну или Женеву, а там посмотрю, что дальше. Наша колонна, которая храбро сражалась, теперь наводит меня на скуку, с этим ничего не поделаешь. Виллих на поле битвы храбр, хладнокровен, ловок и сообразителен, но вне сражения он более или менее скучный идеолог и «истинный социалист». Те из участников дружины, с которыми можно было разговаривать, отправлены в другие пункты.

Если бы я только имел уверенность, что Маркс свободен! Я часто думал, что я, осыпаемый прусскими пулями, все же нахожусь на менее опасном посту, чем другие друзья в Германии, и в особенности, чем—Маркс в Париже. Освободите же меня поскорее от нынешнего состояния неопределенности. Весь ваш

Энгельс.

Адрес: Ф. Энгельс, немецкий изгнанник. Вевэ, Швейцария.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) «Из переписки Карла Маркса с Фридрихом Энгельсом»—статья из № 4 журнала «Просвещение» за 1914 год.

[2]) Февральская революция 1848 года.

[3]) Фрейлиграт, Фердинанд (1810—1876 г.г.)—немецкий поэт, выдающийся представитель революционной поэзии 1848 г.

[4]) Вольф, Вильгельм (1809—1864 г.г.)—германский политический деятель и публицист, социалист, известный под именем «Kasematten-Wolf». В студенческие годы много сидел в тюрьмах; в 1845 г. бежал в Англию, где сблизился с Марксом и Энгельсом и принял их учение. Во время революции 1848 г. вернулся в Силезию и был избран членом Франкфуртского парламента. После разгона национального собрания жил в Швейцарии и Англии, добывая себе средства к существованию частными уроками. К. Маркс посвятил первый том «Капитала» памяти своего «незабвенного друга, мужественного, верного, благородного, передового борца пролетариата Вильгельма Вольфа».

[5]) Вольф, Фердинанд—один из редакторов «Новой Рейнской Газеты».

[6]) Дронке, Эрнст—один из редакторов «Новой Рейнской «Газеты».

[7]) Веерт, Георг—один из редакторов «Новой Рейнской Газеты», поэт.

[8]) Бюргерс, Генрих—сотрудник «Рейнской Газеты» и «Новой Рейнской Газеты», впоследствии ставший умеренным прогрессистом.

[9]) Кавеньяк — генерал французской республики, подавивший восстание французских рабочих в июньские дни 1848 г.

[10]) Баденское восстание — в 1849 году.

[11]) Беккер, Герман — член Союза Коммунистов, привлекавшийся в 1852 г. по процессу кельнских коммунистов, впоследствии обер-бюргемейстер Кельна и член прусской Палаты господ; он пользовался благоволением двора и правительства за свое высокопатриотическое настроение.

[12]) Эльберфельд — город в Рейнской провинции Пруссии.

[13]) Бланки, Огюст (1805—1881 г.г.) — социалист, стойкий революционер, участник почти всех французских революций прошлого века. В тюрьмах в общей сложности просидел более 30-ти лет. Главный метод Бланки — тайные заговоры и организация восстаний.

[14]) Эвербек — парижский корреспондент «Новой Рейнской Газеты», утверждавший в свое время, что проживающий в Париже Бакунин является «Агентом русского правительства».

[15]) Борнштедт, фон, Адальберт — издатель «Брюссельской Немецкой Газеты», бывший редактор газеты «Вперед», которую издавал Э. Бернштейн. Приблизительно с лета 1847 г. К. Маркс получил возможность сотрудничать в этой газете. Борнштедт, как впоследствии оказалось, состоял на службе у австрийского и германского правительств.

[16]) Геккер, Фридрих-Карл-Франц (1811—1881 г.г.) — баденский революционер. В 1842—47 г.г. был во второй Баденской Палате, принадлежал к ее левому крылу. В 1847 г. был организатором Оффенбургского народного восстания, на котором была выставлена радикальная программа. В 1848 г. был членом т. н. «Предварительного парламента», но вынужден был выйти из него, не найдя поддержки одному своему предложению. Эмигрировал в Швейцарию, где организовал отряд волонтеров, с которыми 20 апреля 1848 г. вторгся в Баден, но был разбит и бежал в Америку. Революционное Баденское правительство в мае 1849 г. вызвало его из Америки в Баден, в который он попал только тогда, когда революция была подавлена. Участвовал в междуусобной войне (1861—64 г.г.), на стороне «Союза». К. Маркс относился к нему отрицательно.

[17]) Моль, Иосиф — часовщик, член Центрального Комитета «Союза справедливых», предложивший в январе 1847 г. К. Марксу вступить в «Союз». Затем — член «Союза коммунистов».

[18]) Прудон (1809—1865 г.г.) — французский экономист, теоретик анархизма, идеолог революционной мелкой буржуазии.

[19]) Венгерское восстание в августе 1848 г., подавленное русским отрядом под предводительством ген. Паскевича в августе 1849 г.

[20]) К. Гойнцен (1809—1880 г.г.) — немецкий публицист и политический деятель, принимал участие в радикальной журналистике; вел резкую полемику с К. Марксом; участник Баденского восстания.

[21]) Гизо, Франсуа — Пьер — Гильом (1787—1874 г.г.) — французский историк и государственный деятель, министр в различных кабинетах во времена Второй Империи, сторонник конституционализма.

[22]) Блинд, Карл (1824—1907 г.г.). — немецкий политический деятель и писатель. В революционные дни 1848 г. играл видную роль в Карлсруэ затем во Франкфурте-на-Майне. Был принужден вследствие восстания

Геккера искать убежища в Эльзасе, но был выслан и оттуда по приказанию Кавеньяка. В сентябре того же года Б. организовал в Швейцарии добровольческий отряд, с которым вторгся в Баден, но был разбит и по приговору суда был заключен в тюрьму Раштад, но в мае того же года был освобожден восставшими солдатами. В том же мае он был послан революционным правительством Бадена в Париж с поручением выхлопотать официальное признание его со стороны Франции, но был выслан оттуда в Бельгию, а затем в Лондон. События 1864—1871 г.г. сделали его из радикала национал-либералом, сторонником Бисмарка.

[23]) Д'Эстер — один из членов Баденско-Пфальцского Временного Правительства в 1849 году.

[24]) Кинкель, Готфрид (1815—1882 г.г.) — немецкий поэт и историк искусства, участник Баденского восстания 1849 г., приговоренный к пожизненной каторге, но бежавший из тюрьмы; занял впоследствии среди эмигрантов резко враждебную социалистам позицию.

МАРКС В ЭМИГРАЦИИ ([1]).

I. «Немецкая идеология».

Специальным указом французского правительства от 11 января 1845 года Маркс был изгнан из Парижа и переселился вместе с семьей в Брюссель. Энгельс тогда же выразил опасение, что Марксу будут чинить неприятности в Брюсселе, и, в самом деле, уже с первых дней своего брюссельского пребывания Марксу пришлось-таки встретиться там с такими неприятностями.

В письме к Генриху Гейне ([2]) Маркс сообщает, что, сейчас же по прибытии в Брюссель, он был приглашен в «ведомство общественной безопасности», где ему любезно было предложено подписать обязательство не печатать ни одной строчки по вопросам текущей бельгийской политики. Такое обязательство Маркс мог выдать со спокойной совестью, ибо—у него не было ни намерения, ни возможности заняться этими вопросами. Прусское правительство продолжало, однако, делать бельгийскому министерству представления о прямой высылке Маркса, и в виду этого Маркс еще в том же году, 1-го декабря 1845 года, счел лучшим освободить себя от прусского подданства.

Однако, Маркс ни тогда, ни после не принял подданства ни в каком чужом государстве, хотя временное правительство французской республики весною 1848 года сделало ему такое предложение, облекши его в самую лестную для Маркса форму. Как и Гейне, Маркс не пожелал перейти в иностранное подданство, меж тем как Фрейлиграт — патриотизм которого столь часто ставили в пример этим «людям без отечества» — попав в эмиграцию, ни на минуту не призадумался натурализоваться в Англии.

Весною 1845 года в Брюссель приехал и Энгельс, и оба друга вместе отправились на шесть недель в Англию — для некоторых работ. Во время этого пребывания в Англии Маркс, который уже в Париже начал штудировать Мак-Куллоха ([3]) и Рикардо ([4]), ближе познакомился с английской экономической литературой. Но, по собственным словам Маркса, он на этот раз успел заглянуть только в те книги, которые можно было достать в Манчестере, и познакомиться только с теми сочинениями, заметками и конспектами, которые были у Энгельса.

Энгельс уже во время его первого пребывания в Англии писал для органа Роберта Оуэна (5) «New Moral World» и для газеты чартистов «Northern Star». Своей теперешней поездкой он воспользовался для того, чтобы возобновить старые знакомства. И таким образом оба друга завязали новые связи как с чартистами, так и с социалистами.

После этой поездки Маркс и Энгельс решили вновь взяться за одну общую работу. «Мы решили, — довольно лаконически сообщает об этом Маркс, — вместе написать книгу, чтобы показать, насколько противоположны наши взгляды идеологическим воззрениям немецкой философии, другими словами, чтобы покончить счеты с нашими собственными прежними философскими воззрениями. Это намерение мы выполнили, облекши нашу работу в форму обстоятельной критики после-гегелевской философии. Рукопись, рассчитанная на два толстых тома in octavo, давно уже находилась в Вестфалии, где ее предполагалось издавать, когда мы получили известие, что изменившиеся обстоятельства помешали печатанию. Мы предоставили рукопись грызущей критике мышей с тем большей охотой, что наша главная цель была достигнута — мы столковались между собой». Миссию, которую Маркс предоставил мышам, эти последние поняли, к сожалению, слишком буквально. Но те отрывки рукописи, которые уцелели от «грызущей критики мышей», объясняют нам, почему сами авторы были не слишком огорчены своей неудачей.

Если уже их прежняя слишком громоздкая работа, посвященная сведению счетов с Бауэрами (6), нелегко переваривалась читателями, то эти два толстых тома, объемом в 50 печатных листов, были бы для читателя еще более трудными. Работа была озаглавлена: «Немецкая идеология. Критика новейшей, немецкой философии в лице ее представителей Фейербаха (7, Бруно Бауэра и Штирнера (8), равно как и критика немецкого социализма в лице различных его пророков». Энгельс впоследствии устанавливал по памяти, что одна только критика Штирнера занимала не меньше места, чем вся книга последнего. И те отрывки, которые впоследствии были опубликованы, доказывают, что память не обманывала Энгельса.

Это была еще более громоздкая и более гипертрофированная полемика, чем «Die Heilige Familie» в самых ее сухих частях. А кроме того, и оазисы в пустыне встречались здесь гораздо реже — хотя, разумеется, нельзя сказать, чтобы они не встреча-

лись вовсе. И в этой работе там и сям попадаются отдельные блестящие пассажи, но — они слишком быстро уступают место полемике из-за мелочей и спору из-за слов.

Конечно, в этих вопросах требования наши теперь во многих отношениях иные, чем это было в те времена. Вкусы изменились. Но этим объясняется не все. Своими более ранними, как и своими более поздними работами, и даже работами, писанными в то же самое время, что и «Немецкая идеология», Маркс и Энгельс показали нам с достаточною убедительностью, что они блестяще владеют сжатой формой критической эпиграммы. Меньше всего стиль их страдал расплывчатостью и многоречивостью. Дело объяснялось, по нашему мнению, тем, что вся тогдашняя идейная борьба разыгрывалась внутри очень маленького круга лиц, из которых к тому же многие были еще в весьма юном возрасте. Мы наблюдаем здесь явление, имеющее черты сходства с тем, что мы знаем из истории литературы о Шекспире и его современниках-драматургах. У противника берется какое-нибудь одно место и вокруг этого одного оборота начинается полемика не на жизнь, а на смерть; слишком буквальным или произвольным истолкованием мысли противника ей стараются придать возможно более глупый вид. Все эти приемы, равно как и склонность к безграничным преувеличениям, к постоянному употреблению превосходной степени — все это было рассчитано не на большую публику, а на утонченное понимание специалистов. То, что в шекспировской шутке ныне иногда кажется нам малоуместным или даже непонятным, объясняется очень просто тем, что, когда Шекспир творил, он часто сознательно или бессознательно руководился соображением: а что скажут на это Грин (9) и Марлау (10), Джонсон (11), Флетчер (12) и Бомон (13).

Приблизительно так же объясняется тот тон, в который намеренно или непреднамеренно впадали Маркс и Энгельс, когда они имели дело с Бауэром, Штирнером и другими старыми бреттерами, изощрившимися в турнирах бестелесной абстракции. Поучительнее, без сомнения, было бы узнать, что сказали Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии» о Фейербахе—ибо в данном случае дело в основном не ограничивалось одной отрицательной критикой. К сожалению, именно этот отдел не был закончен. Но некоторые афоризмы о Фейербахе, написанные Марксом в 1854 году и опубликованные Энгельсом спустя несколько десятилетий, дают нам достаточно ясные указания на этот счет.

Маркс критиковал в материализме Фейербаха то самое, что еще в свои студенческие годы он критиковал в материализме Демокрита: в их материализме ему не хватало — «энергичного принципа» (das «energische Prinzip»). Главный недостаток всего прежнего материализма, по мнению Маркса, состоял до сих пор в том, что этот материализм рассматривал действительность, предметный, воспринимаемый внешними чувствами мир, лишь в форме объекта, или в форме созерцания, а не в форме конкретной человеческой деятельности, не в форме практики, не субъективно. Поэтому деятельную сторону, в противоположность материализму, развивал до сих пор идеализм, но развивал отвлеченно, так как идеализм, естественно, не признает конкретной действительности как таковой. Другими словами: откинувши всего Гегеля, Фейербах откинул и то, чего откидывать не надо было; задача состояла в том, чтобы все-революционизирующую диалектику Гегеля перенести из мира идей в мир действительности.

Еще из Бармена Энгельс со свойственными ему быстротой и натиском обратился прямо к Фейербаху с письмом, делая попытку завербовать его в ряды коммунистов. Фейербах ответил в дружественном тоне, но предложение — по крайней мере, для данного времени — отклонил. Ближайшим летом Фейербах хотел, если обстоятельства позволят, приехать на Рейн, и тут-то Энгельс надеялся «внушить» Фейербаху, что ему следует тоже отправиться в Брюссель. Пока же Энгельс посылает к Марксу, в качестве «превосходного агитатора», ученика Фейербаха, Германа Криге (11).

Однако, случилось так, что Фейербах на Рейн не приехал. А его новейшие работы показали Марксу и Энгельсу, что он «никак не может расстаться со своими старыми истоптанными сапогами». Вместе с тем и ученик Фейербаха, Криге, тоже не оправдал надежд. Правда, он поставил себе задачей жизни «перевезти с собою коммунистическое учение через Великий океан в Америку», но в Нью-Иорке он накуралесил в такой мере, что это отразилось даже на коммунистической колонии в Брюсселе, которая к тому времени начала группироваться вокруг Маркса.

II. Истинный социализм.

Вторая часть намеченного сочинения должна была быть посвящена немецкому социализму в лице его различных проро-

ков. Она должна была подвергнуть уничтожающей критике «всю нелепую и безвкусную литературу немецкого социализма».

Дело шло о М. Гессе (15), Карле Грюне (16), Отто Люнинге (17), Германе Пютманне (18) и других писателях, которые имели тогда в своем распоряжении довольно много литературных органов, особенно ежемесячников. Таковы: «Der Gesellschaftsspiegel», журнал, который с лета 1845 по лето 1846 года выходил ежемесячно, затем «Rheinische Jahrbücher» и «Das Deutsche Bürgerbuch», далее ежемесячник «Das Westfälische Damfpboot», журнал, который начал выходить в 1845 году и продолжал существовать до самой германской революции, и, наконец, отдельные ежедневные органы, как, например, «Трирская Газета».

Изумительное литературное направление, обслуживавшееся этими органами, Карл Грюн (19) однажды окрестил *истинным* социализмом. Маркс и Энгельс насмешливо подхватили это прилагательное и увековечили его.

«Истинный» социализм просуществовал совсем недолго. Уже в 1848 году он испарился бесследно; с первым выстрелом революции «направление» это исчезло само собой. Для умственного развития Маркса «истинный» социализм не имел никакого значения — Маркс с самого начала занял по отношению к нему позицию критика, стоящего гораздо выше самого критикуемого «учения». Но резкий приговор (20), который Маркс вынес «истинному» социализму в «Коммунистическом Манифесте», все-таки не дает исчерпывающего представления о том, как Маркс в течение всего этого времени относился к названному «направлению». Порою Марксу казалось, что «истинный» социализм, несмотря на все его нелепости, все-таки может, перебродивши, выйти на правильную дорогу. То же и еще с бо́льшим правом, можно сказать об отношении Энгельса к «истинному» социализму.

Энгельс вместе с М. Гессом издавал журнал «Der Gesellschaftsspiegel» («Зеркало общества»), в котором одну работу напечатал и Маркс. В брюссельскую эпоху оба они сотрудничали с Гессом, и одно время могло казаться, что Гесс совершенно сжился со взглядами Маркса и Энгельса. Маркс несколько раз пытался привлечь Генриха Гейне к сотрудничеству в «Rheinische Jahrbücher». И если не сам Маркс, то, во всяком случае, Энгельс печатался и в «Rheinische Jahrbücher» и в «Das Deutsche Bürgerbuch», которые оба издавались Пютманном, а в журнале

«Das Westfälische Dampfboot» сотрудничали и Маркс и Энгельс. Здесь Маркс напечатал тот единственный отрывок «Немецкой идеологии», который до сих пор увидел свет: — пространная и резкая критика одной фельетонной работы, которую Карл Грюн посвятил социальному движению во Франции и Бельгии.

Известно, что «истинный» социализм тоже был в известной мере одним из продуктов Гегелевской философии. Благодаря этому обстоятельству, иногда утверждают, будто Маркс с Энгельсом сами вначале принадлежали к лагерю «истинного» социализма и, поэтому-де, впоследствии критиковали его с тем большею резкостью. Но это ни в каком случае неверно. Обе стороны пришли к социализму от Гегеля и Фейербаха — это так. Но в то время как Маркс и Энгельс изучали социализм на истории Французской революции и на развитии английской индустрии, «истинные» социалисты удовольствовались тем, что социалистические формулы и ходячие словечки «переводили на плохой немецко-гегелевский язык». Маркс и Энгельс пытались поднять «истинных» социалистов выше этого уровня, и при этом оба друга были настолько снисходительны, что рассматривали все это направление, как продукт германской истории. Карл Грюн и его коллеги истолковывали социализм, как некую праздную «спекуляцию о воплощении в действительность начал человечности». И им несомненно оказывалась очень большая честь, когда Маркс и Энгельс это «истолкование» сравнивали с тем, что-де и Кант понимал волеизъявления Великой Французской революции только как законы истинно-человеческой воли.

Маркс и Энгельс были поистине долготерпеливы в их педагогических усилиях спасти «истинных» социалистов. Но, с другой стороны, они бывали и достаточно строги к ним. В журнале «Der Gesellschaftsspiegel» Энгельс, в своем качестве соиздателя, в 1845 году пропускал доброму Гессу такие вещи, которые самому Энгельсу должны были крайне не нравиться. Но уже в 1846 году в журнале «Das Deutsche Bürgerbuch» Энгельс немало портил крови «истинным» социалистам.

«Немножко «человечности», как принято выражаться в новейшее время, немножко «реализации» этой человечности, совсем немного о собственности, немного о страданиях пролетариата, организации труда, насаждении неизбежных, но скучных ферейнов для поднятия жизненного уровня низших классов народа. И наряду с этим — безграничное невежество в вопросах полити-

ческой экономии и действительной жизни». Таково содержание всей их литературы, которая еще, благодаря теоретической «беспартийности» и «абсолютному беспристрастию» мысли, теряет последние следы энергии и действительности, лишается последнего остатка актуальности. И при помощи этой скуки хотят революционизировать Германию, поднять пролетариат, заставить массы думать и действовать!» Так писал Энгельс о литературе «истинных» социалистов.

В их отношении к «истинным» социалистам Маркс и Энгельс прежде всего считались с тем, какое влияние тот или иной шаг может оказать на рабочих, на пролетарские массы. Если из числа всех представителей «истинного» социализма Маркс и Энгельс выбрали Карла Грюннера, как мишень для особенно резкой критики, они сделали это не только потому, что у Грюна было больше слабых мест, но и потому, что, живя в Париже, Грюн вносил вреднейшую путаницу в ряды французских рабочих и оказывал крайне печальное влияние на Прудона. И если в «Коммунистическом Манифесте» авторы с крайнею резкостью отмежевываются от «истинного» социализма, давая понять, что они включают сюда и их прежнего друга Гесса,—Маркс и Энгельс делают это только потому, что они считают это крайне важным с точки зрения *практической* агитации среди международного пролетариата.

В полном соответствии с этим Маркс и Энгельс готовы еще были простить «истинным» социалистам их «невинное педантство» и ту наивность, с которой они «брали всерьез свои беспомощные упражнения, трубя о них на весь свет». Но чего они не могли простить «истинному» социализму, это — мнимой поддержки правительства, в которой они его обвиняли. Борьба буржуазии против до-мартовского абсолютизма послужила для «истинных» социалистов «желанным поводом», чтобы напасть на либеральную оппозицию с тылу—утверждали Маркс с Энгельсом. «Он («истинный» социализм) послужил для абсолютистских правительств с их свитой попов, юнкеров и бюрократов—желанным пугалом против подымающей голову буржуазии. Он являлся сладеньким дополнением к дождю пуль и розог, которыми эти самые правительства обрушивались на восстающих немецких рабочих».

Все это было сильно преувеличено по существу и совершенно несправедливо, поскольку дело идет о лицах.

Сам Маркс в «Deutsch-Französiche Jahrbücher» указал на своеобразие германской обстановки, выразившееся в том, что буржуазия не могла восстать против правительств, не вызвав в то же время восстания рабочих против самой буржуазии. Задача социализма при таком положении вещей состояла в том, чтобы поддерживать либерализм там, где он выступал революционно, и бороться против него там, где он уже стал реакционен. В отдельных случаях задача эта была не легка. Бывали случаи, когда и Маркс с Энгельсом защищали либерализм, считая его еще революционным, меж тем как на деле он стал уже реакционным. «Истинные» социалисты, конечно, часто грешили в обратную сторону, они осудили либерализм, как таковой—что могло быть только приятно правительству. Больше всех грешил в этом отношении Карл Грюн, но рядом с ним также и М. Гессе. Меньше всех грешен был Отто Люнинг, руководивший журналом «Das Westfälische Dampfboot». Но как ни много согрешили в этом отношении «истинные» социалисты, надо все же признать, что сделали они это по глупости, по непониманию, а отнюдь не из желания оказать поддержку правительству. Во время самой революции, которая сразу же обрекла на смерть все их выдумки, «истинные» социалисты безусловно стояли на левом крыле буржуазии. Мы не говорим уже о Гессе, который с преданностью боролся еще в рядах германской социал-демократии. Но и вообще ни один из представителей «истинного» социализма не перебежал на сторону правительства. В этом отношении у представителей «истинного» социализма совесть гораздо чище, чем у представителей каких бы то ни было других оттенков буржуазного социализма,—как тогдашнего, так и нынешнего дня.

«Истинные» социалисты питали, далее, очень большое уважение к Марксу и Энгельсу, они охотно открывали им страницы своих изданий даже в тех случаях, когда в работах обоих друзей попадало и самому «истинному» социализму. Не злым коварством, а очевидной неясностью мысли объяснялось то, что они не могли выскочить из своей собственной кожи. Они питали большое пристрастие к старой мудрости филистеров всего мира: медленным шагом, робким зигзагом... Молодая партия не должна-де быть слишком строга. Если та или иная полемика так уж неизбежна, так надо, по крайней мере, соблюдать хороший тон, не быть слишком резким, не отталкивать противника. Людей с именами, как Бауэр, Руге, Штирнер, необходимо-де щадить и т. п.

Конечно, все это не могло нравиться Марксу. «Характерно для этих старых баб,—заметил однажды Маркс по этому поводу,— что серьезную партийную борьбу они каждый раз стараются затушевать и подсластить». Однако, в отдельных случаях этот здоровый взгляд Маркса встречал сочувствие и среди «истинных» социалистов; в лице Иосифа Вейдемейера ([21]), который состоял в родстве с Люннингом и участвовал в редакции журнала «Westfälische Dampfboot», Маркс и Энгельс приобрели одного из самых верных сторонников.

Вейдемейер сначала был артиллерийским офицером в прусской армии. В силу своих политических взглядов, он оставил военную службу и, попав на место помощника редактора «Трирской Газеты», которая находилась под идейным влиянием Карла Грюне, втянулся в компанию «истинных» социалистов. Нам осталось неизвестным, приехал ли Вейдемейер весною 1864 года в Брюссель со специальной целью познакомиться с Марксом и Энгельсом, или он приехал туда для каких-нибудь других дел. Во всяком случае, он быстро сблизился с ними, стал решительным противником тех, кто вечно хныкал по поводу резких выступлений Маркса и Энгельса, и привлек в этом вопросе на свою сторону также и Люнинга. Вейдемейер был по рождению вестфалец. В его характере было много уравновешенности и даже чуточку тяжеловесности, но вместе с тем и много выдержки, прямодушия и других хороших черт, которые обыкновенно приписываются вестфальцам. Больших литературных дарований у него не было; вернувшись в Германию, он поступил землемером при постройке железной дороги Кельн—Минден, а в журнале «Westfälische Dampfboot» он помогал только между делом. Но, будучи практиком по натуре, он старался прийти на помощь Марксу и Энгельсу в другой нужде, которая становилась все более чувствительной: он старался подыскать для них издателя.

Литературное издательство в Цюрихе стало для Маркса недоступным, благодаря проискам Рюге. Рюге охотно признавал, что Маркс едва ли станет когда бы то ни было печатать плохую вещь, но вместе с тем он, приставая с ножом к горлу, потребовал от своего компаниона Фребеля, чтобы тот прервал все сношения с Марксом. Лейпцигский книгопродавец Виганд, главный издатель младо-гегелианцев, уже раньше отказался печатать Марксову работу, посвященную критике Бауэров, Фейербаха и Штирнера. При таком положении вещей Вейдемейер открыл Марксу

и Энгельсу очень радужные перспективы, когда у себя на родине, в Вестфалии, он нашел двух богатых коммунистов, — их имена: Юлиус Мейер (22) и Ремпель (23), — которые согласились дать необходимые деньги для организации книгоиздательства. Дело должно было быть сразу поставлено на широких началах. Имелось в виду немедленно приступить к изданию: 1) «Немецкой идеологии», 2) библиотеки социалистических писателей и 3) трехмесячного обозрения под редакцией Маркса, Энгельса и Гесса.

Однако, когда дело дошло до кошелька, оба капиталиста оказались в нетях, и это не взирая на то, что они обязались не только перед Вейдемейером, но и перед Гессом. В надлежащий момент нашлись подходящие «внешние обстоятельства», которые помешали двум капиталистам доказать свою щедрость на деле. Вышло так, что Вейдемейер, сам того, конечно, не желая, приуготовил Марксу и Энгельсу большое разочарование. Оно усугубилось еще тем, что Вейдемейер без всякого успеха совался с «немецкой идеологией» к целому ряду других издателей, а чтобы прийти на помощь Марксу в его острой нужде, прибег к денежным сборам среди единомышленников в Вестфалии.

Честный Вейдемейер, исходя из лучших желаний, причинил Марксу и Энгельсу все эти мелкие неприятности. Но в пользу Вейдемейера говорит уже одно то, что он сумел заставить Маркса и Энгельса очень скоро забыть об этих медвежьих услугах.

Как бы то ни было, а рукопись «Немецкой идеологии» теперь окончательно предоставлена была «грызущей критике мышей».

III. Вейтлинг и Прудон.

Гораздо больший драматизм и гораздо больший общественный интерес представляют собой те столкновения, которые Маркс имел с двумя гениальными пролетариями, оказавшими на него большое влияние в начале его деятельности.

Вейтлинг и Прудон (24) оба вышли из недр рабочего класса. Это были здоровые, сильные и богато одаренные натуры. Внешние обстоятельства настолько благоприятствовали им, что им, вероятно, было бы совсем не трудно «выйти в люди» и явить этим пример тех редких исключений, которые филистерам всех стран дают повод утверждать, будто каждому таланту, вышедшему из рядов трудящегося класса, вполне открыта дорога в ряды

имущих. Но и Вейтлинг и Прудон презрели этот путь и добровольно выбрали удел нищеты, дабы всецело отдаться борьбе за интересы своих товарищей по классу и по страданиям.

Оба рослые, представительные, жизнерадостные, полные физических сил, они были как бы созданы для того, чтобы пользоваться всеми наслаждениями жизни. Но они сознательно обрекли себя на самые жестокие лишения, чтобы иметь возможность следовать своим целям. «Узенькая постель, втроем в одной комнатушке, грубая доска, вместо письменного стола и иногда чашка черного кофе» — такой образ жизни вел Вейтлинг еще и в то время, когда его имя уже внушало страх сильным мира сего. И подобный же образ жизни в своей каморке в Париже, «одетый в вязанную шерстяную фуфайку и с постукивающими деревянными башмаками на ногах», вел Прудон в то время, когда его имя приобрело уже европейскую известность.

У обоих—и у Вейтлинга и у Прудона—текла в жилах смешанная немецкая и французская кровь. Вейтлинг был сыном французского офицера, и, когда он возмужал, он сейчас же поторопился в Париж, желая полными пригоршнями черпать из богатых источников французского социализма. Прудон родился в старом графстве Бургундском, которое только во времена Людовика XIV присоединено было к Франции. Прудону всегда ставили на вид, что у него «немецкая голова», или немецкая *путанная* голова. Во всяком случае, верно то, что с тех пор, как Прудон стал в умственном отношении на ноги, его всегда тянуло к немецкой философии, в представителях которой Вейтлинг, напротив, видел только «сеятелей тумана». С другой стороны, Прудон не находил достаточно резких слов, чтобы выразить свое отрицательное отношение к великим утопистам, которым Вейтлинг, наоборот, считал себя обязанным всем, что у него было лучшего.

Вейтлинг и Прудон оба завоевали себе одинаково большую славу, но обоим им в то же время выпала на долю горькая судьба. Они были первыми пролетариями современности, которые дали миру историческое доказательство того величия духа и силы, которое живет в рабочем классе. Они дали миру историческое доказательство того, что рабочий класс современности может сам взять в свои руки дело своего освобождения. Они первые прорвали порочный круг, в котором до сих пор замкнуты были рабочее движение и социализм. *Постолько* они сделали эпоху, *постольку*—их творчество и их борьба остались образцами,

постольку их деятельность оказала плодотворное влияние на зарождавшийся научный социализм. Маркс осыпал похвалами начало деятельности Вейтлинга и Прудона с такою щедростью, как никто другой. Прудон и Вейтлинг были для него живым воплощением тех идей, до которых он спекулятивным путем доработался в результате преодоления Гегелевской философии.

Но Вейтлингу и Прудону выпал на долю одинаково печальный рок. Несмотря на их проницательность и дальновидность, Вейтлинг никогда не пошел дальше кругозора немецкого ремесленника, а Прудон дальше кругозора французского мелкого буржуа. И поэтому они должны были разойтись с человеком, который сумел блестяще завершить то, что они блестяще начали. Не личные самолюбия, не капризное упрямство сыграли здесь роль, хоть, может быть, впоследствии—по мере того, как Вейтлинг и Прудон начинали чувствовать, что волна исторического развития относит их на мель—давали себя знать и такие мотивы. Столкновения Вейтлинга и Прудона с Марксом показывают, что они просто-напросто не понимали его стремлений. Они стали жертвой ограниченного классового сознания, которое, однако, находило себе у них такое сильное выражение именно потому, что оно жило в них бессознательно.

В начале 1846 года Вейтлинг приехал в Брюссель. Его агитацию в Швейцарии подрезали, с одной стороны, беспощадные преследования, с другой стороны, внутренняя противоречивость его собственной позиции. Тогда он отправился в Лондон. Но уже здесь он оказался гораздо слабее, чем деятели Союза Справедливых. Чем больше спасался он от своей жестокой судьбы, гордо уединяясь и кутаясь в тогу пророка, тем больше становился он жертвой именно этой судьбы. Волна чартистской агитации в Англии подымалась в это время все выше и выше. Но Вейтлинг, вместо того, чтобы с головою броситься в это движение,—занялся разработкой новой системы мышления и речи, носясь с планом создания всемирного языка — затея, которая отныне становится его излюбленной идеей, его причудой. Нисколько не задумываясь, он брался теперь за такие задачи, которые сплошь и рядом были ему не по плечу. Благодаря этому, он все больше замыкался в себе и оказывался все более отрезанным от подлинного источника его силы—реальной жизни его класса.

Переселение Вейтлинга в Брюссель было самым разумным из всего того, что он мог сделать. Ибо, если кто мог еще спасти

его в идейном отношении, так это только Маркс. Маркс принял его самым радушным образом; это известно не только из свидетельских показаний Энгельса,—это признавал и сам Вейтлинг. Но идейное сближение оказалось невозможным. На собрании брюссельских коммунистов 30 марта 1846 года между Марксом и Вейтлингом произошло чрезвычайно резкое столкновение. Вейтлинг своими нападками вызвал Маркса на это столкновение—об этом сам Вейтлинг сообщает в одном из его писем к Гессу.

Как раз в то время велись переговоры об организации нового книгоиздательства, и Вейтлинг вздумал утверждать, что Маркс хочет отрезать его от «денежных источников», чтобы самому воспользоваться «хорошо оплачиваемыми переводами».

Маркс, однако, и после этого продолжал делать для Вейтлинга все, что мог; 6-го мая Гесс — опять-таки на основании слов самого Вейтлинга — писал Марксу из Вервье: — «как я и ожидал от тебя, ты, несмотря на ваши столкновения с Вейтлингом, не закрыл перед ним твоего кошелька, пока в кошельке было хоть что-нибудь».

Увы, в марксовом кошельке было-то до-нельзя мало.

Но, спустя несколько дней, Вейтлинг довел дело до непоправимого разрыва.

Американская пропаганда Германа Криге не оправдала надежд Маркса с Энгельсом. В еженедельнике «Народный Трибун», который Криге издавал в Нью-Иорке, не было ничего кроме пустых, широковещательных фраз и ребячества. Этот еженедельник ничего общего с принципами коммунизма не имел и вносил прямую деморализацию в ряды рабочих. Еще хуже было то, что Криге позволял себе в письмах, которые становились посмешищем для всех, выклянчивать у американских миллионеров по нескольку долларов для своего «Трибуна». И при этом Криге делал вид, будто он является литературным представителем всего немецкого коммунизма в Америке.

Естественно, что при таком положении вещей действительные представители коммунизма сочли нужным протестовать против выступлений этого скандального тоже-«представителя». 16 мая Маркс и Энгельс с их друзьями решили выразить такой мотивированный протест в форме циркулярного письма к товарищам, которое они хотели послать прежде всего для опубликования в самом органе Криге. И вот один только Вейтлинг не пожелал

подписать протест. «Народный Трибун», заявил он, является коммунистическим органом, вполне подходящим к американским условиям. У коммунистической партии достаточно могущественных врагов в самой Европе, ей незачем-де думать об Америке, да еще разжигать там братоубийственную войну. Но Вейтлинг не удовольствовался этим, он от себя отправил еще особое письмо Герману Криге, чтобы предостеречь его против «отъявленных интриганов».— «Пресловутая лига, состоящая едва из 12 человек, но распоряжающаяся весьма толстым кошельком, ни о чем другом не думает, как о борьбе против «реакционера» Вейтлинга. Сначала надо уничтожить меня, потом других, потом собственных друзей, а затем уж эти господа станут перерезывать горло друг другу... Для этих интриг у них нашлись теперь громадные деньги, а для меня издателя не находится. Мы с Гессом стоим совершенно особняком от этой компании, но Гесс, как и я, находится в опале». Так писал Вейтлинг... После такого письма и Гесс отрекся от этого ослепленного человека.

Криге напечатал протест брюссельских коммунистов, который был затем напечатан и Вейдемейером в «Westfälische Dampfboot». Но в качестве противоядия, Криге тут же привел и письмо Вейтлинга. Кроме того, Криге убедил Ассоциацию Социальных Реформ (немецкая рабочая организация, которая не нашла ничего лучшего, как признать еженедельник Криге своим органом) пригласить Вейтлинга в редакторы и послать ему деньги, необходимые на приезд в Америку. Таким образом Вейтлинг исчез из Европы.

В те же дни мая подготовлялся также разрыв между Марксом и Прудоном. Не имея собственного органа, Маркс и его друзья старались по мере возможности заполнить этот пробел, прибегая к печатным или литографированным письмам, как это было в случае с Криге. Вместе с тем они старались завербовать постоянных корреспондентов в тех крупных центрах, где жили коммунисты. Такие корреспондентские бюро существовали в Брюсселе и Лондоне; нужно было учредить такое же бюро в Париже. Маркс написал Прудону, прося его о сотрудничестве. В письме из Лиона от 17 мая 1846 года Прудон ответил согласием, подчеркнув только, что он не может обещать писать часто и много. Но при этом он воспользовался случаем, чтобы прочитать своему адресату длиннейшее наставление, которое показало Марксу, что между ним и Прудоном выросла пропасть.

— Я исповедую теперь «почти абсолютный анти-догматизм» в экономических вопросах, — пишет Прудон. Он «настоятельно» советует Марксу не впадать в то противоречие, в какое впал его земляк Лютер, который после низвержения католической теологии немедленно же с усердием стал водружать знамя теологии протестантской, прибегая при этом в изобилии к анафемам и отлучениям. «Не нужно новой идейной путаницей плодить новую бесцельную работу для человеческого рода; дадим миру образец мудрой и дальновидной терпимости, не будем разыгрывать из себя апостолов новой религии, хотя бы это была религия логики и разума». Совершенно так же, как «истинные» социалисты, Прудон, таким образом, хотел оставить в неприкосновенности тот старый, привычный, не омрачаемый резкой борьбой, идейный разброд, устранение которого для Маркса было первейшей предпосылкой успешной коммунистической пропаганды.

О революции, в которую он долгое время верил, Прудон не хочет теперь и слышать. «Я предпочитаю сжечь институт собственности на медленном огне, чем дать ему новую силу, устроив Варфаломееву ночь для собственников». О том, какими средствами эта проблема разрешается, Прудон обещает поведать обстоятельно в сочинении, которое уже наполовину готово. По выходе в свет этого сочинения, пусть Маркс обрушит на него все громы и молнии. Прудон примет их со смирением, утешаясь надеждой на скорый реванш. «Попутно я должен сказать вам, что намерения французского рабочего класса кажутся мне вполне совпадающими с моими взглядами; жажда знаний так велика у наших пролетариев, что они окажут очень плохую встречу всем тем, кто не может предложить им никакого напитка кроме крови». В заключение Прудон счел долгом взять под свою защиту Карла Грюна. Это сделано было в ответ на письмо Маркса, в котором он предостерегал Прудона против плохо переваренного Грюном гегельянства. Не зная немецкого языка, пишет Прудон, он вынужден пользоваться Грюном и Эвербеком при изучении Гегеля и Фейербаха, как и Маркса-Энгельса. Грюн намерен перевести свое новейшее сочинение на немецкий язык. Пусть Маркс окажет содействие распространению немецкого издания этой работы. Это будет почетно для всех.

Конец прудоновского письма звучит, как прямое издевательство — хотя сам Прудон, вероятно, совсем не хотел обидеть Маркса. Во всяком случае, Марксу едва ли могло быть приятно,

когда Прудон изображал его человеком, который подносит рабочим «кровь» для утоления жажды знаний. А подвиги Карла Грюна должны были только усиливать это недовольство.

В связи с этим, а также в силу еще некоторых других мотивов — Энгельс в августе 1846 года решил лично отправиться в Париж и взять на себя корреспондирование из этого города, который все еще оставался важнейшим центром коммунистической пропаганды. Парижских коммунистов к тому же надо было информировать о разрыве с Вейтлингом, о попытках наладить издательство в Вестфалии и о прочих тогда актуальных делах и делишках.

На первых порах сообщения Энгельса, которые он направлял частью в Брюссельское бюро, частью лично Марксу, проникнуты были большим оптимизмом, но мало-по-малу для Энгельса стало выясняться, что Грюн «напакостил» весьма основательно. Осенью вышла новая работа Прудона, которая, как и следовало ожидать после его письма, показала, что автор окончательно застрял в болоте. Марксовы «громы и молнии», согласно высказанному Прудоном пожеланию, не заставили себя ждать. Но обещанного реванша не последовало — если не считать нескольких грубых ругательств.

Ф. Меринг.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) Предлагаемая работа есть глава из подготовляемой к печати биографии Маркса. Эта биография, написанная таким выдающимся писателем и знатоком предмета, как Фр. Меринг, несомненно представляет собой крупнейший литературный интерес. Мы выражаем надежду, что подготовляемая к печати книга, над которой автор работает уже в течение нескольких лет, скоро увидит свет и в русском переводе.

[2]) Генрих Гейне (1797 — 1856 г.г.) — немецкий поэт. В первое время его творчество было проникнуто духом той эпохи—романтизмом, но постепенно в Гейне произошел духовный перелом, завершившийся переходом его от романтизма к боевому реализму. Его «Reisebilder» проникнуты беспощадной критикой политической отсталости тогдашней Германии. Его нападки на существующие порядки, его лозунг — борьба за гражданскую свободу—сделали пребывание его в Германии небезопасным, и в 1831 г. он переселился в Париж, где и прожил до самой смерти.

[3]) Мак Куллох — см. стр. 33, прим. 9-ое.

[4]) Рикардо — см. стр. 33, прим. 10-ое.

[5]) Оуэн, Роберт — см. стр. 32, прим. 5-ое.

[6]) Бауэр, Бруно — см. стр. 32, прим. 3-ье.

[7]) Фейербах, Людвиг (1804—1872 г.г.) — ученик Гегеля; в «Сущности христианства» доказывал, что господство над умами религиозных систем с их верой в загробную жизнь кончилось, что сознание указывает человеку высшую цель, заключающуюся в самом человеке и в земной его жизни. Имел сильное влияние на современников и на дальнейшее развитие философии.

[8]) Штирнер, Макс (1806—1856 г.г.) — философ крайнего индивидуализма и эгоизма. Лично и по убеждениям близкий к левым гегелианцам, Ш., однако, пошел в своем развитии по совершенно своеобразной дороге. Сотрудник «Рейнской Газеты». В 1845 г. появилась его книга «Der Einzige und sein Eigenthum», сразу обратившая на себя внимание и вызвавшая оживленную полемику, но скоро книга была забыта и вместе с нею и ее автор.

[9]) Грин, Роберт (1560—1592 г.г.) — один из драматургов, предшествовавших Шекспиру, и его заклятый враг.

[10]) Марло (Marlawe), Кристофор (1564—1593 г.г.) — знаменитейший из английских драматургов, предшествовавших Шекспиру, автор известной английской трагедии «Тамерлан».

[11]) Джонсон, Бен (1573—1673 г.г.) — английский драматург, друг Шекспира и противник его драмы. Пользовался большим успехом в придворных кругах, главным образом, благодаря феериям, т. н. «маскам», которые он писал для придворных празднеств, за что Иаков I назначил его поэтом-лауреатом.

[12] и [13]) Флетчер, Джон, и Бомон, Ф. — английские драматурги начала XVII века. В 1608 г. Ф. и Б. поставили драму «Philaster», имевшую крупный успех. В драме чувствуется местами подражание Шекспиру. Произведения Ф. и Б. пользовались громадной популярностью, чуть не затмившею славу Шекспира.

[14]) Криге, Герман — ученик Л. Фейербаха, заявивший, в свое время, что пролетариат для коммунистической революции еще не вырос, что в коммунистической революции мещанство должно сыграть решающую роль.

[15]) Гесс, Моисей — немецкий публицист, соиздатель журнала «Зеркало Общества» вместе с Ф. Энгельсом; примыкал одно время (в брюссельскую эпоху) к взглядам К. Маркса.

[16]) Грюн, Карл (1817—1887 г.г.) — немецкий публицист. В 1842 г. написал полемическую брошюру против баденского правительства, за что был выслан из Германии. В 1848 г. возвратился обратно и был избран депутатом в прусское национальное собрание, но за участие в пфальцском восстании был заключен в тюрьму и снова изгнан из Германии. В эмиграции много писал против бонапартизма.

[17]) Люнинг, Отто — один из редакторов «Вестфальского Парохода» (1846 г.), последователь т. н. «истинного социализма». С первым выстрелом революции 1848 г. это направление его испарилось бесследно.

«Истинный социализм» был порожден преодолением гегелевской философии. В то время, как Маркс и Энгельс изучали социализм, руководствуясь историей Французской революции и развитием английской промышленности, «истинные» социалисты довольствовались тем, что переводили

на «плохой немецко-гегелевский язык» социалистические формулы и ходячие словечки. Карл Грюн, Г. Пюттман, Моисей Гесс толковали социализм, как праздные мысли о воплощении в действительность начал человечности.

[18]) Пюттман, Герман — издатель «Рейнских Ежегодников» и журнала «Немецкий Бюргер», в которых печатался Ф. Энгельс (1845 — 1846 г.г.).

[19]) См. примеч. 16-е.

[20]) Приговор относительно «истинных» социалистов — выписка из «Коммунистического Манифеста».

[21]) Вейдемейер, Иосиф — друг К. Маркса, мужественно боровшийся в революционные годы на редакционном посту одной демократической газеты во Франкфурте-на-Майне. Но обнаглевшая контр-революция закрыла газету, а после того, как полиция обнаружила существование «Союза Коммунистов», к числу самых ревностных членов которого принадлежал Вейдемейер, ему пришлось эмигрировать в Нью-Йорк.

[22]) Мейер, Юлиус — коммунист, компаньон Ремпеля, соглашавшийся в конце 1846 года дать деньги на организацию коммунистического книгоиздательства. Но когда дело дошло до платежей, оба капиталиста отступились, вопреки своим устным обязательствам.

[23]) Ремпель — один из коммунистов Вестфалии, соглашавшийся в 1846 г. основать коммунистическое издательство, но после подавления революции 1848 г. оказавшийся «человеком с застегнутыми карманами».

[24]) Прудон (1809 — 1865 г.г.) — французский экономист, теоретик анархизма, идеолог революционной буржуазии.

КАРЛ МАРКС И СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ [1].

Последний раз мне пришлось говорить перед петроградским пролетариатом специально о Карле Марксе ровно 10 лет тому назад, когда мы здесь, в Петрограде, были небольшой гонимой и нелегальной партией, когда мы зимой 1908 года решили отметить 25-летний юбилей со дня смерти Карла Маркса. Я живо вспоминаю собрание за Невской заставой, окруженное, как водится, к концу казаками, живо вспоминаю, как мы были тогда небольшой семьей работников. Многих из тогдашних личных друзей рабочих я встречаю в заседании Петроградского Совета теперь.

Маркс был живым среди нас, и тогда наш класс не стоял у власти, когда мы были загнаны в подполье. Маркс жив и теперь среди нас, он и сейчас не умер. Мы бросаем вызов противникам марксизма: пусть назовут другое имя в истории человечества, которое вызвало бы учащенное биение такого количества сердец! Нет, такого имени до сих пор в истории не было и едва ли будет в ближайшее время. Это был величайший гений, этот колосс, положивший начало международному коммунизму.

Вокруг имени Маркса и сейчас кипит борьба, и это лучшее доказательство того, что Маркс не умер. Еще на-днях мы могли читать радио из Франции по вопросу о том, как соответствующие правительства относились к празднеству столетия со дня рождения Карла Маркса. Иностранные капиталисты изобличали друг друга в непочтительности к Марксу. Какие неучи, варвары, — не позволяют у себя чествовать памяти Карла Маркса. Вместе с тем, у себя дома, сами поступали таким же образом. Во Франции был запрещен юбилей Маркса. Мы дожили до того позора, что внук Маркса, Лонге [2], который считает себя интернационалистом, признал это празднество «несвоевременным» и призывал французских рабочих отказаться от него, так же, как они в течение трех лет призывали рабочих отказываться от празднества 1-го мая.

Вокруг имени Маркса и сейчас кипит борьба, потому что все противники рабочего класса знают, что Маркс жив среди нас, и стяг, поднятый им, теперь держится руками миллионов

рабочих в России. Они знают, что за это древко завтра крепко схватятся рабочие Германии, Франции и всех передовых стран.

Вы знаете, что борьба вокруг имени Карла Маркса кипит и у нас в России, — литературная, политическая борьба. Сегодня неуместно, конечно, поднимать повседневную полемику с нашими противниками, называющими себя социалистами. Но то, что имеет коренное значение, необходимо затронуть. Вы знаете, что многие из наших противников пытаются прятаться под знамя Маркса, изображая дело так, как будто бы именно они являются продолжателями идей Маркса и несут знамя социализма.

Попробуем взять две-три основные идеи Маркса и подойти с ними к истории последних годов. Вы знаете, что больше всего было споров по вопросу о роли буржуазии в революции. Вы знаете, что альфой и омегой всех доктрин меньшевиков и оборонцев является тот взгляд, что буржуазии принадлежит еще революционная роль, что мы должны входить в соглашение с буржуазией, должны стараться не отрываться от нее, не должны изолировать себя и т. д. Кто из вас скольконибудь штудировал Маркса, а среди нас много таких, кто знает его на-зубок, тот знает, как Маркс несколько 10-летий тому назад, уже после революции 48-го года, сказал, что после революции 48-го года буржуазия во всем мире перестала быть революционным классом. Во время Великой Французской революции буржуазия сыграла роль; вы знаете из истории, что она впоследствии не сыграла этой роли. В 48-м году она делала робкие попытки играть такую же роль, она не сыграла этой роли и оказалась классом реакционным. И Маркс и Энгельс с этих пор неустанно твердили, что буржуазия, как революционный класс, перестала существовать. По мере того, как нарождается и крепнет пролетариат, тем менее революционной становится буржуазия. В 48-м году мы видим первые отряды пролетариата. Это обстоятельство заставило буржуазию шарахнуться в объятия реакции. Этот урок имеет для судьбы нашей революции глубочайшее значение. Перед 1905 годом, в 1903 году ([2]), когда зарождались большевики и меньшевики, основным расхождением был вопрос о роли буржуазии. Маркс учил нас на опыте истории революции 48-го года и движения 71-го года тому, что буржуазия, как целое, не может быть революционным классом, учил тому, что, чем больше будет пролетариата в момент, когда будет

ломка, тем более будет реакционна буржуазия. Мы видели на опыте 1905 года: как только буржуазия заметила, что рабочий класс и крестьяне в 1905 году не ограничиваются только политической ломкой, но выдвигают социалистические требования, буржуазия шарахнулась в объятия черной реакции и бросилась на шею тогдашним Корниловым. Мы видели иллюстрацию в громадном масштабе той мысли, которую Маркс и Энгельс проводили в течение десятков лет.

Буржуазия перестала быть революционным классом, она в целом не может не тащить человечество назад, она неспособна его двигать вперед. Каждый шаг вперед можно сделать только в борьбе против буржуазии, а не в коалиции с ней, вот чему учил Маркс и что иллюстрировалось в течение великих событий 1917—18 г.г. То, что мы пережили, тысячу раз показало, как правы были Маркс и Энгельс, когда на основании опыта 48-го года утверждали, что буржуазия перестала быть революционным классом.

Люди, которые были одухотворены самыми лучшими пожеланиями, как были многие меньшевики и с.-р., вынуждены были стать слугами реакции объективно, независимо от добрых пожеланий,—добрыми пожеланиями ад вымощен. И это все потому, что они исходили из основной ошибки: они дали дьяволу палец, должны были дать и руку.

Всякий беспристрастный историк и сознательный рабочий скажет, что тысячу раз были правы Маркс и Энгельс, и правы были русские марксисты, которые одни достойны носить это почетное звание, когда с 1903 года разошлись и порвали с теми социалистами, которые предлагали верить в буржуазию, звали к союзу с ней. Мы с 1903 года утверждали, что они роют могилу рабочему классу.

Другой вопрос, разделяющий нас с нашими противниками, это—вопрос о политической и социалистической революции. Если отбросить мелочи и взять основное, что нас разводит в разные стороны с нашими противниками, так это следующее: они утверждают,—из этого исходили все их постановления,—что нашей стране предстоит пережить революцию чисто политическую, буржуазную, дело должно ограничиться ломкой политического аппарата, свергнуть царя и поставить другую власть. Они забыли азы марксизма: Маркс как раз учил, начиная с Коммунистического Манифеста, тому, что всякая классовая борьба есть поли-

тическая борьба. Если вникнуть в перевод на простой язык, то получится: невозможна абстрактно-политическая революция, как таковая. Нельзя представить себе широкое движение, действительно достойное названия великого движения народного, втягивающего миллионы людей, если оно является чисто политическим и не является, в то же время, глубоко экономически-социальным. Вы знаете, что гибель революции в 1905 году меньшевики объясняли тем, что рабочий класс зарвался, что он требовал слишком многого, как 8-часового рабочего дня и пр.; по мнению меньшевиков, он оттолкнул буржуазию, которая шарахнулась в сторону царизма. Сейчас нам повторяют то же и говорят, что мы зарываемся, мечтаем о требованиях, неприемлемых для буржуазии. Так могут говорить только люди, решительно не понимающие, что такое великое народное движение. Я утверждаю, что, если бы мы были семи пядей во лбу, если бы мы все, как один человек, проповедывали рабочему классу эту премудрость меньшевиков,— революция прошла бы мимо нас. Великое движение рождается только тогда, когда на знаменах мы видим требования социально-экономические, когда каждый рядовой, выдвинутый из народных масс, знает, во имя чего он борется, знает, что он борется не во имя только парламента, не во имя внешней демократии, а во имя непосредственного улучшения жизни.

Я говорю: на опыте великого года, который мы пережили, доказано, что марксистами были те, которые с первой минуты видели не слабость, а силу нашего движения в том, что оно поднимало эти социальные вопросы, что ставило на очередь вопросы о шахтах, фабриках, заводах и железных дорогах, вопросы — кому будет принадлежать собственность, кто будет хозяином в России, хозяином земли русской и всех богатств народных. Если бы мы этих вопросов не ставили, наша революция была бы анемичной, бескровной и бессильной, мы были бы сломлены буржуазией, мы не имели бы живого притока сил. Наша тактика была в течение этого года марксистской в лучшем смысле этого слова. Мы несли вперед знамя Карла Маркса, когда все человечество смотрело на всю нашу страну, прикованное к вопросу, есть ли рабочий класс в нашей стране. Подводя итоги сегодня, мы имеем право, несмотря на то тяжелое время, которое переживаем, гордиться тем, что мы дали наглядную иллюстрацию к теории марксизма, что сумели его претворить в жизнь и сумеем претворять и в дальнейшем.

Возьмем другой вопрос — об отношении к войне. Вы знаете, как многие, с позволения сказать, «интернационалисты» пытались в начале войны прикрыться знаменем Маркса. Мы жили тогда за границей, когда началась война, и мы сначала относились несколько шуточно к тому, как французские социал-шовинисты хватались за фалды Маркса и как немецкие социал-шовинисты, в свою очередь, старались уцепиться за полы Маркса и уверяли, что они проводят точку зрения Маркса. Скоро стало ясно, что они не даром стараются прикрыться знаменем Маркса. Целые томы были написаны на немецком языке в доказательство того, что оборонцы, поддерживая капиталистов своей страны, выполняют заветы Маркса. Они говорили, будто Маркс во время франко-прусской войны в 1871 году ставил дело так же, как Шейдеман ([4]) в Германии, как Церетели ([5]) и Чернов ([6]) в России, как Ренодель ([7]) во Франции. Каждый желал «счесться родным» Марксу, каждый желал представить рабочему классу своей страны, что, вступая в коалицию со своей собственной буржуазией, они будто бы выполняют волю Маркса.

Есть целые исследования марксистов, есть работы наших товарищей, которые поставили себе специальной задачей собрать письма Маркса и речи Маркса, произнесенные в течение нескольких месяцев войны 71-го года. Перечитывайте этот материал, чтобы видеть, как Маркс понимал интернациональную обязанность рабочего класса во время войны. В момент, когда Германия была захлеснута волной шовинизма, когда вся страна была пьяна от национального шовинизма, когда многие из социалистов потеряли голову, когда никто не решался слова сказать против своего собственного фатерлянда, Маркс и Энгельс жадно вылавливали каждую фразу, которая говорила о братстве рабочих воюющих стран; Маркс и Энгельс звали немецких и французских рабочих протянуть друг другу руки, не спускали интернационального знамени, писали простые и элементарные, но глубоко ценные слова, что немецкий рабочий и французский рабочий — братья друг другу, а немецкий рабочий и немецкий капиталист — враги друг другу не на живот, а на смерть. Читайте, как немногочисленные тогда сторонники Маркса и Энгельса шли в тюрьмы, как заковывали их в кандалы, как тогдашних интернационалистических вождей Либкнехта и Бебеля судили и как через полтора года после войны немецкая буржуазия не простила им интернациональных выступлений, и после победы над Францией бро-

сила на 2 года в тюрьму этих славных вождей за то, что они смело во время войны заявили, что рабочие всех стран — братья и не могут ни на одну секунду забывать о международной солидарности пролетариата.

Вот чему учил Карл Маркс. Когда во Франции французские шовинисты посвящали целые книги, чтобы показать, что Маркс, в качестве немца, ненавидел французов, что в 71-м году он натравливал против Франции, они выдергивали отдельные слова, как это делал Чернов на русской почве, как делали анархисты во Франции, чтобы изобразить Маркса шовинистом. Для интернационалистов величайшим удовлетворением было то, что в 1915-м году, в разгар шовинизма, во Франции встал против этой клеветы ныне покойный Вальян ([8]), старый коммунар, человек, имеющий громадные заслуги перед французским рабочим классом и Интернационалом, на склоне своих лет, как многие представители 2-го Интернационала, перешедший на сторону оборонцев и в начале войны, в 1915 году, не находивший достаточно слов, чтобы бичевать немцев. Когда попытались оклеветать Маркса, у Вальяна, на склоне лет потерявшего голову, готового в ложке воды утопить любого немца, когда затронули Маркса, у него, у этого старого коммунара, проснулась социалистическая совесть. И Вальян выступает тогда, к большому неудовольствию своих друзей и буржуазии, на страницах французской печати и говорит: «я был современником этих событий, я был молодым коммунаром, я теперь против марксистов, я решительный сторонник «защиты отечества», я решительный противник всякого немца, но я должен сказать, что если был на свете человек, который во время войны 71-го года не потерял головы, не травил французов, а держался точки зрения международной солидарности, то этот человек был Карл Маркс...» Это была последняя услуга, которую Вальян оказал рабочему классу. Это было последнее просветление социалистического ума у этого старинного борца Коммуны. Когда затронули Маркса, тогда Вальян забыл о немцах, он вспомнил о социализме, вспомнил о великом человеке, имя которого навсегда останется на устах лучших из пролетариев.

Еще один спор наш с противниками теперь взвешен судьбою. Это спор наш с народниками. Я говорю не о том споре, который нас разделяет теперь с правыми с.-р., а о том философском, социологическом споре, который был с целой плеядой литераторов-народников, начиная с Михайловского ([9]) и предше-

ственников. Я говорю о тех лучших представителях русской народнической интеллигенции, которые вели против марксизма, как вы знаете, долгую литературную борьбу и полемику философскую, экономическую, социологическую и всякую иную. Один из основных их доводов против марксизма заключается в том, что они представляли марксизм, как ученье догматическое, фаталистическое. Они говорили: ваш марксизм знает только экономику, возлагает все надежды только на концентрацию производства, на экономический процесс и т. п. Вы предоставляете работать истории за вас, а сами скрещиваете руки на усталой груди. У вас нет места роли личности в истории, у вас нет элемента героизма, страсти, воли. Таков был один из самых ходких аргументов среди интеллигенции того времени, когда борьба между народничеством и марксизмом кипела. Многие из сторонников народничества и многие из тогдашних интеллигентов-революционеров были убеждены в этом, а отчасти убеждены и теперь.

Я не забуду беседы с одной из лучших представительниц революционного народничества, Марией Александровной Спиридоновой [10], которая говорила мне: «какие вы теперь марксисты, когда вы душите буржуазию, когда действительно проявляется максимум революционности, когда идете на улицу, развиваете революционную страсть, зовете к насилию, — разве это марксизм?». Есть люди, которые серьезно убеждены, что марксист — жует, якобы, ученую жвачку, что пускай спокойно развивается капитализм, произойдет концентрация, и тогда социализм, как жареный рябчик, влетит нам в рот. Разумеется, это в значительной степени объясняется тем, что целая плеяда интеллигенции воспиталась на традиции старого народничества. Многие изучали Маркса по Михайловскому и Чернову, и они убеждены, что марксизм это есть то, что есть в «Новой Жизни» [11] и в «Луче» [12], что марксизм есть сухая, безжизненная, педантическая схоластика.

Мы теперь реабилитировали марксизм, если он только нуждался в реабилитации, и мы показали, что действительно называется марксизмом, мы претворили идеи Маркса в плоть и кровь. Марксизм в том и заключается, что сторонники его проявляют максимум революционной страсти и воли на основе того, что созрело в объективных условиях. Нам необходимо проявить максимум организованности, воли, натиска. Мы превосходно умеем ценить этот фактор. Мы знаем, что отдельная личность не сумеет ничего сделать, если не созрели условия, но мы

знаем также, что на основе того общего социально-экономического фона, который мы имеем, наш класс и наша партия, и весь рабочий класс, чтобы быть марксистами, должны вложить всю свою душу в движение, всю свою страстность и активность. Вот в чем заключается марксизм.

Я не знаю, обратили ли вы внимание, за сутолокой и за тяготами последних дней, на статью Клары Цеткин ([13]), появившуюся на-днях в «Правде». Статья очень важная, каждый из вас ее должен прочесть. В эти горькие дни, когда многим кажется, что не только буржуазия нас ненавидит, но и рабочие других стран будто бы не могут понять нас, Клара Цеткин сумела выступить со словом честного социализма и подлинного марксизма.

Клара Цеткин принадлежит к умеренному крылу в группе Либкнехта. Старые личные связи у нее на стороне меньшевиков. Вы можете быть уверены: у нее имеется много писем меньшевиков, которые делают все возможное, чтобы нас оклеветать и изобразить нас бандой разбойников, изобразить наше великое движение сплошным эксцессом. Прочитайте, как поняла она душу нашего движения. Она поняла, что мы единственные заслуживаем великого звания марксистов, что мы претворяем коммунизм в дело. Она сумела выразить мнение рядового честного социалиста в Германии, отбросить в сторону все мелкие нарекания, сумела понять, что когда лес рубят — щепки летят, что отдельные эксцессы неизбежны и что надо судить не по ним о работе всего нашего направления, а по деятельности всей нашей партии. Она сумела понять, что наследие Маркса досталось в России в надежные руки, что знамя Маркса несем мы вперед! Все это она поняла, и ее голос именно потому, что она не принадлежит к крайним левым, показывает, что все, что есть честного в Германии среди социалистов, все, что есть оставшегося верным социализму, что не забыло о классовой борьбе, что помнит Коммунистический Манифест, 75-летие которого мы празднуем в этом году,—все, все это с нами.

К. Цеткин говорит прямо: большевиков упрекают в том, что они привели к ослаблению России и к усилению германского империализма. А мы отвечаем,—заявляет К. Цеткин,—что германские интернационалисты понимали, что Россия ослаблена, что германский империализм усилился, но это не благодаря революционной тактике большевиков и рабочего класса; несмотря на их правильную тактику, несмотря на то, что они сделали все возможное,

чтобы спасти положение, они до конца действуют так, как подобает действовать честным революционерам. Они честно выполнили долг. К. Цеткин обвиняет не нас, а тех, кто отрекся от рабочего класса, тех господ критиков, которые умеют только плакать и не умеют понять, что в этой тяжелой обстановке рабочий класс сделал то, что должен был сделать.

Еще несколько слов о соратнике Маркса—Энгельсе, 100-летие со дня рождения которого мы будем праздновать через два года ([14]). Товарищи, среди широких кругов распространено мнение, будто Энгельс играл второстепенную роль в обосновании научного социализма, что он был, правда, даровитым помощником, но только второстепенной силой в этой работе марксизма. Это не так. Я думаю, что пора посвятить целую работу для того, чтобы доказать, что это не так. Многие из наших русских марксистов пытались это сделать. Я сделал слабую попытку 10 лет тому назад заняться этой работой, в сборнике ([15]), посвященном Марксу и Энгельсу. Вся наша группа была арестована в начале 1908 года, и в том числе я—с пером в руке за этой работой. Эта работа должна быть сделана, потому что это величайшая историческая неблагодарность по отношению к Энгельсу, когда его изображают только второстепенной силой. Правда, сам Энгельс любил говорить со свойственной великим людям скромностью, что он был всегда второй скрипкой и гордится только тем, что у него первой скрипкой была такая скрипка, как Карл Маркс.

Энгельс дал очень много для обоснования марксизма. Первый гениальный набросок, первая гениальная схема экономической стороны марксизма, первая экономическая работа для Коммунистического Манифеста принадлежит Энгельсу. Переписка Энгельса с Марксом, это, поистине, кладезь марксистской премудрости. Когда видишь их в интимном кругу, когда видишь, как затрагивают они все отрасли человеческого знания, человеческой культуры и науки, всякий видит, что громадная роль в обосновании научного социализма принадлежит Энгельсу. Неверны те россказни, будто Энгельс впал на старости лет в оппортунизм и стал почти таким же «умным», как Авилов ([16]) и Мартов ([17]). Ничего подобного не было. Я думаю, кости Энгельса перевернулись бы в гробу, если бы он услышал, что ему делают такие комплименты. Энгельс остался непримиримым коммунистом до конца своих дней. Энгельс оказал величайшую услугу рабочему

классу всех стран тем, что поддержал и морально и материально Карла Маркса. Энгельс бичевал оппортунистов до конца своих дней такими ласкательными эпитетами, по сравнению с которыми жесткие слова тов. Ленина по адресу наших оппортунистов кажутся ласкательными словами. У него не было по отношению к оппортунистам, к соглашателям и парламентариям другого слова, кроме слов «продажный писака», кроме самых жестких слов, которые только знали его уста.

Вот почему я говорю, когда мы чествуем годовщину Маркса, мы не должны забывать об Энгельсе. Мы должны помнить, что эти два имени сплелись, это был образец и личной дружбы, недосягаемо великой. Кто имел возможность читать переписку друзей, кто знает интимную сторону их жизни, тот должен преклониться перед изумительным величием этой замечательной дружбы.

В эти тяжелые дни, когда многие из немецких имен вызывают у нас столь справедливо очень недоброе чувство, в эти дни, когда мы знаем о Гофмане (18), Гинденбурге (19) и т. д., не забудем, что были и другие немцы. Эти два немца назывались: Маркс и Энгельс. Это было ослепительное созвездие, которое сияет и сейчас рабочему классу и которое будет сиять до последней победы социализма, а после него и коммунизма. Их слова: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь», которые мы считаем теперь такими обычными, эти слова были в свое время откровением.

Роза Люксембург (20) была права, когда в сборнике 1908 года сказала, что все величие Маркса заключается в том, что он открыл рабочий класс. Открыл рабочий класс не в том смысле, что сказано, что существует рабочий класс, а открыл как величину, двигающую человечество вперед, как класс людей, а не париев, не людей, которые на капиталистической каторге умирают, а как класс, который ведет человечество вперед. Рабочий класс нашей страны, которому приходится переживать тяжелые времена, должен показать, что он умеет чтить великих борцов, умеет нести их знамя вперед. Он должен показать, что мы, в тяжелый момент, когда мы окружены железным кольцом со всех сторон и, стиснув зубы, должны обороняться, что мы умеем не только на парадах, не только для того, чтобы раз в году—первого мая, или раз в 10 лет, в годовщину Карла Маркса,—во всей нашей борьбе умеем помнить эти простые, но вместе с тем гениальные

слова: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Эти слова перебросим в Германию. Пошлем через нашего посла, товарища Иоффе, который также находится в очень трудном положении в Берлине, от имени собрания заявление, что петроградский пролетариат просит товарища Иоффе передать германскому рабочему классу, в лице его славных вождей, Либкнехта (21) и других, томящихся в тюрьме, этим борцам от нашего имени наше полное горячее сочувствие. Мы знаем, как тяжело им, мы не обвиняем их, у нас нет слов обвинения. Мы понимаем, как тяжело скинуть иго капитализма, как было тяжело нам скинуть иго царизма. Мы понимаем это, и в этот день мы отдаем им то, что принадлежит им, мы перебрасываем в Германию те слова, которые раздались там 70 лет тому назад из уст гениального немца, Карла Маркса. Мы перебрасываем им слова: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

И мы соединимся, как бы ни было горько сейчас. Многие из здесь присутствующих, может быть, и не доживут до полной победы социализма. Но что наш класс, наше поколение социалистов доживет до полной победы социализма — в этом мы горячо убеждены. Социализм победит еще в ходе этой войны. Социализм победит, и в этот момент имя Карла Маркса станет еще в миллион раз дороже рабочим всех стран, которые всегда с любовью будут вспоминать своего борца и великого учителя.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1) Речь, произнесенная в столетнюю годовщину Карла Маркса на торжественном заседании Петроградского Совета 11 мая 1918 г.

Стенограмма речи издана отдельной брошюрой.

2) Лонгэ, Жан — внук К. Маркса, один из вождей французской социалистической партии, занимавший во время войны неясную полуоборонческую и полупацифистскую позицию; примыкает к $2^1/_2$ Интернационалу.

3) В 1903 году происходил 2-ой съезд Р. С.-Д. Р. П., на котором произошел раскол между большевиками и меньшевиками по организационному вопросу, а именно по вопросу о том, кого считать членом партии. Меньшевики предлагали считать членом партии каждого, а большевики — только тех, кто ведет активную работу в одной из партийных организаций. По существу вопрос шел об отношении к буржуазной интеллигенции, к так называемым попутчикам, которых меньшевики предлагали считать тоже равноправными членами партии.

4) Шейдеман, Филипп — член германской социал-демократической партии, видный депутат рейхстага. На последних выборах перед войной был избран вице-президентом рейхстага от социал-демократов. Во время

войны — лидер правого оппортунистического крыла германской социал-демократии, социал-патриот, вотировал за военные кредиты, вел борьбу с К. Либкнехтом и группой «Спартак»; после ноябрьской революции 1918 г. — глава соглашательского правительства республиканской Германии.

[5]) Церетели, Ираклий — меньшевик, член 2-ой Госуд. Думы, лидер социал-демократической фракции. После роспуска Думы в 1907 г., вместе с другими 64 депутатами, был приговорен к каторге. Февральская революция 1917 г. освободила его из Сибири. В Петрограде стал во главе меньшевиков, отстаивал продолжение империалистической войны и коалицию с буржуазией. Был министром в правительстве Керенского. Играл виднейшую роль в меньшевистской Грузии, где вел политику против Р. С. Ф. С. Р. Теперь заграницей ведет непримиримую борьбу с Советской Россией, требуя уничтожения Советской власти в Грузии. Под его влиянием грузинская с.-д. вошла в состав II Интернационала.

[6]) Чернов, Виктор Михайлович (род. в 1876 г.). Политическую деятельность начал в 1893 г. в рядах «социал-революционной партии народного права» (промежуточное образование между партией Народной Воли и партией с.-р.); эмигрировал заграницу в 1899 г., где стал во главе сначала Союза, а затем и партии социалистов-революционеров, в качестве ее идеолога (бессменный член Ц. К. и редактор ее ц. о. «Революционная Россия»). В годы войны занимал колеблющуюся позицию между интернационализмом и оборончеством. Участвовал на Циммервальдской конференции. Ярый оборонец и социал-пацифист по возвращении в Россию после февральской революции. «Сермяжный» министр в одном из коалиционных правительств Керенского, боровшийся против крестьян, отбиравших помещичьи земли. Вышел в отставку после июльских дней 1917 г. Октябрьская революция отбросила Чернова вправо.

5 января 1918 г. Чернов был избран председателем Учредительного Собрания, насчитывавшего $^2/_3$ эс-эровских голосов и распущенного ВЦИК-ом. После неудачного дебюта в качестве председателя Учредилки Чернов скоро оказывается в стане контр-революции и принимает деятельное участие в чехо-словацко-эс-эровской авантюре на Волге в 1918 году, возглавляя съезд членов Учредительного Собрания; в Уфе был арестован Колчаком, но вскоре освобожден. Принимал участие в Парижском съезде членов Учредилки (февраль 1921 г.), выделившем из себя комитет, составленный из эс-еров и кадетов. Пытался оказать энергичное содействие кронштадтскому восстанию из Ревеля, куда специально для этой цели приехал. Ярый враг коммунистов и Советской власти. Боролся против нее и ее главных деятелей, не гнушаясь никакими средствами, вплоть до заговоров и покушений на жизнь вождей революции.

[7]) Ренодель — один из вождей французской социалистической партии, член ее Ц. К., редактор центрального органа «Юманите» после Жореса. В эпоху войны — социал-патриот и социал-пацифист. В настоящее время представляет правое крыло французской социалистической партии, расколовшейся с коммунистами на Турском конгрессе 1920 г.

[8]) Вальян Эдуард — французский политический деятель (1840). В 1871 г. избран в Национальное Собрание как социалист, был членом Коммуны; бежал, приговорен к смерти, в 1881 г. амнистирован, в 1884 г. —

член парижского муниципалитета, с 1893 г. — депутат. Вождь небольшой группы бланкистов. В эпоху войны — шовинист и социал-предатель.

[9]) Н. К. Михайловский (1842) — писатель и теоретик народничества. В период «Народной Воли» составлял прокламации и редактировал ее издания, автор «Письма Исполнительного Комитета к Александру III». В 1892 г. Михайловский участвовал на организационном съезде «Социально-революционной партии народного права».

Сотрудник некрасовских «Отечественных Записок»; редактор народнического «Русского Богатства» с начала 90-х годов, продолжатель Чернышевского и «Исторических писем» Миртова, «властитель дум» поколения 80-х годов. Развивая общие народнические теории, выработал собственную теорию «исторического процесса», выделяя роль «критически мыслящих личностей», вел полемику против марксистов, доказывая, что последовательные марксисты должны «открывать кабаки», чтобы скорее «выварить крестьянина в фабричном котле», и был подвергнут Плехановым уничтожающей критике. В последние годы был близок к социалистам-революционерам, примыкая к их правому крылу. После смерти Михайловского редакция «Русского Богатства» послужила ядром немногочисленной партии народных социалистов.

[10]) Спиридонова, Мария Александровна, с.-р., видная террористка. В 1906 году стреляла в советника Тамбовского правления Луженовского, за что была приговорена к повешению, но впоследствии казнь была заменена вечной каторгой. После февральской революции 1917 г. становится во главе лево-эс-эровских интернационалистов, а затем во главе партии левых эс-эров. В Учредительном Собрании ее кандидатура на пост председателя получила свыше трети всех голосов. За Спиридонову голосовали большевики и левые эс-эры. После разрыва левых эс-эров с большевиками по поводу Брестского мира вела подготовку лево-эс-эровского бунта 5 — 6 июля 1918 г. Будучи арестованной и помилованной декретом В. Ц. И. К. после ноябрьской революции в Германии (1918 г.), продолжала поддерживать активистскую по отношению к Советской власти позицию партии.

[11]) «Новая Жизнь» — орган с.-д. интернационалистов, издававшийся в Петербурге под редакцией М. Горького, В. Базарова, Авилова и др. До октября 1917 г. «Н. Ж.» непрерывно колебалась между соглашательством и революцией, выступая то против Временного Правительства и социал-соглашателей, то против политики большевиков. Октябрьская революция испугала интеллигентский орган, и «новожизненцы» круто повернули против Советов. Одни из представителей ее скатились до открытого меньшевизма, другие отошли от политической деятельности. Небольшая группа «новожизненцев» вошла в Московскую организацию с.-д. интернационалистов и просуществовала до 1919 г.

[12]) «Луч» — орган меньшевиков.

[13]) Клара Цеткин—одна из виднейших деятельниц германской коммунистической партии. Во время мировой войны была арестована правительством Вильгельма II. Вместе с К. Либкнехтом, Розой Люксембург и Францем Мерингом входила в состав группы «Интернационал», из которой впоследствии сложилась германская коммунистическая партия.

[14]) В 1920 году Ф. Энгельсу исполнилось сто лет со дня его рождения.

[15]) Речь идет о сборнике, посвященном 25-летию со дня смерти Карла Маркса, выпущенном т. т. Зиновьевым, Каменевым, Лениным, Р. Люксембург, Ф. Мерингом, П. Орловским, Т. Роланд-Гольц, Ю. Стекловым и др. в 1908 году. См. статью тов. Зиновьева «Маркс и Энгельс», стр. 7-я настоящего тома.

[16]) Авилов — большевик в эпоху революции 1905 г. и «новожизненец» в 1917 г.

[17]) Мартов, Л. (Ю. О. Цедербаум)—вождь меньшевизма. В конце 1900 г. вместе с Лениным, Плехановым, Засулич и П. Аксельродом вошел в состав редакции газеты «Искра», сыгравшей решающую роль в развитии социал-демократического движения в России. На 2 съезде Р. С.-Д. Р. П. (1903 г.) Мартов по организационным вопросам разошелся с большинством съезда, образовав фракцию меньшевиков. Война застала его в рядах меньшевиков-интернационалистов. Он участвовал в Циммервальдской конференции, склоняясь к позиции центра. В начале революции стоит на интернационалистической позиции, расходясь по целому ряду вопросов с большинством партии, занимающей оборонческую позицию. На 2 съезде Советов высказывается за социалистическое правительство и остается на нем после ухода меньшевиков и правых эс-эров. Вскоре, однако, его целиком захватывает меньшевистский поток, который после Октябрьской Революции сбрасывает его в стан врагов Советской власти. В 1921 г. Мартов эмигрирует в Берлин, где выступает с целым рядом статей против Советской власти и вступает в $2^1/_2$ Интернационал. Умер в 1923 г. С его смертью меньшевизм, как политическое течение, перестал существовать.

[18]) Гофман, генерал, — глава германской делегации и председатель делегаций германской коалиции в Бресте.

[19]) Гинденбург — главнокомандующий германской армией во второй половине империалистической войны, «герой» Восточной Пруссии и Балкан; его имя является синонимом германского империализма.

[20]) Люксембург, Роза (1870 — 1919) — коммунистка. Крупный писатель, теоретик марксизма и даровитый оратор. Была одним из вождей русского, польского и германского рабочего движения. Во время империалистической войны занимала интернационалистическую и революционную позицию. Выступала вместе с К. Либкнехтом против войны. В 1916 г. арестована, как член союза «Спартак», в тюрьме написала брошюру «Кризис с.-д.», в которой говорит о неизбежности распада II Интернационала и образования Коминтерна; после ноябрьской революции в Германии развивает широкую агитацию за социалистическую революцию. Ее имя, на-ряду с именем К. Либкнехта стало знаменем пролетарской революции. Вместе с К. Либкнехтом подло убита шейдемановцами.

[21]) Либкнехт, Карл—сын Вильгельма Либкнехта, коммунист. В начале империалистической войны 1914 г., только он один из всех социал-демократических членов рейхстага выступил против этой войны, предлагая войну народов превратить в войну классовую. Не поддержанный социал-демократическими вождями, он образует самостоятельную социалистическую группу «Спартак», из которой впоследствии развивается германская коммунистическая партия. За противодействие войне германское прави-

тельство заключило Либкнехта в тюрьму, из которой его освобождает ноябрьская революция 1918 г. По выходе из тюрьмы, он продолжает свою коммунистическую деятельность, призывая и организуя рабочих для захвата власти. Но находящееся во главе Германии правительство Шейдемана оказалось более варварским, чем империалистическое, — оно во время январского восстания 1919 г. в Берлине арестовывает Либкнехта вместе с Р. Люксембург и по дороге в тюрьму зверски и подло убивает их.

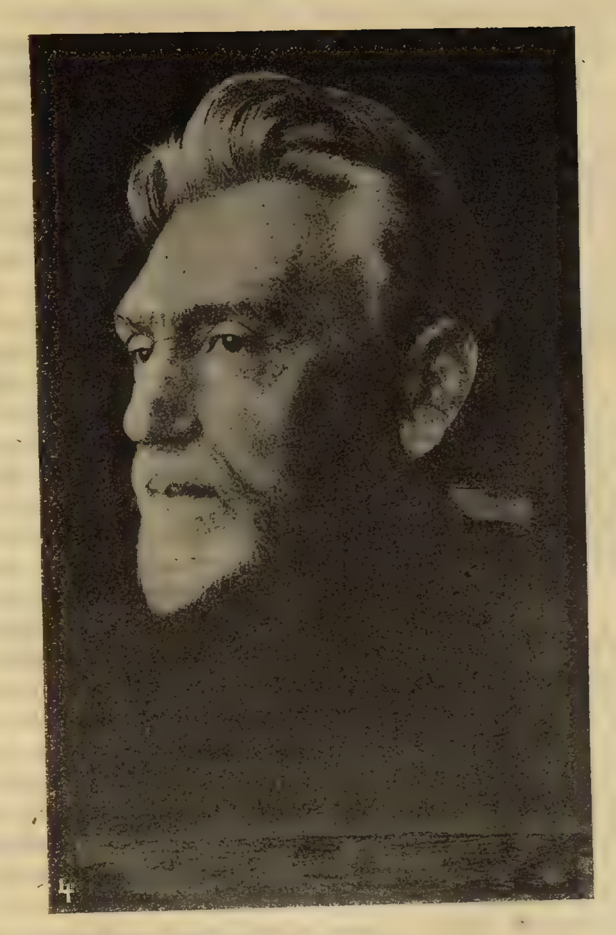
ПАМЯТИ ТОВАРИЩА-БОРЦА (1).

...«Мы предпочитаем лучше быть замученными в тюремном подземелье-карцере или быть расстрелянными, чем стать предателями и изменниками нашему общему делу. О, нет! враги наши этого не дождутся».

— Так писал нам из-за тюремной решетки наш товарищ большевик-рабочий Петренко-Ткаченко (см. его письмо в № 2 «Социал-Демократа»). Ему, вместе с другими товарищами, стоявшими во главе Екатеринославской забастовки в великий 1905 год, пришлось испить чашу до дна. Кроме мук и издевательств со стороны палачей, они должны были собственными глазами увидеть, как у людей, боровшихся вместе с ними в дни подъема, не хватило мужества посмотреть смерти в глаза. Рабочих вождей не сломило и это испытание. Бесстрашно пошли они — восемь рабочих героев — на смерть. Их повесили 8 сентября за оградой Екатеринославской тюрьмы. Они живы... Живы в памяти пролетариев в не останавливающейся пролетарской борьбе.

ПРИМЕЧАНИЕ.

[1]) Статья из № 49 «Пролетария» за 1909 г.

АВГУСТ БЕБЕЛЬ.

АВГУСТ БЕБЕЛЬ. ([1])

... Вильгельм Либкнехт ([2])... Пауль Зингер ([3])... Поль Лафарг ([4])... и теперь — Август Бебель. Один за другим сходят в могилу представители старой марксистской гвардии...

Современников Маркса, его лучших друзей, сподвижников его великого дела, скоро не станет ни одного. Грустно молодому поколению борцов смотреть, как под влиянием неумолимых законов времени падают подкошенными старые могучие дубы... Так дороги, так близки сердцу те светлые, героические страницы великого освободительного движения рабочего класса, которые олицетворялись именами как Либкнехт и Бебель. Такими осиротевшими чувствуют себя на первых порах фаланги борцов, привыкшие видеть в первом ряду своих старых, испытанных, любимых вождей, поседевших под рабочим знаменем!..

Сама смерть каждого из таких «стариков» является как бы новой вехой на великом историческом пути рабочего класса. Как-то сам собой подводится новый итог. Как-то невольно глаз старается измерить—какая часть пути уж пройдена и сколько еще осталось пройти до заветной цели. И главным утешением осиротевших борцов в таких случаях служит то, что все дальше и дальше отодвигаемся мы от отправного пункта и все ближе и ближе подвигаемся к великой конечной цели.

Вильгельм Либкнехт и Август Бебель. Немного более десяти лет отделяют смерть одного от смерти другого. А как далеко подвинулись мы вперед за эти годы—и в Германии, и в России, и во всей Европе, и даже—в Азии!..

Ровно 30 лет отделяют смерть Августа Бебеля от смерти Карла Маркса. А какой гигантский этап пути пройден за эти 3 десятилетия, т.-е. за время, составляющее немногим более половины человеческой жизни!

Путь неимоверно трудный. Десятками тысяч падают жертвы. Дорога усеяна колючими заграждениями. Враг обнаруживает все бо́льшую ненависть, злобу, коварство, жестокость. А все-таки... а все-таки — движется!..

Сравните похороны Маркса с похоронами Бебеля. В 1883 году— год смерти Маркса — звезда марксизма уже сияла высоко, высоко. Позади была работа славного Международного Товарищества Рабочих, которым Маркс руководил непосредственно. Позади был

1848 год в Германии и 1871 год в Париже. Международная социал-демократия уже твердой стопой стояла в ряде передовых капиталистических стран.

Маркс тогда уже был признанным учителем рабочего класса и основоположником научного социализма. Но смерть Маркса всколыхнула тогда лишь десятки, в лучшем случае сотни тысяч пролетариев.

А Бебель был ведь только «учеником» великого учителя Маркса. Бебель не был создателем нового учения. Он только с пламенной верой, огненным увлечением и великим талантом понес в массы угнетенных и обездоленных свет учения Маркса. И смерть Бебеля теперь всколыхнула — без всякого преувеличения миллионы рабочих и работниц на всем земном шаре.

Всего лишь 30 лет. Но — как мало прожито, как много пережито! Время не прошло даром. Там, где великое учение Маркса в 1883 году имело лишь десятки, сотни и тысячи адептов, там теперь оно завоевало сотни тысяч и миллионы пролетариев. Над миром веет знамя марксизма — вот что сказал нам невиданный еще во всей нашей истории отклик всего мирового пролетариата на смерть нашего Августа Бебеля.

«Марксизм оторван от жизни. Марксизм — окостенелая догма. Марксизм переживает кризис. Марксизм отжил свой век»... Сколько раз кричали нам об этом «с того берега», сколько раз уверяли нас в этом идеологи буржуазии, и сколько раз в это готовы были поверить наиболее шаткие из сторонников рабочего движения? Господа! Посмотрите на жизнь и смерть Августа Бебеля! Назовите нам другое имя во всей мировой истории последних десятилетий, которое было бы так известно, так близко, так понятно подлинным миллионным массам населения, как имя Августа Бебеля!

А ведь Бебель в течение более чем сорока лет неустанно проповедывал именно марксизм. Ведь Бебель во всей своей многосторонней деятельности всегда и неизменно применял на практике теории Маркса и Энгельса. Ведь Бебеля сами буржуазные «ученые» называли «великим инквизитором марксизма». Или случайно то, что именно пламенный сторонник «окостенелой марксистской догмы» оказался вождем миллионов? Или случайно то, что во всем новом рабочем Интернационале, объединяющем теперь более 10 миллионов пролетариев, самым авторитетным руководителем оказался Бебель? Или случайно, что звезда Маркса окружена таким созвездием, как звезды — Либкнехт и Бебель?..

В дани уважения Бебелю, как человеку изумительной чистоты и честности, не смог отказать и весь буржуазный мир.

«Честный фантазер, но фантазер», — писала либеральная печать Германии по поводу его смерти. Бедняги! Эти трезвые либералы не смогли объяснить только одного: почему же это в их собственном буржуазном обществе, в этом, с их точки зрения, лучшем из миров, именно «фантазер» Август Бебель имел за собой десятки миллионов сторонников? Почему среди господствующих классов не оказалось ни одного имени, которое имело бы такой притягательный характер?

Реакционный лагерь был откровеннее.—Что Бебель был честный человек—это мы должны признать,—писали их органы.—Но он сам заявил однажды, что он «смертельный враг буржуазного строя». И, действительно, он был врагом всего немецкого. Он был хуже даже французских коммунаров — писала одна влиятельная немецкая реакционная газета.—Те все-таки остались французами, а Бебель отрекся от немецкого фатерланда...

Хуже даже французских коммунаров? Очень может быть, господа буржуа... С вашей точки зрения вы правы. Но не объясните ли вы нам вот чего. Вы преследовали Бебеля, как могли. Вы продержали его в тюрьмах в течение его жизни целых 56 месяцев. На вашей стороне были и миллионы, и «наука», и знатность, и «любовь к родине». Бебель же начал, как бедный, лишенный образования токарь. Бебель сказал открыто на весь мир, что он смертельный враг вашего буржуазного общества. Какими же чарами именно он, а не ваши герои, повел за собой миллионы? Уж не сами ли вы создали такие условия жизни, что миллионные массы, а не одни вожди, стали «хуже даже коммунаров»?..

Бебель умер. В продолжение нескольких дней, пред отверстой могилой вождя, миллионы рабочих всех стран на разных языках давали себе клятву продолжать до последнего вздоха борьбу, которую вел почивший борец...

* *
*

Из 73 лет своей жизни Август Бебель в течение 52 лет принимал участие в рабочем движении. 19 февраля 1861 года — вспоминает Бебель в своих мемуарах — он посетил первое политическое собрание в Лейпциге. Эти 52 года политической деятельности могут быть подразделены на 4 главных периода: до-социалистический период 1862 — 1866, эпоха до исключительного закона о социалистах

1867 — 1878, эпоха исключительного закона 1878 — 1890 и последний период органического развития германской социал-демократии 1890 — 1913.

Непосредственно-революционного периода общественной жизни Бебелю не довелось пережить. В этом смысле его биография значительно отличается не только от биографии Маркса и Энгельса, но даже от биографии его ближайшего сподвижника Вильгельма Либкнехта. Либкнехт был старше Бебеля на 14 лет. Он родился в 1826 году, и в 1848 году ему, значит, было уже 22 года. Меж тем как Бебель родился 22 февраля 1840 года, и в критическом 1848 году, следовательно, имел лишь 8 лет от роду.

Революционные годы остались лишь в детских воспоминаниях. Отец Бебеля, старый унтер-офицер, служил в бурный революционный год в одном из полков, усмирявших народное движение. 8—9 летнему мальчику Бебелю довелось многое увидеть из бешенств контр-революции. Эта расправа глубоко запала в юную душу. В первом томе своих воспоминаний Бебель рассказывает о том, что приходилось ему видить и слышать в связи с расстрелом Раштаттских узников... И эти места воспоминаний Бебеля производят и теперь очень глубокое впечатление...

В свой первый, так сказать доисторический период общественной деятельности, Бебель не был социалистом. Прежде чем прийти к социал-демократизму, Бебель прошел через либерализм и буржуазный демократизм. С 1862 года он принимает уже деятельное участие в работе просветительных обществ. В 1865 году он уже председатель Лейпцигского образовательного общества. С 1864 — 1867 он член правления союза германских рабочих обществ. В 1866 году он является одним из организаторов саксонской народной партии. В 1867 году он, в качестве представителя левой демократии, выбран депутатом северо-германского рейхстага. В 1868 году руководимый им союз германских рабочих союзов на съезде в Нюрнберге принимает принципы Международного Товарищества Рабочих, руководимого Марксом. В 1869 году Бебель вместе с другими основывает социал-демократическую рабочую партию (эйзенахского направления).

В короткое сравнительно время дошел Бебель до социализма, но все же на это потребовалось несколько лет. В течение этих лет Бебель вел резкую борьбу со своими будущими товарищами по партии—Вальтейхом, Фрише и другими передовыми рабочими того времени, понявшими уже необходимость полного разрыва

между пролетариатом и буржуазией. Бебель постепенно уступал точке зрения социал-демократии. Он начал знакомиться с учением Маркса и Энгельса. Оставив точку зрения буржуазной демократии, Бебель еще некоторое время находился под влиянием идей Дюринга, т.-е. эклектического мелко-буржуазного «социализма». Энгельсовский «Анти-Дюринг» дал возможность Бебелю окончательно свести счёты с последними мелко-буржуазными веяниями. С тех пор до конца своей жизни Бебель остается верным учеником Маркса.

Путь от демократизма к социализму был пройден. «С тех пор, — рассказывает сам Бебель, — я стал столь же фанатичным защитником социализма, сколь ревностным противником его я был ранее».

* * *

Вторая эпоха в деятельности Бебеля — 1866 — 1878 годы — есть период первых крупных парламентских выступлений Бебеля, жестокой борьбы между тогдашними двумя фракциями германской социал-демократии и затем объединения этих двух фракций в единую партию.

Первые годы парламентской деятельности Бебеля пришлись на очень бурные времена. И уже с самого начала Бебель выступает крупным парламентским вождем, деятелем с широким кругозором, человеком, соединившим верность социалистическому знамени с дальновидностью мирового политика.

Во время франко-прусской войны он, не имея еще опоры в широких народных массах, от имени горсти передовых пролетариев Германии отважно выступает против шовинистического угара, охватившего всю помещичье-буржуазную Германию. Он требует прекращения войны. Он настаивает на почетном мире с французской **республикой**, так как империя лежит уже во прахе. Он горячо протестует против аннексии Эльзас-Лотарингии, которую вся буржуазная Германия считает «законным» вознаграждением за бойню, учиненную Бисмарковскими штыками.

В 1871 году в германском рейхстаге, где Бебель был тогда единственным представителем социализма, он берет под свою защиту истекающую кровью Парижскую Коммуну, на которую со злобой и ненавистью обрушилась всеевропейская буржуазная реакция.

— «Будьте уверены, — бросил буржуазии с трибуны Август Бебель, — что взоры всемирного пролетариата и всех тех, в ком

жива еще приверженность к свободе и независимости, устремлены на Париж. Пусть Париж разбит в данный момент, но я напоминаю вам, что парижская борьба не более, как незначительная вылазка передового отряда, что главная борьба в Европе еще предстоит, и не пройдет и нескольких десятков лет, как боевой клик парижского пролетариата—смерть дворцам, мир хижинам, смерть нужде и праздности — станет боевым кличем всего европейского пролетариата» *).

Такой золотой страницей открыл молодой Бебель блестящую книгу своих парламентских выступлений.

Раскол между двумя фракциями германского социализма — эйзенахской и лассальянской — имел главной основой (кроме некоторых теоретических разногласий) расхождение во взглядах на значение переживаемой страной политической эпохи. Идейными и теоретическими вдохновителями «эйзенахцев» были Маркс и Энгельс. Но, преследуемые контр-революцией, они жили в это время в изгнании. На месте действия, в Германии, главными вождями эйзенахцев были Бебель и Либкнехт. Их позиция была гораздо более революционной, чем позиция Швейцера, ставшего руководителем лассальянцев после смерти Лассаля.

Бебель и Либкнехт считали, что «конституционный» кризис 60-х годов в Пруссии чреват революционными катастрофами. Когда переживались эти годы, они не верили в то, что Бисмарку удастся сверху разрешить назревший кризис. И Бебель, и Либкнехт верили, что снова приближается время, когда все действительные борцы должны будут, по выражению Энгельса, «умереть за республику». Меж тем как Швейцер раньше, чем они, учел удачу политики Бисмарка и, в поспешном стремлении приспособить

*) Со столь же благородной защитой Коммуны выступил Бебель на открытом диспуте с либералом Шпаригом на собрании в Лейпциге 10 марта 1876 года. Немецкие либералы тоже считали своим долгом забрасывать грязью героев Коммуны. Бебель в красноречивых словах описал преследования коммунаров. «Как в 1848 и 1849 годах,—говорил он, — наших лучших людей расстреляли в Вене, Раштатте и Маннгейме, так поступили и с коммунарами, которые умирали с возгласами: «да здравствует республика», «да здравствует Коммуна» — на устах.

Гневно обрушиваясь против контр-революционности либералов, Бебель напоминает им речь Роберта Блюма, провозгласившего в 1848 году: — «Долой половинчатость в революции. Вперед по избранному пути, никакой пощады сторонникам старого режима!»

рабочее движение к новым условиям, скатывался часто к оппортунизму.

Нет ничего ошибочнее, как представлять дело так, будто эйзенахцы вообще и Бебель с Либкнехтом в частности, были тогда более умеренны, чем Швейцер. Такая точка зрения абсолютно неверна.

Исторически позиция Бебеля и Либкнехта все-таки была гораздо более марксистской, чем позиция Швейцера, хотя последний и правильно учел результаты политики Бисмарка. Всякий марксист обязан был в то время все силы отдать на иное, чем Бисмарковское, решение вопроса, обязан был бросить все, что имел, на чашу весов, чтобы попытаться перетянуть ее в другую сторону. Эта тактика могла бы стать ошибочной, если бы Бебель и Либкнехт уклонились от повседневной просветительно-организационной работы среди пролетариата или если бы они не захотели сделать выводов из победы Бисмарка тогда, когда изменить в этом исходе кампании ничего уже нельзя было. Но именно этого они не сделали. И потому марксистская правда была на их стороне.

В своих воспоминаниях Бебель рассказывает об огромном Лейпцигском собрании 8 мая 1866 года, на котором единогласно принята была его и Либкнехта резолюция, требовавшая созыва — на основе всеобщего, прямого и т. д. голосования — парламента, поддерживаемого всеобщим народным вооружением, и высказывавшая «ожидание, что немецкий народ будет выбирать в депутаты лишь таких людей, которые отвергают всякую наследственную центральную власть». И в тех же воспоминаниях Бебель с сожалением говорит о малых результатах тогдашней борьбы:

— «Невыносимость политического положения становилась все более ясной для рабочих... Все требовали перемен. Но так как налицо не было руководящих элементов, вполне сознательных, ясно видящих цель, к которой надо стремиться... так как не было крепкой организации, сплачивающей силы, то настроение пропало даром. Никогда движение, великолепное по своей сущности, не оканчивалось более безрезультатно».

Между эйзенахцами и лассальянцами были и другие разногласия—более частные. Но гвоздь все-таки был в оценке переживаемой эпохи. Когда окончательно обрисовался исход бурной поры, тогда только единство и стало возможным. И тогда, в 1875 году, на предварительных совещаниях и на Готтском объединительном конгрессе (5) оно стало фактом. А до этого времени борьба между

двумя фракциями шла не на жизнь, а на смерть. Они имели две отдельных парламентских фракции, создавали обособленные профессиональные организации, издавали отдельно свои газеты и т. д. Порою обострение борьбы доходило до крайних пределов. Бывали случаи рукопашных столкновений между сторонниками тех и других взглядов. В квартире Либкнехта «лассальянцы» однажды в виде враждебной демонстрации вышибли все оконные стекла. Бебелю на одном из его докладов рабочим, рьяным «лассальянцем» была пущена в голову тяжелая пивная кружка. Лишь по счастью Бебель избежал тяжелого удара. Через 40 лет Бебель с юмором и добродушием рассказал в своих мемуарах о своих столкновениях. А тогда было не до шуток. И Бебель с его натурой страстного борца ни на минуту не отстранился от борьбы, не жаловался на ее неприятный характер, а как вожак одной из сторон, резко и страстно отстаивал свои взгляды до последней запятой.

Когда партия на Готтском конгрессе объединилась, молодой Бебель в сущности уже и тогда был ее фактическим вождем. А когда через 2 — 3 года подкралась эпоха исключительного закона против социалистов и наступили особенно тяжелые гонения против германской социал-демократии, — Бебель стал еще более общепризнанным вождем партии.

* * *

Трудные времена переживала германская социал-демократия, особенно в первые годы исключительного закона. Многие из членов партии дрогнули под напором преследований. Центральный Комитет партии сам распустился и восстановил свою организацию лишь через некоторое время. Партийной организации, как таковой, пришлось перейти в подполье.

Появилось—в особенности среди «с.-д.» интеллигенции,— течение, написавшее на своем знамени легальность во что бы то ни стало. Вместо борьбы это течение проповедывало беспринципное «приспособление и урезывание задач социал-демократии».

— «Эти люди, — писал Ф. Энгельс о представителях этого течения: Хехберге, Фиррэке и других, — хотели бы выклянчить отмену закона о социалистах какими угодно средствами, мягкостью и кротостью, пресмыканием и приспособлением».

И тут-то встал Бебель и грудью своей защитил партию от опытов беспринципных «легалистов». При его ближайшем участии созван был в Швейцарии, в Виденском замке (6), первый тайный

съезд германской социал-демократии, где партия и была восстановлена. До исключительного закона программа германской социал-демократии гласила, что партия добивается всех своих целей «всеми законными» средствами. По предложению Бебеля и Зингера, теперь было вычеркнуто слово «законными», и партия, вопреки «пресмыкающимся», по выражению Энгельса, легалистам, сказала, что теперь она добивается своих целей всеми средствами.

— «Из вожаков,—писал об этом времени тот же Ф. Энгельс,—лучше всего держался в этом деле Бебель».

По настоянию, главным образом, Бебеля, партия организовала заграницей (сначала в Цюрихе, а потом в Лондоне) издание нелегального органа «Социал-Демократ», который вскоре стал выходить регулярно каждую неделю в количестве 10.000 экземпляров и который с денежной и технической стороны обслуживался самими рабочими.

На свои плечи Бебель взвалил огромную массу работы. Дошло до того, что он, главный оратор партии в парламенте, член ее Ц. К., политический руководитель, должен был вместе с тем нести на себе обязанности кассира, корреспондента, экспедитора и т. д. Функции Центрального Комитета несла на себе парламентская фракция, которая для этого приглашала в свой состав не депутатов из «подпольных» деятелей. Но фактически бывали времена, когда Бебель один должен был нести работу центрального руководства.

Уже 5 ноября 1880 года К. Маркс в письме к Зорге пишет со слов Бебеля и Либкнехта:

— «Партийная организация возобновлена, что могло быть сделано только тайным путем».

Замешательство прошло. Рабочие взялись за дело. И Бебель, в речи, сказанной в рейхстаге в 1881 году, бросает творцам исключительного закона гордый вызов: «Ваше оружие,—говорит он им, — разлетится вдребезги, оно разобьется, как стекло о гранит».

Рабочие организации растут и крепнут, несмотря ни на какие препятствия.

— «В то время «тайные» организации росли, как грибы. Мы играли с полицией, как кошка с мышкой. Это было для нас особенным удовольствием»,—рассказывает об этом времени Август Бебель (см. его речь на Иенском съезде в 1905 году).

Бебель работает до изнеможения. Он успевает всюду. Сегодня он на парламентской трибуне, завтра он в Швейцарии устран-

вает тайные совещания с деятелями «подпольных» организаций. Вчера он был на тайном партийном съезде. Сегодня он вместе с Дресбахом устраивает в Маннгейме «массовки» за городом по 70—80 человек» (см. цюрихский «С.-Д.» № 6, за 1886 г.). Завтра он вместе с Зингером совершает поездки для разоблачения провокаторов. Послезавтра он на совещаниях с Марксом и Энгельсом. Он пишет, редактирует, пользуется «досугами» в тюрьме, чтобы продолжать образование, он направляет и партию, и профессиональные союзы, — одним словом, он душа всего движения.

И уже после падения исключительного закона против социалистов он продолжает со страстью защищать правильность того пути, который партия избрала *против* легалистов.

На Эрфуртском съезде (?) партии он заявляет:

— «Если бы мы не имели нелегального «Социал-Демократа», если бы мы не имели нефальсифицированной партийной литературы, — которую мы, благодаря самоотвержению товарищей, распространяли очень широко, — тогда правительство в высокой степени достигло бы того, чего оно добивалось исключительным законом: духовного вырождения партии»...

В проведенной борьбе против оппортунистов легализма Бебелю никогда не пришлось раскаяться. Это направление дружно поддержали передовые рабочие. За эту борьбу самым лестным образом отзывались о Бебеле великие творцы научного социализма Маркс и Энгельс.

Пред движением встала новая опасность. Общее политическое положение в стране было таково, что в загнанной в подполье рабочей партии неминуемо должно было начаться не только легалистское, но и полу-анархистское брожение. Возникло направление так называемых «молодых», выступивших с проповедью о вреде парламентской борьбы с.-д., доказывающих, что с.-д. депутаты должны уйти из парламента, и т. д.

Большинство «молодых» впоследствии, как это часто водится с революционными фразерами, стали крайними правыми оппортунистами. Таковы Шиппель, Роберт Шмидт, П. Кампфмейр и другие. В те времена обстановка была такова, что «левые» фразеры могли получить значительное влияние, например, в таком центре, как Берлин.

Бебель первый выступил с решительной борьбой против этого нового уклонения от марксизма.

Борьба осложнилась мелкими, непринципиальными нападками. «Молодые» справедливо видели в Бебеле главного своего противника, и они обрушились на него со всякой былью и небылицей. Рядом с обвинениями Бебеля в «оппортунизме», сыпались упреки в «диктаторстве» и т. п. Дело доходило даже до денежных кляуз. Всю эту дребедень Бебель должен был терпеливо разоблачать, чтобы расчистить почву для идейной борьбы и дать возможность партии правильно выбрать свой тактический путь.

И Бебель добился своего. Партия справилась с полу-анархическим течением так же, как в свое время с ультра-легализмом. Из этой борьбы на два фронта германская социал-демократия вышла вдвойне закаленной и еще больше прониклась духом марксизма. Бебель резко и решительно боролся против «молодых». Но это вовсе не значило, что сам он проникся «умеренностью». Он ни на ноту не уклонился от марксистского пути. Бебель был тысячу раз прав, когда в связи со спорами с «молодыми» он писал Фр. Энгельсу:

— «Ты да я, старина, мы в сущности единственно молодые в нашей партии».

Бебель упорно и настойчиво боролся с недооценкой парламентской работы и «легальных возможностей» фракцией «молодых». Это вовсе не значило, что сам он хоть на минуту переоценивал парламентаризм. Еще в резолюции, внесенной Бебелем в 1870 году, он говорил, что «с.-д. рабочая партия принимает участие в выборах в рейхстаг исключительно из агитационных соображений». На съезде партии в С.-Галлене ([8]) во время исключительного закона Бебель, Зингер и Либкнехт провели резолюцию о деятельности с.-д. в рейхстаге, в которой говорилось, что «центр тяжести в деятельности парламентской фракции должен лежать в критической и агитационной работе» и что «не следует делать себе никаких иллюзий насчет «положительной работы» в парламенте при современных условиях.

На том же съезде в С.-Галлене Бебель, в качестве докладчика, заявляет:

— «Если бы наступило такое положение, что с.-д. фракция стала по числу голосов решающей хотя бы по второстепенным вопросам, тогда создалось бы положение, чреватое опасностями. Большая склонность к законодательной работе могла бы даже вызвать раскол».

И Бебель тут же формулирует свой взгляд в следующих резких словах:

— «Тот, кто думает, что социализм будет осуществлен на почве нынешних парламентарно-конституционных путей, тот либо не знает этих путей, либо — мошенник».

Больше, чем кто бы то ни было, Бебель понимал относительную ценность парламентаризма. Убедительнее, чем кто бы то ни было, он учил массы тому, что великие социальные вопросы будут разрешены самими ими вне парламента. Но он не мог допустить укоренения голого анархистского отрицания парламентской работы. Он хорошо понимал, какое огромное значение имеет с.-д. пропаганда с парламентской трибуны, особенно в такую эпоху, как период исключительного закона.

Так, при энергическом содействии Бебеля партия очистилась от уклонений и справа и «слева», так партия дала отпор и Хехбергам и Шиппелям и Мосту с К⁰. И, сплотивши ряды, сочетав тайную организацию с открытой, под знаменем последовательного марксизма вступила германская социал-демократия, руководимая Бебелем, в борьбу с исключительным законом. Движение росло каждый год. Своей самоотверженной борьбой германские рабочие превратили исключительный закон в насмешку над собственными его творцами. Через 12 лет тяжелой борьбы, в течение которых Бебель особенно широко развернул свой организаторский и политический талант, исключительный закон пал, и партия германского пролетариата вышла на новую широкую дорогу.

* * *

В последний период деятельности Бебеля (1890 — 1913) для него открылась еще более широкая арена. Бебель подымается на новую, еще более высокую, ступень. Растет неудержимо его собственная партия в Германии. Из вождя сотен тысяч Бебель становился вождем миллионов. И вместе с тем Бебель играет крупнейшую роль при возрождении в 1889 году нового Интернационала и фактически становится, после смерти Энгельса, его вдохновителем и руководителем.

В этот период Бебель развертывает такое богатство духовных сил, перед которым в изумлении останавливается и друг и недруг. Социал-демократия становится партией масс в подлинном смысле слова. Задачи ее усложняются и в области внутренней и в области внешней политики. Каждый шаг ее чреват крупными последствиями. Социал-демократия становится в центре всей политической борьбы.

В это время Бебель выступает как гениальный тактик и еще более гениальный организатор рабочего класса. Десятки непредвиденных поворотов делает путь. В тревожные времена пролетариат теряет немало бывших своих «друзей» и советчиков. Но Бебель остается на своем славном посту и уверенной рукой ведет отважный кормчий пролетарский корабль, несмотря на грозу и бурю.

И на всех поворотах событий Август Бебель попрежнему остается верен учению Маркса. Чем больше развивается ход мировых событий, чем с бо́льшими массами приходит в соприкосновение Бебель, тем более полными пригоршнями бросает он семена марксизма на вспаханную почву. И семена эти дают такие обильные всходы, о которых не смели мечтать ни великий учитель, ни гениальный «ученик».

И в собственной партии в Германии и на международной социалистической арене Бебель продолжает оберегать наше учение от искажений со стороны оппортунистов и со стороны анархистов. Никто иной, как Бебель, вступает в победоносное единоборство с Жоресом на Амстердамском международном конгрессе (9), чтобы разбить оппортунистические планы «сотрудничества» с буржуазией, вхождения социалистов в буржуазное министерство и «великого блока» с либералами. Никто иной, как тот же Бебель, дает отпор в Интернационале анархистским тенденциям сначала голландца Домелы Ньювенгюйса (10), а затем француза Эрве (11) и других.

А когда в Германии возник ревизионизм, Бебель опять в первых рядах тех, кто дает решительный отпор этой оппортунистической тенденции и кто борется за неурезанный, ортодоксальный марксизм.

Долгие годы совместной борьбы связывают Бебеля с Бернштейном (12), главным теоретиком «нового» слова оппортунистов. Бебель, ни на минуту не задумываясь, рвет эти связи... Никто не нанес бернштейнианству таких жестоких ударов, как Бебель своей пламенной критикой и своей практической работой. Бернштейнианцы выдвинули свое «новое слово» именно в надежде на то, что под более умеренными лозунгами они соберут более широкие массы, которым, будто бы, чужда конечная цель социалистов. Бебель в союзе с самой жизнью жестоко разбил эти планы ревизионистов и собрал массы именно под неувядаемым старым знаменем марксизма.

На знаменитом Дрезденском партейтаге (13) германской социал-демократии Бебель дает генеральное сражение Бернштейну и его

единомышленникам. Огромное большинство партии опять на стороне Бебеля. И не только большинство партии, но — большинство пролетариата. Буржуазия возлагала большие надежды на ревизионистов. Она полагала, что ревизионисты сумеют увлечь рабочие массы по новому, более выгодному для буржуазии пути. Бебель больше всех содействовал тому, что эти надежды не сбылись. Несомненно, что, между прочим, и поэтому буржуазия теперь полагает, что Август Бебель был «хуже даже французских коммунаров».

До самого конца своей жизни Бебель остается тем, чем он был. Еще 3 года тому назад на Магдебургском съезде [14] партии Бебель вновь дает сражение ревизионистам по случаю голосования баденских депутатов за буржуазный бюджет. 70-летний Бебель с юношеским огнем выступает в защиту основных идей марксизма. Он защищает дело своей жизни. Ученик оказался достоин великого учителя. За это миллионные рабочие массы почтили его таким доверием, такой горячей любовью, какой не пользовался еще никто до Бебеля.

* *
*

Многие из европейских с.-д. правого крыла из формулы «социал-демократ» помнят только вторую ее часть. Они не столько социалисты, сколько просто демократы. Август Бебель был прежде всего социалистом, он ни на одну минуту не упускал из виду конечную цель; главным стимулом его вдохновения был именно социализм. В его агитации всегда преобладали чисто социалистические ноты. Всегда он звал рабочие массы не довольствоваться борьбой за отдельные улучшения в рамках буржуазного общества, а — итти в бой за завоевание царства будущего. Он сам вышел из рабочей среды и ни на минуту не забывал, что какие бы частичные завоевания ни сделали рабочие, они все же остаются наемными рабами до тех пор, пока существуют наниматели и нанимаемые, эксплоататоры и эксплоатируемые.

И именно это обеспечило Бебелю наибольшую любовь и наибольшее доверие масс.

Пусть учатся на этом примере «умеренные» и «разумные» люди, уверяющие, будто для масс «конечная цель — ничто», полагающие, что широкая рабочая масса интересуется только борьбой за копейку на рубль...

Август Бебель стал героем, вождем и пророком миллионных масс именно потому, что он, как никто, облек в плоть и кровь ту солнечную социалистическую мечту, которая живет среди этих масс, которая спаивает миллионы, как лучший цемент, которая невидимо присутствует всюду, где массы рабочих обдумывают свое социальное положение, которая одна способна зажечь миллионы святой готовностью на великие жертвы в борьбе за идеал...

Всего только десять лет тому назад, в 1903 году, убеленный сединами Бебель бросил с парламентской трибуны господствующим классам:

— «Да, я смертельный враг всего нашего буржуазного общества! Да, я ненавижу тот строй, который обрекает миллионы и миллионы моих братьев рабочих на роль наемных рабов!».

Этих слов не простила Бебелю буржуазия... Но за эти слова старый Бебель стал вдвойне дорог пролетариям всего мира.

В своей страстной, непримиримой ненависти ко всему буржуазному строю Бебель больше всего походил на своего великого учителя Маркса. Так же, как и он, Бебель верил в близкое падение ненавистного строя жизни и любил «пророчествовать» о том, когда можно ждать осуществления золотой мечты о царстве будущего.

Бебель верил... Он и здесь выражал чаяния и надежды самих масс... В 1891 году на Эрфуртском съезде он при огромном энтузиазме собравшихся заявляет:

— «Я убежден, что осуществление нашей конечной цели настолько близко, что немногие из присутствующих в этой зале не доживут до этого дня».

Великий вождь рабочих сам не дожил до этого счастливого дня. Но его пламенная вера жива в миллионах рабочих, до которых дошло его вещее слово.

Буржуазия и даже некоторые «благоразумные друзья» рабочих любили скептически покачивать головами по поводу несбывшихся «пророчеств» Маркса и его «неисправимого оптимизма». И Маркс действительно несколько раз ошибался в своих предсказаниях насчет близости «начала конца».

Но Энгельс был тысячу раз прав, когда отвечал злорадствующим и скептикам: «Господа, удивительно не то, что то или иное «предсказание» Маркса не сбылось: удивительно то, что столь многие из них — сбылись».

Таким же образом мог бы ответить кое-кому и Август Бебель!..

Георг Брандес ([15]) в некрологе, посвященном Бебелю, рассказывает о встрече с ним в 1891 году. Бебель, — говорит он, — был тогда полон веры, что через 5—6 лет, максимум — в конце 19 века, неизбежно наступит крах буржуазного общества. «Я, — говорит Брандес, — выразил свое упорное сомнение на этот счет. Бебель посмотрел на меня и сказал: «Вы, пожалуй, ни во что не верите».

И Брандес, повидимому гордый тем, что не он занимался такими легкомысленными «пророчествами», свысока замечает: лошади могут обойтись без шор, для героя «шоры необходимы».

Да, далеко Марксу, Энгельсу, Бебелю до «благоразумия» всех этих очень хороших и очень трезвых людей... Странно только одно, что и в смысле прозаических, реальных завоеваний «горячие» головы, как Маркс и Бебель, оставляют по себе в тысячу раз больше, нежели самые трезвые и «практические» политики и ученые...

Бебель много служил рабочему делу и пером. Он не был таким гениальным теоретиком, как Маркс и Энгельс, он не был таким выдающимся писателем, как Каутский, но то, что он написал, долго еще будет читаться рабочим и долго еще будет заставлять учащенно биться пролетарские сердца. И это опять потому, что и в своих писаниях на первый план выступает Бебель, как социалист, Бебель, как пророк и застрельщик будущего общества. Все, написанное им просто, ясно и доступно, как кристально ясна была вся его деятельность, вся его душа, вся его жизнь. Свои сочинения он гораздо чаще посвящает чисто социалистической пропаганде, чем политическим злобам дня. «Женщина и социализм», «Христианство и социализм», «Академики и социализм» и т. п. — вот темы, которыми Бебель занимается с особенной любовью.

И то обстоятельство, что Бебель прежде всего такой законченный, цельный социалист, больше всего помогает ему в политической тактике занять верную, непримиримую, последовательно-марксистскую позицию.

Когда ревизионисты делают попытку превратить социал-демократию в партию мирных реформ, медленного шага и робкого зигзага, Бебель в Дрездене выступает против них и делает историческое заявление: Nein, es bleibt bei der Exrpropriation! (Нет, мы попрежнему воюем за экспроприацию экспроприаторов.)

До самых последних лет своей жизни, он, пробывший в течение почти 30 лет депутатом, сохраняет здоровый марксистский взгляд на относительную пользу парламентаризма.

— «Часто мы с Либкнехтом говорили, что парламент можно сравнить с придворным паркетом; как там, так и здесь, на парламентском паркете, очень многие поскользнулись», — говорит Бебель на Иенском съезде в 1905 году. И он прибавляет:

— «У иных из наших депутатов, повидимому, сложилось убеждение, что они какие-то миродержцы, своего рода высшие существа. Если бы в таком духе стали с нами разговаривать, то я сам мог бы ответить только: продолжайте бранить нас, это крайне необходимо. Товарищи, если вы, критикуя наших парламентариев, стояли настраже принципов, настраже старой революционной тактики, — что вы собственно всегда и должны сделать, — тогда вы оказали партии хорошую услугу».

В отношении к буржуазным партиям у Бебеля всегда преобладало правило: никаких сделок, никаких компромиссов!

— «Либеральная партия, — заявляет он в 1905 году в Иене, — есть в настоящее время одно воображение. Классовые противоречия с 1903 года обострились в такой резкой степени, — обострились, на этом я настаиваю, а не смягчились — что капитализм и его политический представитель, либерализм, всякий раз, когда перед ним стоит вопрос, хотя бы в самых ничтожных делах, итти ли ему рука об руку с социал-демократией или против нее — всегда идет против нее и именно из страха перед нею».

А в 1910 году в Магдебурге Бебель выразился еще резче:

— «Если я как с.-д. вхожу в блок с буржуазными партиями, то в 99 случаях из 100 в выигрыше будут не с.-д., а буржуазные партии, мы же окажемся в проигрыше».

«Это политический закон, что повсюду, где правые и левые вступают в союз, левые теряют, правые выигрывают».

«Если я вхожу в политический союз с принципиально враждебной мне партией, тогда мне приходится по необходимости приспособлять мою тактику, чтобы не разрывать союза. Я уже не смогу тогда критиковать беспощадно, не смогу бороться принципиально... я буду вынужден молчать, прикрывать многое, оправдывать... затушевывать...»

За эту непримиримость Бебеля справедливо ненавидела вся буржуазия. Она хорошо знала, что он — ее самый опасный

противник. А Бебель хорошо понимал, как она должна относиться к нему.

В редкие случаи, когда буржуазия была к нему более благосклонна, Бебель шутливо спрашивал: «они сменили гнев на милость: разве я сделал какую-нибудь глупость?». «Если мои враги боятся, осуждают мой образ действий, борются против него, то это служит для меня доказательством, что я на верном пути», — говорил Бебель в 1905 году в Иене.

И в течение всех десятилетий с.-д. деятельности Бебель остался на этой непримиримой марксистской позиции. Его преданность социализму помогала ему быть непримиримым в тактике. Его непримиримость в тактике помогала ему быть до конца социалистом. Бебель, как все великие люди, был вылит из одного куска. Всем делом своей жизни он показал пролетариату всего мира, что социализм и марксистская тактика неотделимы друг от друга, что только тот сослужит верную службу делу освобождения рабочего класса, кто соединит марксизм в теории с марксизмом на практике...

* *
*

Писать подробную биографию Бебеля значило бы, конечно, писать историю германской социал-демократии и добрую часть истории всего нового Интернационала. Это не может входить здесь в нашу задачу. Пока мы вынуждены ограничиться сказанным.

Не можем мы здесь, по независящим от нас обстоятельствам, сказать и того, что хотелось бы сказать о значении Бебеля для нас, русских, для нашего русского рабочего движения...

Что Бебель не мог отнестись безучастно к тому, что за последнее десятилетие происходило в России — ясно само собой. С восторгом говорит он на Иенском съезде в 1905 году о том, что «там, в России, бушует могучая борьба», что «там наши товарищи... мужчины и женщины жертвуют всем, ставят на карту самое дорогое для них, свою жизнь», что там «массовые стачки три — четыре раза подряд проводятся в одном и том же месте с энергией, вызывающей у всех величайшее изумление».

Рабочая Россия знала и любила своего Бебеля. После Германии — родины и главной арены деятельности Бебеля — его больше всего любили, мы уверены, в России. Об этом свидетельствуют хотя бы те отклики на смерть Бебеля, которые донеслись из России, несмотря на все препятствия. Из всех вождей международного рабочего движения фигура Бебеля была наиболее близ-

кой, наиболее родной русскому рабочему движению... Во всей своей деятельности последних десятилетий на международной арене Бебель отделял социал-демократическую Гору от соц.-дем. Жиронды. Он делал это крайне осторожно, мягко, но — делал. И, разумеется, и в этом отношении наше молодое русское рабочее движение, которое благодаря общественной обстановке с самого начала пропиталось духом последовательного марксизма, — было на стороне Бебеля.

Теперь Бебель умер. И смерть его болью отозвалась в сотнях тысяч сердец российских пролетариев.

30 с лишним лет тому назад Бебель опасно заболел, и до Маркса, жившего в изгнании, донеслась ложная весть о том, что Бебель умер. В письме к Энгельсу взволнованный и опечаленный Маркс пишет по этому поводу:

— «Это ужасно! Какое великое несчастье для нашей партии!»..

Ныне, когда Августа Бебеля действительно не стало, такие печальные слова были на устах у всего рабочего Интернационала. Каждый сознательный рабочий, где бы он ни жил и на каком бы языке ни говорил, сознавал в эти дни, какую великую потерю мы понесли. В едином чувстве глубокого траура слились передовые рабочие всех стран. Отклики на смерть Бебеля яснее всего показали, насколько международная спайка рабочих, международное братство между пролетариями всех стран стало действительно фактом.

— Август Бебель! Это имя останется в сердцах пролетариев всех стран...

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) «Август Бебель» — статья в «Просвещении», посвященная памяти вождя немецких рабочих, помещена в № 7—8 (июль — август 1913 г.).

[2]) Вильгельм Либкнехт — отец Карла Либкнехта, вынесший на своих плечах, вместе с Бебелем, борьбу против прусского милитаризма в эпоху франко-прусской войны, борьбу против исключительного закона и т. д. Вождь немецких рабочих.

[3]) Пауль Зингер — один из вождей германской с.-д., сподвижник Бебеля. Умер незадолго до войны.

[4]) Поль Лафарг — вождь французских рабочих, поддерживавший близкие отношения с Марксом, женат на его дочери, автор многих теоретических трудов и агитационных брошюр.

[5]) Готтский объединенный конгресс в 1875 г.

[6]) Съезд германской с.-д. в Швейцарии в Виденском замке в 1888 г.

[7]) Эрфуртский съезд в 1891 году.

[8]) Съезд в Сен-Галлене — в 1887 г.

[9]) Амстердамский конгресс в 1904 г.

[10]) Домела Ньювенгюйс — голландский социалист, впоследствии анархист, впервые выдвинувший идею всеобщей стачки, как метода борьбы против войны на международном социалистическом конгрессе в Цюрихе в 1893 г.

[11]) Эрве — синдикалист, редактор «La guerre sociale», на словах непримиримый революционер, на деле превратившийся в 1914 г. в ярого патриота.

[12]) Э. Бернштейн — вождь и глава немецких оппортунистов.

[13]) Дрезденский партейтаг 1903 г.

[14]) Магдебургский съезд — в 1910 г.

[15]) Георг Брандес (родился 1842 г.). Датский писатель, историк литературы и литературный критик.

АВГУСТ БЕБЕЛЬ [1].

Две недели тому назад [2] скончался величайший из современных вождей рабочего класса Август Бебель. Поклониться его праху собрались представители рабочих всех стран. На смерть Бебеля откликнулись миллионы и миллионы рабочих всего мира.

Всюду, где живет и борется рабочий класс, всюду знали и любили Бебеля. Тяжелой болью не могла не отозваться смерть Бебеля и в сердцах всех мыслящих пролетариев России.

Бебель начал, как простой рабочий, подмастерье-токарь. Уже 21-го года (Бебель родился в 1840 году) Бебель примкнул к германскому рабочему движению, но социал-демократом он становится не сразу. В течение нескольких лет своей деятельности Бебель не идет дальше либеральной, а позднее буржуазно-демократической точки зрения. Он активно работает в просветительных рабочих обществах и учится сам.

В 1868 году Бебель уже социалист, и с тех пор в течение более чем 40 лет Бебель служит верой и правдой германской и международной социал-демократии, ни на минуту не выпуская из рук рабочего знамени, ни на минуту не склоняясь под ударами тяжелого времени.

Став социалистом, Бебель прочно усваивает себе великое учение Карла Маркса. С тех пор и до самого конца своей жизни он остается убежденным, последовательным марксистом. Именно верность этому учению, в сочетании с великим личным талантом, дает Бебелю возможность стать тем, чем он стал для международного пролетариата: учителем и вождем.

В первые же годы его деятельности пролетарское население посылает его депутатом в парламент [3]. Там, будучи сначала один, а потом вместе со своим другом и соратником Вильгельмом Либкнехтом,—он с самого начала выступает крупнейшим оратором, страстным поборником свободы и политиком с мировым кругозором. Он против всей буржуазной реакции выступает защитником Парижской Коммуны. Он один протестует против франко-прусской войны. Он один в стане разъяренных врагов впервые подымает великое знамя интернационализма.

С 1878 по 1890 год германская социал-демократия переживает тяжелые времена. Правительство провело известный исключи-

тельный закон против социалистов и загнало партию германского пролетариата в подполье. Многие из интеллигенции и менее преданных рабочих бежали из партии, убоясь преследований. Появилось целое направление, которое ради легальности во что бы то ни было, проповедывало урезывание лозунгов и задач рабочих, звало к смирению и умеренности. Бебель страстно выступает против этого течения. Столь же резкий отпор дает он полуанархистскому направлению «молодых» ([4]), которые не поняли задачи момента и стали пренебрежительно отзываться о парламентской работе с.-д.

На своих плечах выносит Бебель все дело центрального руководства партией. Он и депутат, и член Ц. К., и деятель профессиональных союзов. Он и на парламентской трибуне, и на неразрешенной массовке, и на заграничном совещании с «подпольными» деятелями.

С 1890 года начинается новая эра для германской с.-д. Исключительный закон пал. Партия привлекает в свои ряды новые десятки и сотни тысяч пролетариев. Бебель — признанный руководитель. В это время (1889 г.) возрождается новый Интернационал ([5]), и Бебель становится одним из самых авторитетных его вождей.

И в Германии, и на международной арене Бебель неустанно и с громадным талантом борется за марксизм, давая отпор и правому крылу (ревизионистам), склонному к союзу с буржуазией, и мнимо-левым революционным фразерам.

Бебель прежде всего — социалист, в великом значении этого слова. Никогда его социализм не растворяется в простом демократизме. Он прежде всего помнит, что никакие частные экономические улучшения, никакие отдельные политические свободы не избавляют рабочего от положения наемного раба. — «Я смертельный враг всего буржуазного строя», — кинул Бебель всей буржуазии с парламентской трибуны в 1903 году. Он остался им до конца своих дней. Он был и остался провозвестником и пророком будущего нового общества, где не будет ни богатых, ни бедных, ни эксплоатируемых, ни эксплоататоров.

Всю свою жизнь он боролся за самостоятельную марксистскую тактику рабочего класса. Никаких сделок с буржуазией! «Если мы вступаем в союз с либералами, в 99 случаях из 100 выиграет буржуазия и проиграют рабочие», — сказал он в 1910 году. Эти золотые слова никогда не забудутся сознательными рабочими..

Великое дело всей жизни Бебеля есть дело марксизма. Миллионы пролетарских сердец потянулись к Бебелю именно как к великому марксисту. Русские рабочие не имели счастья никогда видеть Бебеля у себя в России, но Бебель душою всегда был с ними в их освободительной борьбе. Они любили Августа Бебеля так же горячо, как любили его германские пролетарии. Бебель принадлежал всему международному рабочему движению...

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) «Август Бебель»—статья из № 2 «Наш Путь» от 27 августа 1913 г.

[2]) Родился 22 февраля 1840 г.—умер 13 августа 1913 года.

[3]) В 1867 г. был избран от Саксонии в учредительный рейхстаг, потом в северо-германский рейхстаг; с 1882 года до смерти состоял членом рейхстага от гор. Гамбурга.

[4]) Группа «молодых» в немецком социал-демократическом движении под влиянием реакции и репрессий стала отрицать всякое значение парламентаризма, не понимая того, что парламент в условиях тогдашнего времени был трибуной, которой должен был пользоваться рабочий класс в борьбе с реакцией и исключительным законом. Бебель доказывал, что парламент не самоцель, но должен быть использован.

[5]) Для тогдашних условий это был огромный шаг вперед, так как таким образом сплачивались полулегальные с.-д. организации и получали общий центр.

АВГУСТ БЕБЕЛЬ В ЭПОХУ «ПОДПОЛЬЯ» (1).

Период 1878—1889 г.г. представляет собою глубоко поучительную эпоху в жизни германской социал-демократии. Нельзя не пожалеть, что эта эпоха до сих пор так мало освещена в русской марксистской печати. Германское рабочее движение дает нам пример не только того, как надо действовать в «нормальные», «органические» эпохи. Оно указует также путь для переходных эпох, для такого времени, когда рабочая партия не может существовать открыто и вынуждена обретаться в «подпольи».

1878—1889 г.г. это — годы исключительного закона против социалистов. Бисмарку удалось мобилизовать против социал-демократии не только юнкерско-помещичью Германию, но и добрую часть буржуазной Германии. Когда 19 октября 1878 года рейхстаг поставил на окончательное голосование текст исключительного закона, из 370 присутствующих депутатов 221 голосовали за и лишь 149 против *), при чем среди голосовавших за была очень значительная часть либералов. Наступившая реакция охватила очень широкие круги.

Против «красного призрака» социализма неистовствовали — по крайней мере, вначале — не только юнкера, но и буржуазия. Это была не только феодальная реакция, нет — это была феодально-буржуазная реакция.

У с.-д. партии отнята была возможность открытого существования. Исключительный закон дал право преследовать каждого социал-демократа, как «государственного изменника». Открытая печать германской социал-демократии была задушена. Преследования обрушились не только на с.-д. партию, но на все вообще германское рабочее движение. Классовые профессиональные союзы, например, разделили ту же участь, что и партийная с.-д. организация. Это была попытка загнать рабочее движение на либеральный путь: одной рукой душили с.-д. профессиональные союзы, другой рукой поощряли Гирш-Дункеровские (буржуазно-либеральные) профессиональные союзы.

*) См. И. Ауэр « Nach zehn Jahren», стр. 82. Ауэр высчитывает, что если бы из всех либералов хотя бы только 26 национал-либералов отказались поддержать исключительный закон, он неминуемо провалился бы.

За один 1878—79 год закрыто было 217 рабочих союзов и обществ, 5 рабочих касс и 127 периодических изданий *). А приблизительные итоги репрессий за все время исключительного закона таковы: 1600 лет тюрьмы, 900 человек высланных, закрытие 352 союзов, запрещение 1229 периодических и непериодических изданий **).

Вот об этой-то тяжелой и вместе с тем героической эпохе подробно рассказывает Авг. Бебель в только что вышедшем 3-м томе его воспоминаний ***), написанном незадолго до его смерти. Будем надеяться, что эта глубоко интересная книга скоро появится на русском языке и тогда ее прочтут все сознательные участники русского рабочего движения. В настоящих строках мы лишь бегло остановимся на эпохе исключительного закона и той роли, которую сыграл в движении этих лет покойный Август Бебель.

* *

Первым движением партии после того как прошла растерянность, вызванная силой удара, было — во что бы то ни было остаться с массами, не прекращать с.-д. агитации на злобы дня, не дать оторвать партию от повседневной политической жизни. Для этого незаменимым средством была прежде всего агитация с парламентской трибуны. В момент издания исключительного закона партия имела в рейхстаге 9 депутатов, и в их числе были такие первоклассные силы, как Бебель, Либкнехт, Браке (²). При таких обстоятельствах парламентская трибуна могла быть превосходно использована. Кроме того, большое внимание было обращено на использование всех других «легальных возможностей». Несмотря на все репрессии, партия стремилась создавать союзы, стачечные комиссии, рабочие школы, читальни, рабочие общества избирателей и целый ряд других всевозможных обществ — вплоть до певческих, гимнастических, обществ велосипедистов и т. п.

Но главная партийная работа производилась в «подпольи», и весь состав партийной организации тоже был «подпольный». Из «подполья» направлялась вся работа и в «надполье». Взять,

*) М. Шиппель — «Reichstags-Handbuch», стр. 1040.

**) Там же, 1050. Разумеется, эти цифры кажутся детской игрушкой по сравнению с теми репрессиями, которые приходится претерпевать русскому рабочему движению. Но сами по себе эти цифры — громадны.

***) «Aus meinem Leben», 3 Teil, изд. Дитца.

например, такую основную отрасль партийной деятельности, как собрания. Как происходили они? В очень редких случаях с.-д. депутатам удавалось устраивать открытые собрания. Как правило, этих собраний не разрешали, «неприкосновенность» депутатов была такова, что и на время каникул их бесцеремонно высылали из Берлина, а Бисмарк делал даже попытку лишить с.-д. депутатов свободы слова и в стенах рейхстага. Дело доходило до того, что полицейское начальство различных городов соревновало между собой насчет того, кто разгонит и не разрешит большее количество собраний. Иные начальники прямо заявляли: пока я на посту, Бебель и Либкнехт на собраниях не выступят.

— «Но,—рассказывает Бебель в своих воспоминаниях,—наряду с публичными собраниями происходило бесчисленное множество тайных собраний. Эти последние были самыми важными. (Курсив наш.) Все партийные руководители участвовали на этих собраниях... Различные уединенные места, лес, поля, укромные ущелья и каменоломни — были самыми желанными местами для собраний. Я, например, не имел никакой возможности дать отчет гамбургским товарищам о моей парламентской работе иначе, как в таких собраниях *)». Тот же автор рассказывает о первых месяцах исключительного закона, что — «понадобилось множество тайных собраний и совещаний, чтобы ободрить упавших духом и сплотить их для новой деятельности **).»

И так шло дело не только в первые годы исключительного закона. Чем больше вновь крепло рабочее движение, тем чаще и многолюднее были «подпольные» рабочие собрания.

Нам случилось, например, перелистать нелегальный орган германской партии «Социал-Демократ» (издавался в Цюрихе, а затем в Лондоне) за 1885 и 1886 годы. Газета пестрит сообщениями о таких тайных собраниях.

— «Саксония. При хорошей погоде недавно заседала в... долине наша окружная с.-д. конференция. Присутствовало 15 человек», — читаем мы в одном номере указанного органа ***).

— «Магдебург. Несколько дней тому назад состоялось большое совещание, на котором было 50 представителей из 7 округов. Присутствовали также 2 депутата рейхстага. Времени и места собра-

---

*) «Воспоминания», т. III, стр. 125—126.

**) Там же, стр. 24.

***) «Soc.-Dem.» 1885, № 23.

ния мы, конечно, не можем указать. Скажем только к сведению нашей почтенной полиции: мы беспрепятственно заседали целый день» *).

— «Штееле. Состоялось совещание-прогулка (Ausflug). Присутствовали товарищи из 18 пунктов. Полиция рыщет». (Там же, № 32.)

— «Состоялся ряд манифестаций по поводу годовщины смерти Лассаля (³)», — читаем мы в № 36.

— «Девятый Саксонский округ. Состоялось большое собрание в одной из долин. Были знамена», — сообщается в № 41.

— «Веймар. На последнем собрании членов партии Веймара и Апольды принята такая-то резолюция» (№ 52).

— «Мангейм. Состоялись летучие собрания по 70-80 человек. Были депутаты Б. и Д. (т.-е. Бебель и Дреесбах)», — читаем мы в «Социал-Демократе» за 1886 год (№ 6).

— «Котбус. (Провинция Бранденбург.) На рождественских собраниях здесь состоялись нелегальные собрания товарищей — в лесу.» («S.-D.» № 7.)

— «Баденский Оберланд. 27 апреля 1886 года большое собрание рабочих приняло единогласно резолюцию, в которой оно присоединяется к программе с.-д. партии» (№ 22).

Так обстояло дело с собраниями.

Возьмем другую основную отрасль работы: печать. С ней дело обстоит таким же образом. Легальные газеты почти совсем не могли существовать. А если существовали, то были крайне бледны, не могли и заикаться о социал-демократии и не имели возможности даже призвать голосовать за с.-д. кандидата на парламентских выборах.

После некоторых колебаний руководители партии решают поставить за пределами Германии подпольный орган. Выше мы упоминали уже газету «Социал-Демократ». Бебель и Либкнехт больше всех настаивали на том, чтоб орган этот был основан, и они без большого труда победили сопротивление тех, кто хотел выжидать и кто был настроен по-легалистски. Маркс и Энгельс с самого начала энергично поддерживали план постановки такого органа.

Газета скоро была поставлена и в ней сосредоточены все партийные с.-д. литературные силы. Отдельные литераторы

*) «Soc.-Dem.», 1885 г., № 24.

пробуют сотрудничать в буржуазной печати. Бебель выступает против этого обычая. «В немецкие газеты теперь (буржуазные) могут получить доступ только такие мнения, которые терпит существующая власть и которые ей более или менее полезны», — читаем мы в письме Бебеля, напечатанном в «Социал-Демократе» (1885 г. № 21).

«Социал-Демократ» вскоре приобретает 4.000 постоянных подписчиков. В последующие годы он достигает даже 10.000 — к великой радости Энгельса, который пишет Бебелю, что это первый случай в истории нелегальной литературы, когда рабочие сами окупают свой «подпольный» орган.

На организацию нелегальной доставки органа в Германию партия отдает лучшие силы. Из последней книги воспоминаний Бебеля оказывается, что и он сам принимал деятельное участие в организации этого дела. Бебель напечатал в воспоминаниях ряд своих писем к «красному почтмейстеру» Юлиусу Мотеллеру. В этих письмах Бебель каждый раз сообщает новые адреса для посылок нелегального органа в Германию, дает советы, указания и т. п. В деле транспортировки проявлялись чудеса изобретательности. «Однажды, — рассказывает Бебель, — большой транспорт «Социал-Демократа» мы ухитрились доставить в трюме того парохода, на котором возвращался из плавания император Вильгельм»... Впоследствии стало удаваться перепечатывать «С.-Д.» внутри Германии. Из Цюриха присылались матрицы, с которых в каком нибудь германском городе воспроизводилась газета. И каждый раз Бебель принимал в этом деятельнейшее участие.

Кроме еженедельного «Социал-Демократа» издавались нелегальные воззвания. В своем сочинении о рабочем движении в Берлине Эд. Бернштейн приводит нумерацию нелегальных листков, изданных соц.-дем. организацией Берлина в годы исключительного закона. Цифра достигает — 200 *).

В «Социал-Демократе» мы тоже сплошь и рядом встречаем такие, например, известия:

— «Изерлон. В ночь с 29 на 30 и с 30 на 31 августа мы распространили в Альтен-Изерлоне листок под заглавием: «Подумайте, граждане» **).

---

*) Эд. Бернштейн. «Рабочее движение в Берлине», т. II.

**) «Soc.-Dem.», 1885 г., № 42.

— «Криммичау. Сегодня мы распространили прилагаемый листок. Для удобства мы придали ему внешнюю форму нашей местной буржуазной газетки». («S.-D.», 1886 г. № 8.)

Избирательные воззвания тоже должны были печататься нелегально. И то же самое было даже с избирательными бюллетенями. Бебель рассказывает, какие невероятные препятствия приходилось ему преодолевать, чтобы как-нибудь тайно печатать бюллетень с его именем. При этом — штрафовались типографии, арестовывались распространители и т. д.

Пред изданием исключительного закона партия имела 42 газеты, а профессиональные союзы 14 профессиональных органов. И вот теперь все это пришлось заменить нелегальной литературой. Нелегкая это была задача. Это легко себе представить. Но германская с.-д. справилась с ней. И немедленно после падения исключительного закона поставила целых 60 газет и 41 профессиональный орган *).

Уже при первом обсуждении исключительного закона в рейхстаге Авг. Бебель заявил, что, отнимая у рабочих свободу легальной печати, правительство добьется того, что «распространение запрещенной литературы примет такие размеры, которых мы не знали до сих пор» («Воспоминания», стр. 4). Жизнь показала, что эти слова не были в устах Бебеля пустой угрозой...

Так обстояло дело с собраниями и с прессой. Нам остается теперь присмотреться к тому, каково было строение самой партийной организации.

Выдающимся образцом была с.-д. организация города Берлина. Высшим органом ее служило учреждение, именовавшееся «corpora» (корпус, организм). Оно состояло из делегатов от каждого округа или района. В важных случаях состав «corpora» достигал 300 человек и выше. Регулярный состав был 80 человек. Все это существовало, разумеется, нелегально. Исполнительным органом был «Берлинский Центральный С.-Д. Комитет», состоявший из 6—10 лиц делегатов от доверенных лиц («die Innere»).

Аппарат действовал так великолепно, что в какой-нибудь час распространялось по всему городу 150 тыс. нелегальных листков **).

О таких же приблизительно собраниях рассказывает Бебель относительно Гамбурга и других крупных центров. В меньших

*) Меринг, «История», т. IV, 347.

**) Подробное описание см. у Бернштейна, т. II, стр. 258 и др., нем. изд.

центрах организация была менее оформлена. Вообще Копенгагенский съезд партии разрешил местным организациям, в виду трудности внешних условий, автономно выбирать те формы организации, которые больше соответствуют местным условиям *).

Роль Центрального Комитета фактически выполняла парламентская фракция, которая для этой цели кооптировала в свой состав работников не-депутатов. Такая исключительная роль фракции сделалась возможной только благодаря тому, что во фракции сидели действительные руководители партии — Бебель, Либкнехт, Ауэр, позднее Зингер и друг.

Как-никак в Германии существовало всеобщее избирательное право при выборах в рейхстаг. О таких «разъяснениях» кандидатов, какие практикуются в России, не было и речи. С.-д. кандидаты не теряли избирательных прав, даже при высылках и арестах. Почти все главные практические руководители партии могли жить в самой Германии и баллотироваться в рейхстаг. В тех округах, которые партия завоевывала, ей в общем и целом удавалось провести тех депутатов, которых хотела партия.

Местные организации связаны были с партийным центром при посредстве сети доверенных лиц (Vertrauensleute). Верховными органами партии были нелегальные съезды, происходившие за пределами Германии. Таких съездов состоялось три: в Виденском замке (Швейцария) в 1881 г., в Копенгагене (1883 г.) и Ст.-Галлене (1887 г.).

Между съездами происходили довольно частые совещания. Редкие парламентские каникулы обходились без совещания в Цюрихе или вообще за границей Германии. Бебель почти всегда присутствует на этих совещаниях.

В своих воспоминаниях Бебель замечает, что он был против **) слишком большой централизации и против слишком большого

*) См. проток. Копенг. съезда, стр. 24.

**) За этот взгляд Бебеля уже давно цепляются русские ликвидаторы, чтобы «показать», будто и Бебель стоял против «подполья», т.-е. был ликвидатором. Это — вздорное утверждение. Бебель фактически был главным деятелем тогдашнего подполья. Спор о степени оформления подпольной организации на всю страну, о пределах автономии, необходимых для местных организаций в такую исключительную эпоху, — ничего общего не имеет с отрицанием самого «подполья», как главной базы партийной работы. Очень может быть, что с точки зрения целесообразности Бебель был прав в указанном споре. Но что имеет это общего с ликвидаторским отрицанием самого подполья и пресловутой «борьбой за легальность»?

оформления тайной организации на всю страну. Но были и противники взглядов Бебеля в этом вопросе. Во всяком случае спор шел не о самом «подполье», а лишь о некоторых подробностях в постройке «подпольной» партии. Фактически существовала и централизация — через поверенных лиц и тайная организация на всю страну.

— «Партийная организация восстановлена, что могло быть сделано только тайным путем»,—пишет в 1880 году К. Маркс к Зорге, со слов посетившего его В. Либкнехта. (Письмо к Зорге, стр. 190, русское изд.)

В таких формах существовало германское «подполье» в годы исключительного закона. И Август Бебель играл в нем самую выдающуюся роль, как организатор, политический вождь, публицист и оратор.

* *

Не надо думать, что переход партии на новые, «подпольные» рельсы обошелся без всяких трений, что внутри и около партии не оказалось фетишистов легализма и людей с мелко-буржуазными устремлениями. Нет, такие элементы были и среди с.-д. депутатов (Фирек — например), и среди литераторов. Из числа последних наделали много шуму своим выступлением Хехберг, Шрамм и Бернштейн. После принятия исключительного закона они в июле в 1879 году в одном ежегоднике поместили коллективную статью за подписью *** (отсюда впоследствии ироническое прозвище: Трехзвездие) под заглавием «Ретроспективный взгляд на социалистическое движение. Критические афоризмы».

Это был своего рода манифест тогдашних германских ликвидаторов. Содержание этого манифеста Бебель излагает следующим образом. Партия упрекается в том, что она враждебно относилась к буржуазной демократии и к интеллигенции. Этим партия-де оттолкнула ценных союзников, пропустила случай приобрести людей науки и знания... «Партия односторонне выступала, как рабочая партия, и поэтому она должна была довольствоваться умственными продуктами немногих людей... Люди эти писали и говорили только для рабочих, и поэтому перенесли тон народных собраний в литературу, стремясь друг друга превзойти в крепких выражениях... Стиль делает человека... Правду говоря, пример вождей действовал деморализующе». Дело доходило до того, — рассказывает Бебель, — что партии говорили: господа, вы соб-

ственно заслужили исключительный закон, битву 31 октября 1878 г. (последнее голосование закона в рейхстаге) вы потеряли не без собственной вины... Социалистические идеи «внедрятся в образованном обществе», — доказывало ликвидаторское Трехзвездие: «Выступление пасторов Штекера и Тодта и даже отношение князя Бисмарка к таким, правда, не социал-демократически, но решительно социалистически настроенными людям, как тайный советник Вегенер и Лотар Бухер, — показывают с несомненностью, что новая истина неудержимо завоевывает умы». (Бебель, «Воспоминания», т. III, ст. 58 — 59.)

Как только манифест этот появился, первыми забили тревогу Маркс и Энгельс. Они составили официальный протест против него и разослали его всем с.-д. депутатам и вообще влиятельным членам партии. И так как указанное «трио» имело тогда отношение к «Социал-Демократу», то Маркс и Энгельс временно отказались даже от сотрудничества в этом партийном органе.

С.-д. фракция ответила Марксу и Энгельсу успокоительным письмом. Кроме того, Бебель от себя написал Энгельсу. Он признает, что в статье Трехзвездия содержится мелко-буржуазная тенденция. Но он уверяет Энгельса, что эти идеи не имеют ни малейшего влияния в партийных кругах. Роль Хехберга в «Социал-Демократе» Энгельс преувеличивает. Хехберг просто хороший человек, который желает материально поддержать партию в трудный момент, но он и сам не претендует ни на какое политическое влияние.

Но Энгельс, как видно из его ответа Бебелю, отнюдь не склонен был смотреть так оптимистически...

Совсем на-днях Эд. Бернштейн, полемизируя против одной из статей в «Worwärts'е», уверял, что и самая статья Трехзвездия (Эд. Бернштейн был сам одной из этих трех «звезд») носила совершенно невинный характер, и самое большее, в чем можно ее упрекнуть, это — в некоторых неудачных выражениях.

История, однако, показала, что правы были именно Маркс и Энгельс в их «гонениях» против идей Хехберга и К°. И в своих воспоминаниях Бебель теперь вполне признает это.

Маркс и Энгельс в течение первых критических годов исключительного закона особенно тщательно следили за идейными течениями в германском рабочем движении. В общем и целом у них с Бебелем была полная идейная солидарность. Ни о ком они, вообще очень скупые на похвалу, не отзывались так похвально,

как о Бебеле. Но и Бебелю приходилось получать от них не одну «головомойку». И почти всегда — только за то, что тот, с головой ушедший в практическую работу, не всегда своевременно давал достаточный отпор литературным вылазкам оппортунистов.

Так, в одном из писем к Бебелю (от 16 декабря 1879 г.) Энгельс пишет:

— «В № 10 «Социал-Демократа» напечатаны «Исторические параллели», которые наверно принадлежат перу одной из трех «звезд». Там говорится: для социал-демократии только почетно сравнение с беллетристами, как Гуцков и Лаубе, — т.-е. с людьми, которые еще задолго до 1848 г. похоронили последние остатки политической стойкости, если они только вообще имели ее когда-либо. Далее читаем: «События 1848 года должны были прийти либо в сопровождении всех благ мирного развития, если бы правительство поняло дух времени, либо — раз правительство этого не поняло — к сожалению, не оставалось другого пути кроме пути насильственной революции».

И Энгельс, полный справедливого негодования по поводу этих филистерских слов, добавляет:

— «В газете, в которой разрешено буквально оплакивать революцию 1848 года, которая одна только расчистила путь для социал-демократии, в такой газете нет места для нас. Из этой статьи, как и из письма Хехберга, ясно, что Трехзвездие претендует на то, чтобы их мелко-буржуазные взгляды, высказанные впервые в «Ежегоднике», пользовались в «Социал-Демократе» таким же равноправием, как пролетарские взгляды... Вы признаете еще этих господ за товарищей. Мы (т.-е. Энгельс и Маркс) не можем этого делать» (стр. 83 — 84 «Воспоминаний»).

Бебель очень чутко прислушивался к критике, шедшей от Энгельса и Маркса. Иногда он, правда, жаловался на «чрезмерные придирки стариков» (письмо к Фольмару). Но из писем, которые Бебель слал после Энгельсовской критики в цюрихскую редакцию «С.-Д.», видно, — что идейно он солидаризировался именно со «стариками». — «В вопросе о ведении газеты я советую самый решительный тон; настроение наших людей становится все более левым», — пишет Бебель редакции в письме от 30 ноября (стр. 86). С содержанием писем Энгельса о парламентской тактике (читатель «Просвещения» знаком уже с этими письмами) *) Бебель

*) См. «Просвещение» № 2, 1914 г.

в конце концов тоже солидаризируется, хотя критика касалась и самого Бебеля. А когда с.-д. парламентская фракция сочла возможным однажды из оппортунистических соображений с трибуны отречься от «Социал-Демократа», опять таки Бебель (который как раз потерял мандат и не был депутатом) оказывает самое настойчивое давление на фракцию, чтобы заставить ее исправить оппортунистическую ошибку.

Энгельс и Маркс все время старались подвинуть газету «Социал-Демократ» налево. Интересен следующий инцидент. В №№ 34 и 35 «Социал-Демократа» появились две неподписанных статьи, в которых, между прочим, говорилось:

— «Скажем открыто и смело нашим врагам: да, мы «опасны для государства», ибо мы хотим вас уничтожить. Да, мы враги вашей собственности, вашего брака, вашей религии и всего вашего порядка! Да, мы революционеры и коммунисты! Да, на насилие мы ответим насилием же! Да, мы твердо верим в скорый переворот и освобождение, мы надеемся на это и готовимся к этому при помощи тайной организации, агитации и вообще всех тех средств, которые вы нам запрещаете, но которые нам кажутся ведущими к цели»...

Статьи эти очень понравились Энгельсу. Предполагая, что они написаны Бебелем, он выразил свое удовольствие по поводу них. Но статьи на самом деле были написаны Фольмаром (теперь ревизионист, а тогда левый с.-д.). Бебель пишет об этом Энгельсу. Статьи действительно написаны хорошо. Но помещение их — ошибка, и он, Бебель, выступит против них. Главный мотив: если в таком тоне писать, мы скоро получим по 5—10 лет тюрьмы. «Вы там заграницей не видите, как приходится здесь «лавировать» (стр. 233), чтобы как-нибудь не дать слишком много материала суду».

Но в то же время Бебель пишет большое письмо Ауэру, направляя свои стрелы против умеренных.

— «Разногласие не в том, наступит ли через 5 лет революция... Разногласие — во всем понимании движения, как классового движения с великими мировыми задачами, которое не может итти ни на какие компромиссы с господствующим обществом. Если бы оно это сделало, оно просто погибло бы и потом возродилось бы вновь, освобожденное от прежних вождей (226).

Легализму и оппортунизму Бебель не давал пощады. Когда собрался I съезд партии во время исключительного закона

(в Виденском замке), было постановлено вычеркнуть слово «законными» из фразы: партия добивается своих целей всеми **законными** средствами. Предложение,—рассказывает Бебель,—сделал Шлютер. После краткой дискуссии оно было принято единогласно. Решено отныне добиваться своих целей «**всеми** средствами»... Как далеко это от — «лозунгов» русского ликвидаторства, которое именно в ответ на разгул контр-революции не нашло ничего лучшего, как провозгласить... «борьбу за легальность»...

И столь же решительно партия боролась против ликвидаторства «**слева**»: спачала против анархистских уклонений Моста и Гассельмана, а впоследствии против анархистско-«отзовистских» тенденций так называемых «молодых». Эти последние (Вернер Вилле, Ауэрбах, Ганс Мюллер, Вильдбергер и друг.) пробовали организовать полу-анархистскую фракцию. Они утверждали, что благодаря парламентаризму партия стала не революционной. Ганс Мюллер выпустил об этом целую книжку под заглавием «Классовая борьба **внутри** социал-демократии».

«Молодые» пробовали примазаться к той критике оппортунизма, которую давал Энгельс. «Мы, — уверяли они, — во всем согласны с Энгельсом и потому... потому мы отрицаем участие с.-д. в парламенте». Энгельс жестоко высмеял эту мнимую солидарность с ним «молодых». «Вы похожи лишь на того Энгельса, которого вы сами выдумали»,—писал он им. И он, разумеется, целиком поддержал Бебеля в его борьбе против «молодых».

Так, в выработке политической линии, в борьбе против засорения движения анархистскими и оппортунистическими тенденциями, в очищении пролетарской борьбы от двух «уклонений» от с.-д. пути — Бебель все время шел рука об руку с Марксом и Энгельсом. Особенно благодарные чувства за ценную помощь в эту тяжелую эпоху остались у Бебеля к Фр. Энгельсу. «Когда он в 1895 году умер, — пишет Бебель, — у меня осталось такое чувство, как будто умерла часть моего собственного я. И это чувство было не у одного меня».

Без всякого преувеличения можно сказать, что то здоровое сопротивление мелко-буржуазному оппортунизму, которое и сейчас отличает добрую часть германской социал-демократии, — воспитано именно в эту историческую эпоху германского «подполья». И колоссальная заслуга в этом принадлежала Марксу и Энгельсу. Их критика могла иногда казаться слишком резкой, «режим», ими установленный, — слишком суровым. Ведь даже Бебель говорил

о «придирках» с их стороны. Но исторически именно в такую переходную эпоху, когда распад и разложение неизбежны, принципиальная непримиримость более чем когда-нибудь была у места.

Лет 5 тому назад, когда в лагере русского марксизма особенно усиленно шел процесс переоценки ценностей, ощупывания пути и поисков соответствующих форм работы,—мы, марксисты, сказали, что в такую эпоху мы должны научиться «говорить по-немецки». При этом имелся в виду именно тот немецкий путь, который мы только что кратко обозрели.

Между нашим положением и эпохой исключительного закона в Германии — много важнейших черт отличия. Это несомненно. Там как-никак, хотя бы и на Бисмарковский лад, задачи буржуазного переворота были разрешены. У нас — ничего этого нет. Россия идет навстречу «неурезанному» пути. И это создает для русского рабочего движения целый ряд иных задач. Ему еще больше нужно подчеркивать то, к чему звал немецких рабочих в годы германского «подполья» Фр. Энгельс.

Но значительные черты сходства все же налицо. Нам есть чему поучиться у тогдашнего немецкого движения.

Не следует только забывать того, что в самом тогдашнем немецком движении были две тенденции: одну защищали теоретически Энгельс и Маркс и проводили практически Бебель и Либкнехт, другая представлена была Хехбергами, Шраммами, Фиреками, отчасти Бернштейном и иными. И вот, когда мы проповедуем «разговор по-немецки», мы должны всегда помнить об этих двух тенденциях. Наши ликвидаторы тоже претендуют на немецкое наследство. Но мы давно уже заметили им: есть «два немецких языка». На одном — очень хорошем немецком языке говорили Маркс, Энгельс, Бебель, Либкнехт. На другом — очень плохом немецком языке говорили те, кто колебался к мещанскому легализму. Вы, господа, повидимому, находите, что уже если говорить по-немецки, — то непременно на очень плохом немецком языке... Тут-то нам как раз с вами и не по дороге...

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) «Август Бебель в эпоху подполья» — статья из № 3 «Просвещения» за март 1914 г.

[2]) Браке — член парламента, с.-д., автор многих агитационных брошюр и в том числе «Долой Социал-Демократию», в которой изложены основные принципы программы с.-д.

АВГУСТ БЕБЕЛЬ И НАРОДНИКИ (1).

Среди господ народников издавна считается признаком хорошего тона пренебрежительное отношение к германской социал-демократии. Она и недостаточно революционна, она и проникнута мещанством, она и бессильна, и плоха, и чужда высоких идеалов, и бесцветна, и буржуазна, и гниет на корню. Одним словом, далеко германской социал-демократии до наших русских «левых» народников...

В этой изумительной оценке германской социал-демократии сходится все народничество, от правых до самых «крайних» левых. Возьмите господ «народных социалистов» (2), отказавшихся даже от простого демократизма во имя того, чтобы при Столыпине построить легальную, якобы социалистическую партию. Их справедливо прозвали социал-кадетами. Эти социал-кадеты всегда считают своим долгом свысока третировать германскую социал-демократию, как партию, которой чужда истинная революционность, как партию слишком умеренную и т. п. Любая народническая статья в «Русском Богатстве» (3), посвященная германской социал-демократии, всегда написана именно с указанной точки зрения (см., например, статьи г-на Русанова). Точно так же оценивают германскую с.-д. партию господа «левые» народники с Черновым во главе.

Естественно, и почившему великому вождю германской социал-демократии Августу Бебелю тоже не повезло во мнении русских народнических писателей. Ведь Бебель был живым воплощением германской социал-демократии. То, что говорится о ней, то можно и должно сказать о нем.

Идеалом с точки зрения левых народников является французский социалист правого крыла—Жорес. Бебель не был и не мог быть героем народнического романа. С тех пор как «левые» народники примкнули к рабочему Интернационалу, они на международной арене и всегда и неизменно поддерживают жоресистов (т. е. оппортунистическое мелко-буржуазное течение во французском социализме, предводимое Жоресом). Жоресисты насквозь проникнуты мелко-буржуазными предрассудками; они наименее пролетарская часть французской партии. Вчера они проповедывали участие социалистов в буржуазных министерствах, расстреливавших рабочих. Сегодня они под давлением рабочих и французских

большевиков (гэдистов) должны были от этого отказаться. Сейчас они отвергают марксизм, и затем они не хотят знать ничего, кроме парламента и парламентских комбинаций, верят в возможность сотрудничества с буржуазией — одним словом, они крайне плохие социалисты. Именно поэтому они и нравятся «левым» народникам. Как же, ведь и жоресисты не поскупятся на крикливо-«революционную» фразу, ведь и жоресисты враги марксизма, не прочь против марксистов соединиться с синдикалистами, ведь и жоресисты так любят туманные фразы о «трудовом народе», ведь и они не любят «узкой» точки зрения пролетариата.

Бебелю и германской социал-демократии — с точки зрения народников — не хватает как раз того, что в таком избытке имеется у Жореса и мелко-буржуазных жоресистов. Ведь за это-то и «критикуют» Бебеля господа «левые» народники.

Наш читатель знает уже, как неблагосклонно отозвался о Бебеле в петербургской народнической газете «Живая Мысль» (4) социал-кадет г. Русанов. Ныне с еще более наблагосклонной оценкой выступил в только что вышедшей книжке народнического журнала «Заветы» (5) «левый» народник г. С. Мстиславский.

Послушаем, что говорит этот народник о Бебеле и о германской социал-демократии:

— Бебель «выступает не как вождь людей, ищущих нового мира, будущего государства»; если Бебель начал свою жизнь, как вождь хотя и немногочисленной, но небезопасной армии, то он кончил ее во главе миллионной, но ничем не грозящей старому миру организации... Гигантское движение германского пролетариата, от году в год, все определеннее отдаляется от «будущего» мира... Глубочайший, трагический, сказал бы я, урок угасшей жизни А. Бебеля в том, что гигантская работа покойного рабочего вождя, вместо создания того мира, к которому, как он верил, он шел вместе с рабочим классом, шаг за шагом подводила к слиянию этого класса с тем миром, «смертельным врагом» которого он был. Ибо, создав форму, он не нашел вокруг себя того духа, который должен был оживить эту мощную форму».

Итак—германская социал-демократия (6) «сливается» с буржуазией. Она стала безопасна для старого мира. Жизнь Бебеля была трагедией! Удивительно ли, что после этаких глубокомысленных «теорий» г. «левый» народник сходится с черносотенцами и либералами в оценке тех же явлений? Черным по белому пишет дальше г. Мстиславский следующие слова:

— «Нельзя не признать, что... прав «Le Temps» (орган французской буржуазии), с горечью ставящий в пример французским социалистам... «реальную политику» германской с.-д., поддержавшей своим парламентским голосованием... новый сабельный взмах кайзера; что права, наконец, даже наша «Земщина» (7), философически замечающая по поводу Иенского (8) съезда, что «заграничные с.-д. положительно отрезвляются»... Невольно кажется, что не так далек от истины г. П. Струве (9), в надгробном слове своем Бебелю отметивший, в особую похвалу германской с.-д., ее непосредственное преемство «культуры старинного германского ремесла с его любовью к труду, порядку и вольностям — с его грубоватостью и в то же время размеренностью», слагающее ее, как «нечто старое и почтенное, непогасимо-буржуазное». (Все выписки взяты из № 9 «Заветы», 1913 г. стр. 172 — 181.)

Поздравляем господ левых народников! В своей оценке Бебеля и германских с.-д. они сошлись с черносотенной «Земщиной», французской буржуазией и контр-революционнейшим из русских либералов г. П. Струве... Небольшая, но теплая компания!..

Мы не можем здесь подробнее разбирать статью г. Мстиславского. Статья эта очень невежественна. Автор не знает элементарных событий из истории германской с.-д., о которой берется говорить. Он беспомощно путается в противоречиях и спасается словесными, чисто интеллигентскими вывертами. Но при всем том народническое отношение к германской с.-д. и Бебелю в ней выражено ясно и откровенно. Как курьез отметим только, чем именно г. «левый» народник объясняет «трагедию» бедного Августа Бебеля. Вся беда, оказывается, в том, что Бебель исповедывал «догмат»: не сознание определяет бытие, а бытие определяет сознание. «По силе этого,—говорит глубокомысленный г. Мстиславский, — Бебель думал, что социалистическое сознание придет механически, само собой... Вторая беда Бебеля в том, что он не обращал должного внимания на этику и психологию. Моральное сознание громадного большинства — едва ли не всех — инстинктивно (!)-последовательных социалистов, каким был Бебель, до сих пор лишено той твердой собственной опоры, которую чувствуют они под собой в вопросах экономической теории» (там же, стр. 178).

Бедный, бедный Бебель! Как далеко ему до г. г. Чернова, Ропшина (10) и Мстиславского!..

Так оценивают «левые» народники Бебеля и самую сильную во всем мире рабочую партию — германскую социал-демократию!..

Мы знаем, конечно, что в германской соц.-дем. есть и теневые стороны. У нее есть гнилой ломоть — ревизионисты ([11]), германские ликвидаторы, сторонники «теории» Бернштейна, проповедующие, что революция «бессмысленна», что нужен братский союз с буржуазией, что социалисты должны участвовать не только в министерствах, но и поставить из своих рядов имперского канцлера (см. нашу статью о ревизионистах в № 9 «Просвещения» за 1913 год). Отрезать этот гнилой ломоть необходимо. Однако, господа народники-то борются не против ревизионизма. Всю дребедень, выдвинутую Бернштейном, Давидом и другими ревизионистами против марксизма, Чернов и К. встретили с восторгом. Русские народники почти во всем важном сходятся, именно, с ревизионистами. Их борьба против германской соц.-демократии есть борьба против марксистской ее основы.

Так было, так будет... Интеллигентские мелко-буржуазные группы всегда совмещают внешнюю крикливую «ррреволюционность» с самым вредным, тупым, безнадежным, гнилым оппортунизмом. Таков Эрве ([12]) и его группа во Франции — вчера проповедывавшие «террор» и нивесть какие еще «левые» выступления, а сегодня проповедующие «великий блок» с буржуазией. Таковы же наши русские эс-эры и народники.

Во всяком случае, русские рабочие должны хорошо запомнить, как относятся к Бебелю и германской соц.-демократии господа народники. Это отношение не случайно. Когда нам будут елейным голосом проповедывать «единство», когда лицемерно будут осуждать «полемику», «братоубийственную войну» и проч. — нам надо напомнить народникам: а что писали вы, господа, о нашем учителе и вожде Августе Бебеле?..

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) «Август Бебель и народники» — статья из газеты «За правду», № 39 за 1913 год.

[2]) Народные социалисты — легальная народническая партия, составлявшая крайнее правое крыло русского народничества, легализовавшаяся в эпоху столыпинской реакции.

[3]) «Русское Богатство» — легальный орган русских народников, редактируемый Плехановым, Мякотиным и другими. Журнал отличался неустойчивостью политической линии и всегда говорил о том, что является преемником лучших традиций народовольцев. Во время войны впал в социал-шовинизм.

([4]) «Живая Мысль»—орган социалистов-революционеров, выходивший в Петрограде с конца августа 1913 г. по 10 сентября т. г.

[5]) «Заветы» — с.-р. журнал.

[6]) До войны это утверждение народников было в корне неверно, так как тогда с.-д. была революционной силой. Только в связи с войной она изменила революции, но тогда и народники были не лучше ее, так как они сами стали социал-шовинистами.

[7]) «Земщина» — черносотенная газета Пуришкевича, выходившая в эпоху реакции.

[8]) Иенский съезд германской с.-д. в 1911 г.

[9]) Петр Бернардович Струве — буржуазный деятель. Струве прошел огромный жизненный путь. Он был с.-д. и автором первого манифеста. Затем он стал «легальным марксистом», затем буржуазным профессором и одним из лидеров либеральной буржуазии, издателем журнала «Освобождение» (в Штуттгарте). После 1915 г. он сильно поправел. Февральская революция сделала из него злейшего контр-революционера.

[10]) Ропшин-Савинков, Борис, автор «Коня бледного», «То, чего не было» — террорист и писатель, давший самую неприглядную картину революции 1905 — 1906 г. и тем самым определивший свою контр-революционную сущность.

[11]) Ревизионисты-бернштейнианцы проповедывали необходимость оппортунизма, соглашательство и постепенность в революции.

[12]) Эрве — крикливый французский синдикалист. До войны он проповедывал антимилитаризм в самых грубых формах, военную стачку и пр., с началом войны превратился в такого же крикливого социал-патриота и назвал свою газету «La Guerre Sociale» — по-новому «La Victoire».

БЕБЕЛЬ И ИНТЕРНАЦИОНАЛ [1].

Когда тридцать слишком лет тому назад Август Бебель сильно заболел и до Маркса донеслась, оказавшаяся впоследствии неверной, весть о смерти Бебеля, гениальный основоположник научного социализма, в письме к своему другу Энгельсу, писал: «Это ужасно. Это величайшее несчастье для нашей партии».

Слова Маркса в настоящее время с глубокой печалью повторяет весь рабочий Интернационал. *Смерть Бебеля это — величайшее несчастье для социалистов всех стран.* Смерть Бебеля — это незаменимая потеря для рабочих всего мира.

С самого начала своей с.-д. деятельности Бебель близко принимает к сердцу вопросы мировой политики, вопросы международной борьбы и организации пролетариата. Как все действительно великие борцы, Бебель не мог остаться только в рамках одной страны. Он должен был стать и стал не только социалистом Германии, но социалистом мира.

В октябре 1870 года Август Бебель восстал в германском рейхстаге против шовинизма и кровожадных аппетитов, охвативших не только германскую феодальную реакцию, но и всю германскую буржуазию, вплоть до самой либеральной. Их было тогда только двое в этом стане помещиков и буржуазии, опьяненных победами прусского штыка и запахом многомиллионной контрибуции. Имена этих двоих — Бебель и Либкнехт. Они мужественно бросили вызов всей буржуазной Германии, всей политике крови и железа, всему лжепатриотизму и лицемерию имущих классов.

Бебель выступил тогда с историческими словами:

— «Империя разбита. Да здравствует почетный мир с французской республикой. Долой аннексию Эльзас-Лотарингии [2]».

Как стая разъяренных псов, набросились на Бебеля все буржуазные «патриоты». Его обвиняли в «измене» родине, в «продажности» французам и во всех прочих семи смертных грехах. Но Бебель свято исполнил свой долг перед рабочим Интернационалом.

Это было первое его крупное выступление, как интернационалиста.

Так же мужественно, с таким же героизмом выступил Бебель в защиту Парижской Коммуны. На трупах павших коммунаров озверелая французская буржуазия справляла настоящую кровавую вакханалию. Движение потоплено было в крови. Злорадно торжествовала и скалила зубы буржуазная реакция всех стран. От борцов, проигравших сражение, отшатнулось все робкое, трусливое, все перебежчики и все «поумневшие» друзья рабочих. В этот момент молодой Бебель поднял свой голос в пользу коммунаров... Можно с уверенностью сказать, что оба этих выступления Бебеля сделали для установления братских отношений между немецкими и французскими рабочими больше, чем сотни книг и газетных статей...

Кто из сознательных рабочих забудет то, что сделал Бебель для возрождения Интернационала?

Старый Интернационал, которым руководил Маркс, был разбит. Враги рабочих свободно вздохнули, но прошло немногим больше 10 лет. — Движение в отдельных странах света выросло и окрепло. «Красный призрак» не только не исчез, а выступил с еще гораздо большей силой. Надо было построить новое гордое здание международной организации рабочих. Кто же мог выступить этим великим строителем, как не Бебель?

Вместе с Либкнехтом и при поддержке и советах Фр. Энгельса, Бебель играет крупнейшую роль в деле возобновления Интернационала в 1889 году. Вандервельде (3) нисколько не преувеличил, когда на могиле Бебеля сказал, что умерший боец был главным творцом возродившегося Интернационала.

С 1889 года Август Бебель все больше и больше становится фактическим руководителем всего Интернационала и в особенности его марксистского крыла. Во всех главнейших международных конгрессах нового (4) Интернационала Бебель играет ту же роль, что Маркс на конгрессах старого (5) Интернационала. Он пользуется наибольшим авторитетом во всем международном рабочем движении. Он стойко и последовательно отстаивает на этой широкой арене принципы неурезанного марксизма. На амстердамском конгрессе 1904 года никто иной, как он, дает решительное и победоносное сражение Жоресу и всем вообще оппортунистам, провозгласившим «новую эру» мнимого «смягчения классовых интересов», блоков с буржуазией и министериализма (6).

Кто заменит теперь нам, марксистам, Августа Бебеля?

*

У открытой могилы почившего Августа Бебеля сошелся буквально весь Интернационал. В момент похорон Бебеля сердца миллионов пролетариев всех стран бились в униссон. «Наш Бебель» — эти слова с горячей искренностью и неиссякаемой любовью повторяли и французские, и немецкие, и бельгийские, и американские, и русские рабочие.

Чем был Август Бебель для русских рабочих, для русского рабочего движения — видно хотя бы из тех многочисленных откликов из России, которые раздались несмотря [7] ни на что. Сотни тысяч и миллионов пролетариев всего мира горячо любили Бебеля. Мы думаем, что не ошибемся, если скажем, что после Германии — родины великого борца, Бебеля больше всего любили у нас в России...

Чувство не обмануло русских рабочих. Они верно оценили Августа Бебеля. Они правильно поняли, чем являются такие люди для великого движения рабочих, как Бебель. Вот почему так велик был траур, так велика была печаль среди русских рабочих по поводу великой потери, которую понес вследствие смерти Бебеля весь рабочий Интернационал...

«Умер Маркс — человечество стало ниже на целую голову, и притом — самую гениальную», — писал Энгельс сейчас же после смерти Карла Маркса.

Умер Бебель — наш многомиллионный Интернационал стал беднее на одного из своих руководителей и притом — самого любимого... Так говорят теперь рабочие всех стран...

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) «Бебель и Интернационал» — статья из «Северной Правды» № 12 за 1913 г.

[2]) Франко-прусская война закончилась тем, что побежденная Франция была вынуждена уплатить шесть миллиардов франков контрибуции и уступить Эльзас и Лотарингию, которая представляла богатейший и лакомый кусок для буржуазной Германии, как источник богатейших залежей металла. С того времени юнкерская Германия и повела политику вырождения и национального гнета в аннексированных областях.

[3]) Вандервельде был в прошлом социалистом (всегда отличавшийся некоторой склонностью к оппортунизму), но во время империалистической войны стал патриотом и шовинистом, а затем злейшим врагом рабочего класса, пытавшийся совратить его с пути революции.

[4]) II Интернационала, существовавшего с 1889 по 1914 год.

[5]) I Интернационал основан был 28 сентября 1864 г. и просуществовал до 1873 года.

[6]) Министериализм — вхождение с.-д. в правительство, открытое Мильераном, встретившее оправдание и защиту в рядах оппортунистов и жестокую критику со стороны Бебеля, Розы Люксембург и др. деятелей левого крыла.

[7]) Здесь имеются в виду тяжелые условия подполья и репрессии, которые всячески мешали русским рабочим демонстрировать свое отношение к Бебелю.

ПОЛЬ ЛАФАРГ И ЛАУРА МАРКС [1].

13/26 ноября 1911 года скончались Поль Лафарг и его жена — дочь Карла Маркса — Лаура Маркс... Оба они кончили самоубийством. Вот что пишет о причинах этого самоубийства в своем предсмертном письме к товарищам сам Поль Лафарг:

— «В здравом уме и твердой памяти я убиваю себя раньше, чем неумолимая старость отнимет у меня одну за другой все радости и удовольствия жизни, разрушит мои физические силы и умственные способности, парализует мою энергию и мою волю и сделает меня бременем для других и самого себя.

— Уже давно я дал себе слово, что не стану жить больше 70 лет. Я назначил срок, когда расстанусь с жизнью, и наметил способ осуществления моего решения: подкожное вспрыскивание цианистого калия.

«Я умираю, унося с собой радостную уверенность в том, что дело, за которое я боролся 45 лет, восторжествует в ближайшем будущем».

«Да здравствует коммунизм!»

«Да здравствует международный социализм!»

Редеют ряды старой социалистической гвардии... Вильгельм Либкнехт [2], Пауль Зингер [3]... Теперь — Поль Лафарг...

Лафарг имеет огромные исторические заслуги не только перед французским социализмом, но и перед социализмом всех других стран, перед всем рабочим Интернационалом. Он принадлежал к числу симпатичнейших, вдохновеннейших теоретиков и пропагандистов социализма. Он был одним из апостолов социализма, в лучшем и самом высоком значении этого слова.

Русскому читателю излишне было бы рассказывать о том, какое большое пропагандистское значение имели такие сочинения покойного Лафарга, как: «Религия капитала», «Право на леность», «Женский вопрос» и т. д. Перу покойного принадлежат очень ценные, чисто теоретические работы, как: «Экономический детерминизм», «Социализм и интеллигенция», ряд исследований по истории и сущность религии с точки зрения материалистического объяснения истории, помещенных в журнале «Neue Zeit» [4], выходящем под редакцией Каутского, и другие работы, сделавшие покойного одним из самых крупных представителей международного социализма.

Лафарг стоял у колыбели не только французского социалистического рабочего движения — он вместе с великими творцами научного социализма, Марксом и Энгельсом, принимал деятельное участие в деле международной организации пролетариата.

Во Франции Лафарг один из первых поднял знамя марксизма. Ему рядом с известным французским марксистом, Жюлем Гэдом, марксизм, который с таким трудом прививался на французской почве, обязан своими первыми успехами во Франции. Уже в 1865 году 23-х летний Лафарг (родился в 1842 г.) подвергается изгнанию из французских факультетов за то, что он демонстративно отказался участвовать в патриотических шествиях студентов с трехцветным знаменем. Молодой Лафарг отправляется тогда в Англию для окончания образования. Здесь он встречается с Карлом Марксом, жившим тогда в изгнании и занятым работой по организации великого Международного Товарищества рабочих. Маркс оценил пылкого, талантливого и благородного молодого социалиста. Лафарг привязался к семье Маркса и впоследствии женился на младшей дочери Маркса, любимице отца. После поражения Коммуны 1871 года Лафаргу пришлось бежать в Испанию. Французская «республиканская» буржуазия с безумною жестокостью мстила всем имевшим хоть малейшее касательство к Коммуне. А Маркс и все марксисты, как известно, горячо и страстно защищали знамя Коммуны, не взирая на бешеные преследования со стороны международной реакции. В Испании Лафарг работает рука об руку со своим другом, ныне известным испанским социалистом Пабло Иглезиасом. Затем Лафарг вновь едет в Англию и возвращается во Францию только после амнистии.

В начале 80-х годов Лафарг вместе с Гэдом выступает деятельным организатором французских рабочих и проповедником марксистской доктрины в ее подлинном виде, нефальсифицированном примесями утопизма и анархизма. В апреле 1883 года Лафарг вместе с Гэдом присужден за свою агитацию к 6-и месяцам тюрьмы. В тюрьме он с Гэдом вырабатывает программу рабочей партии. Впоследствии Лафарг вновь был присужден к году тюрьмы, но граждане и рабочие Лилля выбрали его депутатом, и тем освободили его из заключения. Вместе с Гэдом Лафарг все время стоял во главе французской Parti ouvrier français («Французская рабочая партия») вплоть до самого объединения всех фракций французского социализма и слияния их —

после Амстердамского Международного конгресса—в единую социалистическую партию Франции.

С появлением международного ревизионизма Лафарг выступает против него. В самой Франции он принадлежит к решительным борцам против оппортунизма, «жоресизма» (5). Еще в последний год своей жизни он вел превосходную полемику против Жореса, защищавшего чрезвычайно оппортунистическую позицию в вопросе страхования рабочих.

Французские рабочие знали и любили Лафарга. Он не был таким страстным борцом, как Бебель или Гэд, он не был политическим оратором, не принимал, особенно в последние годы, такого близкого участия в повседневной политической жизни. Но он являлся несравненным пропагандистом, популяризатором идей научного социализма, которому он служил, главным образом, пером. Лафарг был одним из благороднейших людей Франции, и этого не могли не ценить в нем особенно в этой стране, где господствуют необычайный политический разврат, буржуазная испорченность, разврат.

Лаура Маркс прошла вместе с Лафаргом весь его жизненный путь. Она тоже была горячей сторонницей учения ее великого отца. Ее биография не так богата внешними событиями, но всякий, кто читал только отзывы о ней Фридриха Энгельса в его переписке с друзьями (Зорге и проч.), тот поймет, какую большую потерю в ее лице понес международный пролетариат.

Чувство печали по поводу смерти супругов Лафарг еще обостряется тем, что они принадлежали к числу самых близких Карлу Марксу людей.

«Умер Маркс — человечество стало ниже на целую голову»,— с грустью писал великий соратник Маркса, Энгельс, по поводу смерти своего друга (6). Теперь мы с грустью видим, как один за другим сходят в могилу и все современники и ближайшие друзья К. Маркса...

Умерли Маркс и Энгельс (7). Умирают их сподвижники и ученики. Но дело марксизма живо...

... «Несите их знамя вперед!»

ПРИМЕЧАНИЯ:

1) «Поль Лафарг и Лаура Маркс» — некролог из № 30 «Звезда», 20 ноября 1911 года.

2) Вильгельм Либкнехт (1826-1900 г.г.). Вождь немецкой соц.-демокр. в период борьбы с исключительным законом, соратник Бебеля, протесто-

вавший вместе с ним против франко-прусской войны. Автор многих популярных брошюр, напр., «Пауки и мухи» и т. д. Постоянный представитель с.-д. в рейхстаге.

[3]) Зингер Пауль — старый с.-д., рабочий, лидер партии.

[4]) «Neue Zeit» — теоретический орган с.-д., тогда еще революционный, на котором учились многие поколения борцов.

[5]) Жорес — один из самых блестящих ораторов франц. с.-д., историк и теоретик. В то же время Жорес был оппортунистом по своей тактике и приемам. Убит франц. империалистами в момент объявления войны.

[6]) В 1889 г.

[7]) В 1895 г.

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ ИОСИФА ФЕДОРОВИЧА ДУБРОВИНСКОГО (ИННОКЕНТИЯ) (1).

Великое несчастье постигло семью русских марксистов.

Умер Иннокентий... (2) Утонул где-то в отдаленном глухом селе в далекой ссылке Туруханского края. Ушел из жизни лучший из лучших... Погиб рыцарь духа в самом высоком смысле этого слова. В рядах наших опустело место, бесспорно принадлежавшее самому достойному из достойных...

Тяжелые условия подпольного существования русских марксистов сделали то, что далеко не все могут даже отдать себе отчет — кого мы потеряли в лице почившего товарища. Только те из рабочих, кому довелось лично встречаться с Иннокентием, могут понять, какое великое горе постигло нас.

При иных политических условиях Иннокентия знала бы и любила бы горячо вся рабочая Россия. Ей отдал всю свою жизнь, всю свою силу, всего себя этот светлый, высоко одаренный человек, образ которого не забудет ни один из тех, кому выпало на долю близко знать Иосифа Федоровича. Рабочему делу служил он верой и правдой два десятка лет. Ни на минуту не выбывал из строя добровольно. Несокрушимая энергия, светлый ум сочетались у него с недюжинным образованием и высоким идеализмом в самом благородном смысле этого слова.

Если спросить многочисленных знакомых товарищей, друзей покойного, какая черта больше всего характеризует благородный образ Иосифа Федоровича, — мы уверены, все они ответят: *прежде всего полная и беззаветная самоотверженность, преданность делу, граничащая с полным самоотречением.*

Иннокентий—звали его широкие круги товарищей. «Иноком»—звали его мы в более тесном кругу. Столько любви и уважения вкладывали люди в это слово «Инок», часто сами не отдавая себе отчета в чувствах. В этом пламенном политическом работнике вместе с тем было что-то такое, что делало его похожим на человека не от мира сего, на действительного «инока», на мученика из тех, чью память хранит предание, из тех, что, не задумываясь, руку положат в огонь за дело, в которое они верят и которому беззаветно служат.

«Инок» принадлежал к небольшому кружку славных пионеров русского движения и русского марксизма. Организатор по природе,

И. Ф. ДУБРОВИНСКИЙ.

он чувствовал себя в своей стихии именно на работе созидания, строительства, организации. Чем больше было трудности, чем чаще на головы строителей обрушивались тяжелые удары, тем настойчивее и беззаветнее работал Иосиф Федорович. Ни удары врагов, ни шаткость, маловерие, измены бывших друзей ни на одну секунду не поколебали великого строителя. И ни на минуту не выпал молот из его рук.

Пишущий эти строки близко познакомился с Иосифом Федоровичем только в начале 1906 года. Физические силы Иннокентия уже тогда сильно были подорваны. Худой, изможденный, полубольной он приезжал в Петербург после долгого тюремного заключения.

Вспоминается 1905 год... Все время интенсивная ответственная работа на передовых постах.

...Лондонский конгресс. Это уже в 1907 году. Инок снова в тюрьме. Узнав, что он скоро будет на свободе, товарищи заочно выбирают его делегатом. В Лондон он приезжает уже в день закрытия конгресса. С какой радостью приветствуют его все делегаты - единомышленники! На собрании большевистской делегации, представлявшей более 50 тысяч организованных рабочих, Инока сразу выбирают председателем.

1908 г. Ряды организованных рабочих сильно поредели. Положение трудное. Появляются уже и перебежчики. Нужны героические меры. «Инок» — болен. Многие признаки туберкулеза налицо. Но его невозможно удержать никакими убеждениями. Он возвращается в Россию из своего вынужденного пребывания за границей, где выполняет огромную работу. Он в Петербурге.

Поздней осенью в 1908 году когда он собирается уже выехать из Петербурга, его снова арестовывают на вокзале. Новое тюремное заключение, новый этап, новая ссылка, новая болезнь, и, наконец, новый побег из ссылки... Инок возвращается за границу совсем больной и... снова несет на себе большую работу. В начале 1910 г. он опять возвращается на родину: трудное положение дел снова требует этой поездки. Через короткое время его арестовывают в Москве. Снова отдаленная ссылка и — смерть...

Все эти годы Иосиф Федорович живет в самых отчаянных условиях. Всюду его преследуют по пятам. Во время приездов в город, где живет его семья, он видит своих детей только тогда, когда они спят: возраст детей таков, что они еще не могут

усвоить требований «конспирации», и, если увидят отца, того и гляди, станут делиться своей радостью слишком усердно... Личные свои потребности Иосиф Федорович урезывает до невозможного минимума. Даже лечение он считает недопустимой роскошью, хотя его здоровье надрывается все больше и больше.

Иосиф Федорович обладает огромным организаторским талантом. В других условиях из таких фигур выходят деятели, как Ауэр, Зингер, Гэд. Такие люди являются душой нашего великого рабочего движения. Они служат цементом, скрепляющим это движение. Они—наша гордость и надежда. Их великая роль—учителей, организаторов, незабываема...

Я чувствую, что то, что я сказал, бледно, слабо и не дает достаточного представления об изумительной фигуре Иосифа Федоровича, благородного, трогательно-чуткого, самоотверженного, почти святого человека. Многие друзья, товарищи и почитатели покойного, я уверен, обрисуют образ Иннокентия гораздо лучше, чем это сделали мои беглые, слабые строки. Это нужно сделать. Русский рабочий класс, выдвинувший этого славного работника, должен познать жизнь своего преданнейшего друга, своего лучшего представителя Иосифа Федоровича Дубровинского.

В других странах за гробом такого деятеля, каким был Иосиф Федорович, шли бы сотни тысяч рабочих. У нас он умер одинокий, заброшенный, вдали от любимого дела и дорогих людей...

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) Некролог из «Рабочей Правды» № 14—1913 г.

[2]) Иннокентий Дубровинский покончил самоубийством, изверившись в то, что сможет освободиться от своих физических недугов.

В. ЛОМТАТИДЗЕ.

ЗАМУЧЕН В ТЯЖЕЛОЙ НЕВОЛЕ [1]...

В. Ломтатидзе [2] в буквальном смысле слова *замучен* царским правительством. В течение *восьми* с лишним лет (с июня 1907 года) держали его в заточении, не дав подышать воздухом свободы даже перед самой смертью. Сначала на каторге, закованный в кандалы, затем в различных тюрьмах русского царя и, наконец, в Саратовской тюремной богадельне среди нищеты, лишений, в одиночестве медленно угасал смертельно больной товарищ...

Т. Ломтатидзе («Хасан») был революционером, глубоко преданным делу освобождения нашей страны. За это Николай Кровавый, ведущий теперь «справедливую» войну, замучил его посредством медленной пытки.

Русские рабочие не забудут одинокой могилы честного революционера В. Ломтатидзе, отдавшего свою жизнь на служение делу свободы...

21 декабря 1915 г.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) «Замучен в тяжелой неволе» — статья из № 49 «Социал-Демократа» от 21 декабря 1915 г.

[2]) Ломтатидзе — втородумец с.-д., приговоренный к каторге за работу в Думе, умер в конце 1915 г. в Саратовской тюрьме.

ВМЕСТО НЕКРОЛОГА Г. В. ПЛЕХАНОВУ ([1]).

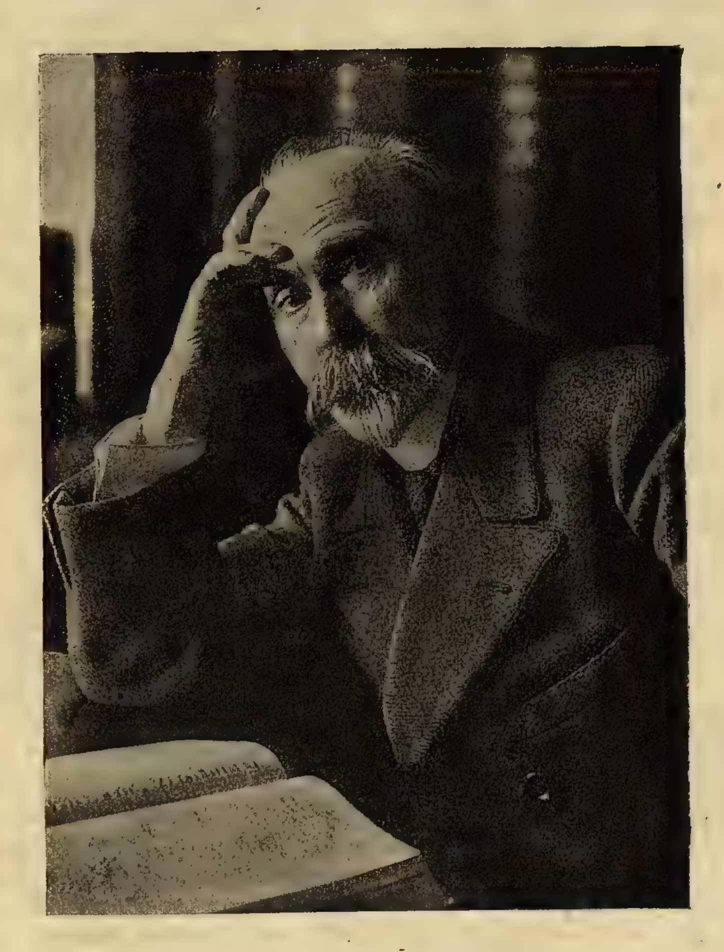
Сегодня в Петрограде опустили в могилу тело Г. В. Плеханова, и петроградский сознательный пролетариат не мог пойти на похороны своего бывшего учителя. Не мог и, на мой взгляд, не должен был пойти *и не пошел.* Тяжело было нам принять такое решение. Некоторым из нас, в идейном отношении столь много обязанным почившему, было особенно трудно, но пойти было нельзя.

На сегодняшнем собрании мы хотим сказать перед представителями петроградского сознательного пролетариата, чем был Плеханов для рабочего класса нашей страны и чем был он для всего Интернационала.

Мы резко порвали с Плехановым. Мы не могли поступить иначе после того, как в 1914 году он объявил невиданную в истории чудовищную бойню «справедливой войной». Всякий раз, когда нас обвиняют в том, что мы так резко порвали с нашим бывшим учителем, мне приходит на память один эпизод из истории борьбы в среде старого поколения революционной интеллигенции, в среде народников 70-х годов. Вы, вероятно, помните сцену, происшедшую в конце 70-х годов на нелегальном съезде народников в Воронеже ([2])? Вы знаете, что в рядах тогдашнего поколения революционных народников началось расслоение, начался спор по вопросу о роли террора и политической борьбы. Я не буду, конечно, подробно останавливаться на этом споре, мне хочется вызвать в памяти только одну сцену, описанную многими из участников Воронежского съезда.

Съезд этот происходил нелегально: собралась маленькая кучка революционеров, спаянных не только общностью символа веры, но и теснейшей и благороднейшей дружбой, теснейшей личной связью; собралась для того, чтобы обсудить где-то за городом, в обстановке, когда они каждую минуту могли быть схвачены полицией,—обсудить тогдашние больные вопросы движения. На этом съезде присутствовал и Г. В. Плеханов, который тогда уже намечал новую борозду в революционном движении...

Когда для Плеханова выяснилось, что он разошелся с большинством его друзей из тогдашнего народнического лагеря, в частности с Софией Перовской, когда выяснилось, что дальше итти вместе нельзя, Плеханов встал и покинул съезд. Я не знаю более

Г. В. ПЛЕХАНОВ.

красочной и более драматической сцены из жизни народников, как эта, — когда Плеханов упрямой походкой, при громадном волнении всех присутствовавших, уходит с этого маленького собрания героев-революционеров, и Перовская бросает ему вдогонку: «Удержите этого безумца, куда он уходит от нас», — на что взволнованный Плеханов отвечает решительно и горячо: «Нет, мне с вами не по дороге, я должен порвать с вами, несмотря на то, что мы были связаны теснейшими узами». Плеханов уходит, чтобы создавать свою группу, чтобы поднять новое знамя, которое сплотило впоследствии вокруг себя сотни тысяч и миллионы рабочих.

Плеханов умел рвать и с былыми друзьями и единомышленниками и быть беспощадным, когда этого требовали интересы революции. Именно это сделало Плеханова великим.

Когда стал великим Бебель? Когда он шел *против течения* и прокладывал новую борозду, когда в эпоху исключительных законов против социалистов он боролся не только против буржуазии своей страны и против своего правительства, но и против того крыла в социал-демократии, которое тащило движение назад, предлагая приспособляться к подлости. Вот когда Бебель стал дорогим рабочему классу и навеки запечатлелся в нашей душе.

Когда стал великим Плеханов? Когда он, оставшись в ничтожном меньшинстве среди тогдашних революционеров, все-таки поднял новое знамя, чтобы проложить новую дорогу против течения...

Первые годы литературной деятельности Плеханова и расцвет его литературной деятельности приходятся на годы тяжкой реакции, на годы, когда одиночки-герои народовольцы были раздавлены царизмом, и виселицами был уставлен путь тогдашней монархии, когда казалось, что все задавлено в России. Плеяда героев революционной интеллигенции, казалось, раздавлена навсегда. В эти-то годы тяжкой реакции Плеханов «открывает» русский рабочий класс. Роза Люксембург сказала по адресу К. Маркса, что его великое открытие заключается в том, что он открыл для человечества рабочий класс, как новую историческую категорию, как силу, которая ведет человечество вперед. Это глубоко верно относительно Маркса. Относительно Плеханова пришлось бы перефразировать эти слова и сказать, что он открыл *русский рабочий* класс. Сейчас даже трудно понять, что это было нечто вроде откровения, когда Плеханов сказал, что

русская революция победит только как рабочая или не победит вовсе. Сейчас мы имеем многомиллионный рабочий класс, который в течение 12 лет показал свою громадную историческую роль в двух величайших революциях, и революционная роль нашего рабочего класса достаточно ясна.

30 с лишним лет тому назад, когда в России существовала только маленькая горсточка малокультурных рабочих, поверить в рабочий класс и провозгласить будущую его гегемонию в великом народном движении было величайшей заслугой Плеханова.

В одной из первых своих крупных работ Плеханов скрестил шпаги с Львом Тихомировым, бывшим вождем народников, который потом перешел на сторону монархии. Памятен один из тезисов в этом основном сочинении Плеханова против Тихомирова. Тихомиров, в виде большой «уступки» нарождавшемуся рабочему движению, сказал: «Я признаю, что теперь, когда рабочий класс в России нарождается и растет с каждым днем, рабочий класс становится «очень важен для революции». На это Плеханов ответил со свойственным ему блеском: «Нет, гражданин Тихомиров, не в том дело, что рабочий класс важен для революции, а дело в том, что *революция важна для рабочего класса*. Вот в чем расходимся мы с вами». На первый взгляд, это чисто словесный спор, схоластическое словопрение. На самом деле — это основная линия, пролегающая между нами и теми народниками, которые выродились и не могли не выродиться в буржуазных демократов и буржуазных либералов. Что рабочий класс важен «для революции», это признает всякий, это признает не только буржуазная демократия, но и корниловская буржуазия. В те месяцы, когда Каледин (3) господствовал на Дону, он сказал в одной из своих речей: «Кто же не понимает того, что нельзя надолго удержать власть где бы то ни было, если не иметь на своей стороне хотя бы некоторой части рабочего класса». Буржуазия вся признает, что рабочий класс очень важен «для революции», т.-е. важен, как орудие, как класс, который можно использовать в качестве пушечного мяса, героизм которого можно использовать для того, чтобы заставить объективно делать чужое дело и чтобы потом загребать жар его руками. Величайшее открытие Плеханова и заслуга его в те годы заключались в том, что, имея за спиной только маленькую кучку рабочих-революционеров, таких одиночек, как Степан Халтурин, он

тогда уже сказал, что дело не в том, что рабочий класс очень важен для революции, а суть в том, что революция очень важна для рабочего класса. Другими словами, важно, чтобы революция была не буржуазной, а послужила бы рабочему классу, важно, чтобы, опираясь на опыт революций других стран, наш рабочий класс мог произвести революцию, которая будет итти к социализму, которая будет прокладывать дорогу действительно рабочей программе, а не программе, хотя бы самой «левой», буржуазно-демократической партии.

В этом споре Плеханова с Тихомировым отразились два миросозерцания. Уже тогда Плеханов, пусть в абстрактно-литературной форме (это вообще была слабость Плеханова), пусть в чисто академической форме наметил основное расхождение, которое отделяет наш рабочий класс от других классов. Мы говорим, что революция — для рабочего класса, а не наоборот. Мы говорили с 1905 года, с момента, когда начала складываться наша партия, когда под руководством Плеханова и Ленина было поднято знамя старой «Искры», что рабочему классу суждено сыграть роль гегемона, вождя в предстоящей революции, и поставить дело так, чтобы это была борьба не только за политические реформы, за создание нового политического строя, но чтобы это была борьба, которая приблизила бы нас к социализму, чтобы это была революция, которая будет окрашена в рабочий цвет. Долгие годы Плеханов оставался верен этой идее. Он был верен ей, когда боролся против так называемого «экономизма», он через многие споры проносил это свое знамя, оставаясь верным основной идее, что революция важна для рабочего класса, что рабочий класс должен быть в ней гегемоном, застрельщиком, и вести в ней свою классовую, социалистическую линию.

Кому не памятна работа Плеханова, изложенная в форме беседы марксиста с либералом? Беседуют социал-демократ и либерал в 90-х годах, в связи с тогдашним голодом и реакцией. Плеханов со свойственным ему блеском изобразил столкновение этих двух программ. Либерал аргументировал приблизительно так, как Тихомиров, или как многие теперешние сторонники «коалиции», что наша революция должна быть только буржуазным переворотом. В форме этого блестящего диалога Плеханов в этой работе отстаивал позицию пролетариата в момент, когда за его плечами была еще только маленькая горсточка рабочих.

Плеханов лелеял, растил и холил каждый маленький росточек рабочего движения, в которое он уверовал еще с самого начала 80-х годов.

С какою любовью рассказывает Плеханов о первых стачках и о первых нелегальных листочках в Петрограде! Кто не помнит плехановских «Воспоминаний о русском рабочем», в которых Плеханов так мастерски зарисовал отдельных рабочих, которые выдвинулись и посеяли семена, давшие всходы теперь...

Плеханов, повторяю, открыл русский рабочий класс. С 80-х годов, в течение трех десятилетий, он оставался верен своей основной идее. Надо на минуту перенестись в тогдашнюю атмосферу эмиграции для того, чтобы оценить его заслуги. На мою долю тоже выпало прожить несколько лет в эмиграции. Но чем была наша эмиграция по сравнению с той, которую пережили Плеханов и Аксельрод в течение 30 лет? Когда мы попали заграницу, мы имели уже свои нелегальные газеты, мы сообщались с рабочими России, мы были уже не маленькой группкой, нас было много после 1905 года. Перенеситесь в другую обстановку: тридцать лет тому назад. Маленькая группка революционеров, заброшенная заграницу, не видящая пока никакого просвета в своей собственной стране, переживающая массу личных лишений. Плеханов в течение долгих лет голодал за границей. Плеханова высмеивала тогдашняя «революционная» интеллигенция, которая не верила в рабочий класс. Плеханов велик тем, что именно в это время, когда рабочие еще только поднимались, когда он видел еще только первую ласточку, не делавшую весны, уже тогда веровал в рабочий класс, тогда провозгласил будущую гегемонию рабочего класса. Он стал великим тогда, когда его осыпала ненавистью вся помещичья Россия, и вся буржуазия, и все так называемые революционеры, которые и тогда считали себя социалистами, а на самом деле не совлекли с себя ветхого Адама буржуазии и до скончания жизни остались в лучшем случае буржуазными революционерами.

Плеханов имел счастье видеть, как семя, посеянное им, давало богатые всходы. К нему в эмиграцию в начале 900-х годов явилась первая плеяда будущих вождей рабочего класса во главе с Лениным и тогдашним Мартовым. Они явились заграницу и взялись за издание первой революционной газеты, в которой самые блестящие из программных статей принадлежат Плеханову.

Впоследствии «обновленная» меньшевистская редакция «Искры» в первую революцию переиздала целый ряд статей из прежней «Искры». Но она не переиздала блестящих статей Плеханова, которые послужили базой для ряда тактических построений подлинных деятелей революции. Плеханов в 1901 году, когда рабочее движение еще было страшно слабо, когда отдельные выстрелы террористов казались решающими, когда многие не верили, что рабочее движение станет серьезным фактором в ближайшее время, не уставал повторять одно: рабочий класс один может сыграть роль гегемона в этом движении. В 1901 году он, марксист, ученый, кабинетный теоретик, просидевший 30 лет заграницей, ставил вопрос об уличной борьбе, специально занимался военным делом, печатал в «Искре» статьи о том, что надо изучать тактику уличного боя, нужно учиться строить проволочные заграждения и т. д. Тогда «благоразумные» люди посмеивались над Плехановым и поздравляли друг друга с тем, что они не похожи на этого грешника и мытаря, который занимается такими «пустяками», как обсуждение вопроса о тактике уличного боя. Плеханов стал велик и его не забудет рабочий класс именно за то, что он уже в 1901 году, за 4 года до начала первой нашей революции (когда побеждает революция, тогда все становятся революционерами), в годы мрачной реакции говорил рабочему классу нашей страны и всего мира: надо помнить, что иначе, как вашей диктатурой, нельзя свалить буржуазный класс; надо помнить, что основные вопросы нашей жизни не решаются иначе, как с оружием в руках; надо учиться, как проводить тактику уличного боя. Тогдашние соглашатели обрушивались на Плеханова, высмеивали его за это, а мы и сейчас чтим его как раз за то, что в эти тяжкие годы он ставил основные вопросы рабочей революции.

Большинство знает работы Плеханова, посвященные народникам-беллетристам. Большинство знает работы, посвященные такому художнику, который имеет мало отношения к нашей революции, как Ибсен. Плеханов не мог писать ни о Некрасове, ни об Успенском, ни о Шелгунове, ни о великой Французской революции, чтобы всюду и везде не провести в той или иной форме основной мысли: что русская революция не победит иначе, как рабочая революция.

В 1889 году Плеханов впервые бросил эту фразу на международном конгрессе в Париже. Весь международный конгресс пожимал пле-

чами. Вожди европейского социализма относились с уважением к Плеханову, видели, что это восходящая звезда, что это один из блестящих теоретиков социализма, но они все-таки пожимали плечами: разве возможно, чтобы в России могла победить рабочая революция? Можно ли сказать относительно отсталой России, что революция восторжествует здесь, как рабочая революция? Блестящая деятельность народовольцев пленяла умы и воображение тогдашней интеллигенции. Даже некоторые марксисты склонны были думать, что только такой борьбой можно разрешить в ближайшее время политический кризис в России. Для того, чтобы в 1889 году бросить такой лозунг, надо было глубочайше верить в будущее, быть величайшим оптимистом насчет будущего развития рабочего класса. В течение двух десятилетий Плеханов оставался верен этой своей идее.

Борьба с меньшевизмом в 1903 году велась по той же линии. Кто хочет понять суть этого спора, тот должен отбросить мелкое, наносное, личное, и взять основное. Основное расхождение наше с правым лагерем было то же расхождение, которое было у Плеханова с Львом Тихомировым, со всем тем лагерем, с которым он блестяще скрещивал свою шпагу в течение нескольких десятилетий...

Как бы ни были велики грехи Плеханова в последние годы, то, что он сделал в указанной области и в борьбе с ревизионизмом, останется незабвенным. В этой области он сделал много больше, чем любой из теоретиков марксизма после смерти Энгельса. Вы знаете деятельность Каутского до 1909-1910 г.г. Он считался одним из величайших теоретиков марксизма нашего времени. Плеханов на целую голову и в этой области выше самого крупного теоретического представителя марксизма.

Молодой Плеханов имел счастье видеть Энгельса. Он имел несколько писем от Энгельса, которых он не опубликовал до сих пор. Когда началась борьба большевизма с меньшевизмом и стоял вопрос о роли крестьянства в России, мы частенько спрашивали Плеханова, нет ли чего-нибудь в письмах Энгельса на этот счет. Плеханов улыбался и писем не опубликовывал. В нашей среде высказывалось предположение (я считаю его очень вероятным), что в письмах Энгельса к Плеханову содержится что-нибудь такое, что может подкрепить позицию большевиков, его противников в вопросе о роли крестьянства. Плеханов не опубликовывал этих писем, вероятно, вполне добросовестно считая, что он

отдает этим дань марксизму. Плеханов имел некоторые литературные слабости. Вы знаете его работу о Чернышевском. Это одна из блестящих работ. Он напечатал ее первоначально в виде статей в нелегальном сборнике «Социал-Демократ». Это блестящий образец литературной критики. В статьях он особенно выпукло подчеркнул сильные стороны Чернышевского, а самая сильная сторона Н. Г. Чернышевского заключалась в том, что он бил по либералам, что он старался провести самую резкую черту между революционной демократией и либерализмом. Либерализму он наносил самые сильные удары, какие только можно было нанести ему. Плеханов в первой работе о Чернышевском, до тех пор, пока у нас начался спор большевиков с меньшевиками, оттенял именно эти самые сильные стороны Чернышевского. Когда Плеханов стал переиздавать отдельной книгой статьи о Чернышевском, после нашего спора с ним, он как раз вычеркнул все эти места, которые рисовали нам Чернышевского, как блестящего борца против либералов, как человека, который старался поделить Россию на три лагеря: с одной стороны — деспотизм, черносотенцы, помещики, с другой стороны — рабочий класс, крестьянство, и посередине — либералы. Такие литературные слабости у Плеханова были, и мы не должны их прощать Плеханову. Мы должны отмечать их, как и он никогда не прощал своим противникам даже мелочей. То, что Плеханов сделал в области литературной критики, остается незабвенным.

В вопросе об интернационализме, который сейчас стоит на очереди, Плеханов также имеет громадные незабвенные заслуги. Когда в 1889 году впервые на международном социалистическом конгрессе ставился вопрос о всеобщей стачке против войны, Плеханов принадлежал к числу самых резких и определенных, выражаясь современным стилем, «пораженцев» ([4]). Является знаменитой его фраза, которую цитировали в ряде работ, когда он, обращаясь к тогдашним немецким социал-демократам, говорил: «Поскорее приходите в Россию. Ваши солдаты будут желанными гостями здесь. Притягивайте на скамью подсудимых царизм, разбейте его на-голову. Поражением России вы сможете спасти Россию, вы скинете гнет абсолютизма!» Условия были другие, обстановка была другая. Для Плеханова было ясно, что не может служить критерием английская пословица: право или не право мое отечество, а я защищаю его потому, что оно мое. Бывает такое положение, при котором вторжение иностранного завоева-

теля может повести эту страну вперед. Плеханов во время русско-японской войны выступал также «пораженцем». Вы помните незабвенную сцену, как он на Амстердамском конгрессе во время русско-японской войны пожимал руку японскому социалисту Катаяма ([5]). Вы помните статьи Плеханова даже в тогдашней «Искре», в которых он проповедывал поражение царской России. Тогдашняя обстановка была другая, конечно, но вопрос об интернационалистическом методе стоял таким же образом, как и сейчас. Плеханов понимал, что бывают положения, при которых нельзя руководствоваться тем, что так как это мое отечество, то я и должен поддерживать правительство своей страны.

В 1905 году, после того, как Плеханов разошелся с нами, после того, как он оторвался от рабочего движения, после того, как он осудил великое восстание рабочих в Москве в декабре 1905 года, осудил шаблонной, мещанской, бездушной фразой «не надо было браться за оружие», Плеханов опять поднялся. Когда одна из французских газет сделала анкету по вопросу об отношении социалистов к отечеству, и специально об основном тезисе Коммунистического Манифеста, что «рабочие не имеют отечества», Плеханов был одним из немногих европейских социалистов, который сказал: да, эта фраза, брошенная Марксом и Энгельсом 60 лет тому назад, остается в силе. Пролетарий не имеет отечества. Некоторые из учеников Маркса, и в том числе Бебель, который начинал уже тогда поворачивать направо, и Жорес пытались истолковать эту фразу в том смысле, что Маркс и Энгельс были правы в 48 году. Тогда, действительно, пролетариат не имел отечества, ибо он не имел всеобщего избирательного права, жил изгоем, не имел никаких прав. Сейчас, когда пролетариат завоевал всеобщее избирательное право, когда пролетариат имеет громадные организации, когда ему есть что терять, кроме своих цепей, сейчас фраза Маркса и Энгельса устарела. Такова была основная постановка вопроса всеми корифеями второго Интернационала. Плеханов даже в 1905 году, после того, как он разошелся с русским рабочим классом, сказал: нет, теперь больше чем когда бы то ни было верны слова Маркса и Энгельса, что пролетарий не имеет отечества. Между тем Жорес в ответ на упомянутую анкету сказал, что эти слова Маркса и Энгельса простая «пессимистическая бутада», т.-е. это просто горькое словцо, сорвавшееся в пылу раздражения против буржуазии.

Когда в 90-х годах ревизионистами был поднят вопрос «о пересмотре» программы марксизма, когда Бернштейна подымали на щит и объявляли пророком нового течения, Плеханов первый сказал: с чем вы носитесь, с какой-то «дрянной книжонкой»? И Плеханов был тысячу раз прав. Бернштейновское евангелие ревизионизма было дрянной книжонкой, и оно положило основу всякого рода соглашательству, шейдемановщине. Плеханов первый поднялся против этого, в то время, как Каутский колебался. Поэтому он имеет громадные заслуги не только перед нами, но и перед всем Интернационалом.

На Копенгагенском конгрессе Плеханов скрестил свою шпагу с представителями социал-национализма, как представитель интернационализма. Это была его последняя, лебединая песнь, как интернационалиста. Это было в год, когда мы вместе боролись против меньшевиков-ликвидаторов и вместе с Плехановым издавали здесь, в Петрограде, «Звезду» и «Мысль». На Копенгагенском конгрессе обсуждался раскол между австрийским и чешским рабочим движением. В Австрии все окрашивается в национальный цвет, в том числе и оппортунизм. Там раскол произошел по линии национальной. Чешские оппортунисты и соглашатели попытались расколоть все рабочее движение, в том числе профессиональные союзы по принципу национальному. Если ты — чех, ты обязательно должен итти в чешский профессиональный союз, если поляк — в польский союз, если немец — в немецкий и т. д., хотя бы ты и работал в одной мастерской, за одним станком, с рабочими, говорящими на другом языке. Когда вынесли этот вопрос на международный конгресс, спор был поставлен в широком масштабе. Плеханов выступил тогда от имени всего нашего марксистского крыла. Это была его лебединая песнь, как вождя интернационалистического движения во всем мире.

В течение долгих и долгих лет покойный Плеханов был самым выдающимся представителем воинствующего, как любил выражаться сам Плеханов, марксизма. Плеханов после самого Маркса и Энгельса был — без всяких преувеличений — первым, самым ярким, самым образованным и талантливым представителем идей марксизма во всем Интернационале.

Смерть Плеханова и его расхождение с левыми течениями Интернационала — это трагедия не только Плеханова, но трагедия целой плеяды представителей второго Интернационала. Нам особенно больно оттого, что на наших глазах сходят в могилу

лучшие представители второго Интернационала, а остается сорная трава, жалкие Шейдеманы всех языков и всех стран. То, что действительно было великого, ценного во втором Интернационале, это сошло в могилу на наших глазах в течение этой войны. Вспомните имена Жореса, Вальяна (6), Кейр-Гарди (7), теперь — Плеханова. Мы чувствуем, что обрываются последние ниточки, которые связывали нас с прошлым. Тут целая трагедия поколения борцов, которые имеют величайшие заслуги в прошлом и которые пережили на закате своих дней величайшую трагедию. Они не сумели пойти нога в ногу с поступательным движением рабочего класса, не смогли понять, что социализм пришел. Социалистическая революция, — о которой писали, что когда-нибудь, через 10 — 50 — 100 лет она наступит и будет желанным моментом, и все произойдет безболезненно, и мы будем итти от победы к победе, — рождается на наших глазах. Социалистическая революция не только грядет, но она уже грянула, и мы находимся в горниле ее, уже со времени первой балканской войны. Этого не поняли старые вожди второго Интернационала.

Эта величайшая трагедия целой плеяды корифеев второго Интернационала заключалась в том, что они в течение 30 лет жили в другой эпохе, в другой обстановке, и настолько с ней срослись, что не могли в решающую минуту оказаться на своих постах. В этой борьбе, где все решается с оружием в руках, середины нет, и кто не с нами, тот неизбежно должен был оказаться против нас. В особенности, если речь идет о таких цельных натурах, как Плеханов, который не умел сидеть между двух стульев. На Бебеле и Жоресе мы не смогли наблюдать так ярко этой трагической эволюции. Возьмите старика Виктора Адлера (8). Все мы знаем, что этот человек искренно предан рабочему классу, и, вместе с тем, он объективно является сейчас пешкой в руках Габсбургской монархии, трон которой так же залит кровью, как и трон Романовых.

Середины нет. Кто подал палец империализму, у того империализм неибежно возьмет и всю руку. Вот почему трагедия Плеханова есть, повторяю, трагедия лучших представителей второго Интернационала. С его смертью сходит в могилу один из корифеев второго Интернационала. Плакать по этому поводу бесполезно. Со вторым Интернационалом связано много хорошего. Он имеет за собой много заслуг в деле просвещения, в деле организации рабочего класса, с его именем связана целая

полоса в истории мирового рабочего класса, которую никто не вычеркнет, но второй Интернационал все-таки прошлое, он умирает на наших глазах.

Наш рабочий класс никогда не забудет заслуг Георгия Валентиновича Плеханова, как никогда французский рабочий класс не забудет величайших заслуг старого коммунара Эдуарда Вальяна, который на склоне своих лет принес величайший вред как французскому рабочему классу, так и Интернационалу, тем, что разжигал шовинизм во Франции со всей силой своей страсти.

Такие же заслуги имеет и Плеханов, и мы никогда их не забудем. Сейчас, когда мы находимся в периоде самой острой борьбы, мы не можем итти ни на какие уступки даже мертвецам. Сейчас из Плеханова сделали орудие борьбы против нас, контрреволюционная «Речь» имела право послать на гроб Плеханова венок с надписью: «честному сыну отечества». В этот момент мы все же имеем достаточно объективности, чтобы сказать: да, Плеханов нанес в последнее время рабочему классу великий вред, но у него есть и величайшие, незабвенные заслуги, которых никогда никто не вычеркнет и которые будем чтить только мы.

Подлинные заслуги Плеханова, как великого революционера, как великого провозвестника международной революции, не могут быть сегодня подчеркнуты теми, кто его хоронит. Здесь, и только здесь, на нашем рабочем собрании, могут быть отмечены следы его великой, действительно революционной, работы.

На наших глазах умирает целое поколение старых социалистов, но на наших же глазах нарождается и третий Интернационал. И я убежден, что этот третий Интернационал скоро станет самым могущественным фактором истории. Мы верим, мы горячо верим, что этот третий Интернационал приведет нас к полной победе социализма не только в нашей стране, но и во всем мире.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Вместо некролога Г. В. Плеханову — стенограмма речи 9 июня 1918 г., посвященной памяти Плеханова. Г. В. Плеханов родился 25 ноября 1856 г., умер 30/17 мая 1918 г.

[2]) Воронежский съезд партии «Земля и Воля» собрался летом 1879 г.

[3]) Каледин — генерал казачьих войск, ярый контр-революционер, первый атаман Донского войска после октябрьского переворота. В 1918 г. застрелился, видя неудачу своей политики.

[4]) В тезисах Ц. К., опубликованных Ц. К. (большевиков) в «Социал-Демократе», проводится мысль о том, что наиболее полезным для страны

может быть ее военное поражение, так как это ускорит темп революции. С этих пор большевиков стали называть «пораженцами».

[5]) Катаяма — вождь японских рабочих, ныне один из деятельнейших работников III Интернационала и глашатай революции среди цветных рабочих.

[6]) Вальян — бывший коммунар, а затем социал-шовинист, умер во время войны.

[7]) Кейр-Гарди — основатель британской социалистической партии, один из немногих марксистов среди английских социалистов, перед смертью протестовавший против мировой войны.

[8]) Виктор Адлер — австрийский социал-демократ, с начала войны поддерживал правительство Габсбургов, а затем участвовал в мнимо-революционном правительстве, создавшемся после австрийской революции.

ГЕОРГИЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ ПЛЕХАНОВ (1).

... Сейчас мне сообщили, что Г. В. Плеханов скончался.

Последние известия о здоровье Плеханова не оставляли места розовым надеждам. Но все же — у кого не оборвется сердце при этом известии...

Плеханов умер еще в четверг. Мы узнаем об этом только сегодня. В близкой и вместе с тем, теперь такой нам далекой Финляндии, в стране, в которой буржуазия, победившая социалистический пролетариат, купается сейчас в горячей крови наших побежденных братьев, вдали от родных и близких, вдали от Петрограда, куда он страстно рвался в течение 30 лет эмиграции, отвергнутый и полузабытый рабочим классом нашей страны, умер бывший учитель целого поколения русских марксистов... Это ли не трагическая смерть?

С августа 1914 года, с того момента, как Плеханов благословил империалистическую войну, он больше не наш.

Что дал нам Плеханов? Я знаю, что ожесточение борьбы сделало ненавистным для многих из вас это имя. Многие и многие из молодых рабочих, многие и многие из тех, кого революция только недавно привела в наши ряды, слышали от Плеханова только шовинистические призывы, только проповедь «коалиции» с буржуазией, только слова травли, направленной против идей интернационализма вообще. Много вреда принес рабочему делу Г. В. Плеханов в последние годы его жизни. Но, стоя перед свежей могилой учителя, мы стараемся хоть на минуту заглушить в себе чувство горечи, посеянное в нас переходом Плеханова в лагерь социал-шовинистов. Мы хотим хоть на один момент вызвать пред вами образ старого Плеханова, образ старого борца и учителя, образ того Плеханова, что учил нас ненавидеть буржуазию, неумолчно звал к штурму твердынь капитализма, помогал нам усвоить вечные истины научного социализма.

Да, мы не можем забыть, что никто иной, как Плеханов в 1914 году объявил «справедливой войной» войну, которую от имени России вел Николай Кровавый. Мы никогда не забу-

дем и того, что тот же Плеханов не раз цитировал по адресу Романовых пламенный стих Пушкина:

Самовластительный злодей,
Тебя, твой род я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей
Я с злобной радостью увижу...

Что дал нам Плеханов?

Мы не можем дать здесь даже в самых беглых чертах биографии Плеханова. Плеханов — самый выдающийся популяризатор философских идей Маркса во всем Интернационале. Плеханов — организатор первой марксистской группы в России. Плеханов — автор первой марксистской программы в нашей стране. Плеханов — главный теоретический вождь в борьбе русского марксизма с народничеством вообще и с его наиболее блестящим представителем Н. К. Михайловским — в частности. Плеханов — самый крупный литературный талант в нашей стране после Белинского, Герцена и Чернышевского. Плеханов — властитель дум целого поколения русской социалистической молодежи и пролетарской интеллигенции.

Автора «Монистического взгляда на историю», автора «Наших разногласий», «Обоснования народничества», автора многих и многих блестящих шедевров марксистской литературы мы никогда не забудем.

С начала 80-х годов и до 1903 года Плеханов остается общепризнанным вождем всего революционного марксизма в России. На II съезде партии в 1903 г., когда впервые намечается расхождение Горы и Жиронды в росс. социал-демократии, Плеханов сначала остается в наших рядах, в рядах большевиков. Но, увы, ненадолго. Плеханов сначала протянул чорту оппортунизма только один палец, скоро чорт взял всю руку. В 1905 году Плеханов сначала опять приближается к идеям большевиков. После поражения декабрьского восстания в Москве выступает с пресловутым «не надо было браться за оружие». С 1909 года, когда начинается эпопея ликвидаторства, в Плеханове просыпается старый боец. Агенты буржуазии, называющие себя социалистами, хотят «ликвидировать» нелегальную рабочую партию. Плеханов сближается с нами. Он становится певцом подполья. Он помогает нам ставить легальную «Звезду» в Петрограде, «Мысль» в Москве, он пишет в нелегальном «Социал-Демократе», выходившем тогда в Париже под редакцией непримиримых больше-

виков с Лениным во главе. Пишущий эти строки особенно близко стоял к Г. В. Плеханову в эти годы. У меня сохранилось несколько десятков писем Плеханова, писанных в ту пору. Старый Плеханов умел ненавидеть и презирать ликвидаторов, которые теперь стали оборонцами, и находил тогда достаточно ярких слов, чтобы клеймить Данов, Либеров, Мартовых и К°.

Идею гегемонии пролетариата в русской революции первый выдвинул и блестяще обосновал Г. В. Плеханов. Почти 30 лет тому назад (на международном социалистическом конгрессе в 1889 году) Плеханов бросил историческую фразу:

«Русская революция победит, как рабочая революция, или не победит вовсе».

Что иное означает это, в переводе на нынешние отношения, как не диктатуру пролетариата в русской революции? Что иное означает это, в переводе на нынешний язык, как не «вся власть советам»?

Плеханов последних лет своей жизни так далек от нас, что иные и не подозревают, сколь многое мы взяли у Плеханова. Между тем, многие из «якобинских» идей большевизма были выдвинуты именно Г. В. Плехановым в годы расцвета его деятельности. Разве не Плеханов учил нас тому, что «польза революции есть высший закон» и что, когда настанет революция, мы не должны остановиться и перед отнятием избирательных прав у буржуазии? Разве не Плеханов говорил нам на II съезде в 1903 г., что любой буржуазный парламент мы должны стараться разогнать как можно скорее, если этого потребуют интересы пролетариата? Разве не Плеханов еще в 1901 году звал нас учиться военному делу и технике уличного боя? Разве не Плеханов напоминал нам, что, когда дело идет о тиранах и буржуазных палачах, тогда «умерщвление не есть убийство»? И — последнее по счету, но не по важности — разве не Плеханов еще в 1905 году учил нас тому, что слова Маркса «пролетарии не имеют отечества» не только не устарели, но приобретают все большее и большее значение?..

Большевики никогда не скрывали того, что у Плеханова они взяли многое не только в обосновании теории марксизма, но и в обосновании тактических идей большевизма. Я не выдам большой тайны, если открою, что виднейший вождь большевизма Н. Ленин в течение долгих лет — даже после 1903 года — был «влюблен» в Г. В. Плеханова...

Русская революция победит, как рабочая революция, — эти вещие слова Плеханова начинают сбываться. Как ни трудны были «муки родов» рабочей революции, как ни тяжело то время, какое мы переживаем после того, как наша рабочая революция «родилась», — великое историческое событие совершилось.

И как раз тогда, когда эта основная идея Плеханова начала облекаться в плоть и кровь, как раз тогда, когда дело жизни Плеханова начало сулить реальное осуществление, — Плеханов отошел от рабочей революции. Плеханов оторвался от рабочего класса и его борцов и остался с глазу на глаз с маленькой группкой буржуазных и соглашательских пигмеев. Тяжелая, горькая трагедия!..

«Оборонца» Плеханова чтит русская буржуазия. «Оборонца» Плеханова господа Керенские, Милюковы и даже Корниловы звали в министры. Старый Плеханов принадлежит нам. У могилы Плеханова, автора блестящих марксистских произведений; у могилы Плеханова, соратника Софьи Перовской и Степана Халтурина; у могилы старого борца и великого «ученика» Маркса и Энгельса — мы почтительно склоняем колени. Памяти старого Плеханова, у которого мы многому научились и которого мы так горячо любим, поклонится всякий мыслящий рабочий и каждый честный социалист...

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) **«Георгий Валентинович Плеханов» — статья в «Петроградской Правде», написанная 4 июня 1918 г., при первом известии о смерти Плеханова.**

ПОЧЕМУ МЫ НЕ УЧАСТВУЕМ В ПОХОРОНАХ Г. В. ПЛЕХАНОВА (1).

Признаемся откровенно: нам нелегко дается это решение отказаться от участия в похоронах Плеханова. У свежей могилы Плеханова мы не можем забыть тех великих заслуг, которые Г. В. Плеханов имеет в прошлом пред рабочим классом. И мы этих заслуг покойного никогда не забудем. Но искренность прежде всего. Мы не можем и перед лицом смерти противника забыть, что в годину, когда против рабочих-интернационалистов ополчилась вся буржуазная сволочь, начиная от разбойников пера и кончая специалистами по цеху намыленной веревки, Плеханов был не с нами, а против нас...

Память старого Плеханова, бойца революционного марксизма, мы будем чтить. Мы издадим для народа его сочинения. Мы познакомим с биографией Плеханова все трудящееся население. Мы посвятим ряд лекций в рабочих районах вопросу о жизни и о деятельности Плеханова в те годы, когда он был еще социалистом, но участвовать в организации похорон Плеханова мы не можем.

De mortuis aut bene aut nihil (о мертвых говорят либо только хорошее, либо ничего) — с этим «принципом» мы не можем, разумеется, согласиться. Не согласился бы с ним и сам Плеханов. Слишком он был для этого крупный человек. С 1914 года мы стояли с Плехановым по разные стороны баррикады. Он выступал нашим классовым врагом, не знавшим пощады к «Циммервальду», к советам, ко всему нашему великому движению. Нашими классовыми врагами, с которыми мы находимся в состоянии прямой войны, являются единомышленники покойного, взявшие на себя организацию похорон.

На похороны Плеханова, ихнего Плеханова, несомненно, пойдет вся корниловская буржуазия, все, так называемые, «культурные» люди из буржуазного общества, которые на самом деле являются цивилизованными дикарями и выступают как оголтелые разбойники, когда вопрос заходит об их священной собственности.

Посмотрите на вчерашнюю вечернюю печать. Банковские «литераторы» из бывшего «Дня», Суворины-сыны (2), славосло-

вят Плеханова, как «своего» пророка и вождя. Хоть на одну секунду очутиться в одних рядах с этими господами — никогда и ни за что! С филистимлянами мы за один стол не садимся — эти слова так часто любил цитировать покойный Плеханов, когда он был еще социалистом. Мы поступаем по его завету.

«Центральный комитет Единства» ([3]) берет на себя организацию похорон. Кто такие эти господа из «Единства»? В лучшем случае—круглые политические нули! Но от большинства из них несет густым ароматом... Алексинского, того самого Алексинского, который в июльские дни, состоя оруженосцем Плеханова, создал грязное «дело» о «подкупе» большевиков немцами. Хоть одну секунду дышать одним воздухом с этими персонажами, — никогда!

На могиле Плеханова, если там будут произноситься политические речи, мы не услышим ни одного правдивого слова о том, что было действительно великого в деятельности почившего. Нынешние друзья Плеханова будут чтить его не за то, что он некогда был крупнейшим революционером. Они будут чтить его за то, что он на закате своих дней перешел на сторону буржуазии. Для них Плеханов ценен тем, что он разжигал войну, что он предлагал вознаградить выкупом рабовладельцев-помещиков, что он на московском «государственном» совещании «мирил» авантюриста Керенского с палачом Корниловым, что он сливался с Милюковым в травле против «циммервальдизма», что он звал рабочих на выучку к капиталистам. Пусть их! Дадим им полную «свободу» излияния их чувств. От объятий Потресова, Заславского ([4]), Амфитеатрова ([5]), мы не могли спасти Плеханова при его жизни. Не спасем мы память Плеханова от этих господ и сейчас.

Вот почему мы не пойдем на похороны нашего бывшего учителя, который на склоне своих лет перешел на сторону наших злейших врагов.

Мы повторяем, — сделаем все возможное, чтобы лучшие из сочинений Плеханова стали достоянием широких кругов народа. Мы почтем своим долгом познакомить народные массы с тем, что было великого в жизни и деятельности старого Плеханова. Но мы не сольем своих рядов с буржуазией ни на секунду. Для нас Плеханов умер в 1914 году.

Вечная память Плеханову-революционеру! Чтить память старого Плеханова-революционера при данной обстановке озна-

чает — отказаться от участия в демонстрации, устраиваемой милюковской буржуазией и корниловскими «социалистами»...

5 июня 1918 г.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) «Почему мы не участвуем в похоронах Г. В. Плеханова» — статья из «Петр. Правды» 6 июня 1918 г.

[2]) Летом 1918 г. еще выходили буржуазные газеты, которые были закрыты только обязательным постановлением комиссара печати, агитации и пропаганды от 6 августа 1918 г.

[3]) «Единство» — организация крайних правых меньшевиков, созданная Плехановым. В состав ее входил, между прочим, и клеветник Алексинский.

[4]) Заславский — публицист из «Дня», один из врагов пролетарской революции.

[5]) Амфитеатров — романист, публицист и автор фельетонов, между прочим, знаменитого в свое время фельетона «Семья Обмановых», за который поплатился ссылкой и эмигрировал. Затем скатился снова в ряды продажной прессы, был редактором протопоповской и черносотенной «Русской Воли». В настоящее время находится заграницей и обливает грязью советскую власть.

ПАМЯТИ ВОЛОДАРСКОГО [1].

Товарищи! Володарского больше нет среди нас, он не сядет за этот стол, мы никогда не увидим его больше живым.

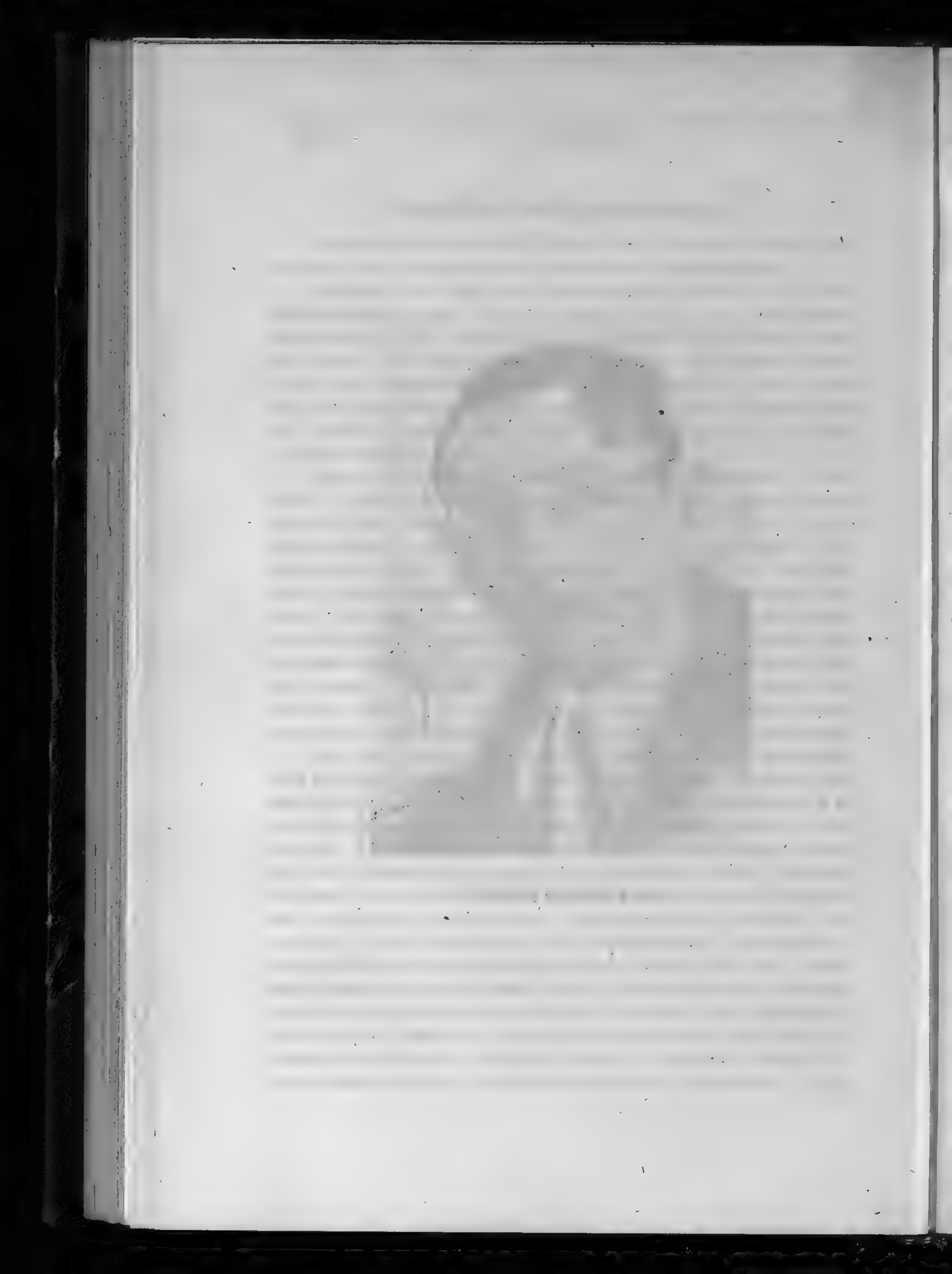
Я видел его через две минуты после того, как он был сражен предательской пулей, в момепт, когда из его простреленного сердца лилась теплая кровь, видел несколько раз после этого, и не могу, как, вероятно, и многие из вас, привыкнуть к мысли о том, что Володарский умер, что он не появится опять среди нас своей подвижной, энергичной походкой, он не появится среди нас, чтобы заразить нас своей кипучей энергией, бодростью и верой в рабочее дело.

Завтра мы опустим в могилу нашего Володарского [2]. Товарищи! Володарский был опасен нашим врагам живым, он не перестал быть опасен нашим врагам и после того, как его сразила предательская пуля. Ибо, если какие-нибудь колебания среди некоторых кругов рабочих и были, то за последние часы мы видим перелом: каждый честный пролетарий знает и всей душой верит, что это сражен честный борец, лучший среди лучших, славный среди славных. Если его вырвала насильническая рука из нашей среды, то это за то, что он был другом народа и рабочего класса, за то, что он поднял стяг, окрашенный кровью сердец рабочего класса, за то, что он был пламенным борцом рабочей революции, нашей великой пролетарской октябрьской революции.

Как часто бывает среди нас, особенно в течение последнего года жестокой классовой борьбы, мы, ближайшие соратники и часто даже близкие друзья, лично друг о друге знаем очень мало. Я не могу рассказать вам подробно биографию Володарского [3]. Я ее не знаю, у нас на эту тему не бывало разговоров. Я знаю только одно, что Володарский вышел из среды рабочего класса, он вышел из семьи простого портного и сам в течение долгих лет снискивал себе пропитание работой иглы. Он был наемным рабочим, пролетарием. Такие пролетарии, как Володарский, это именно те первые ласточки, про которых можно сказать, что они делают весну, социалистическую весну, это те ласточки, которые являются вестниками нового строя, грядущего и отчасти уже пришедшего. Рабочий класс имеет все основания гордиться тем, что непосредственно из его среды, из рядов рабочих наемного физического труда вышел человек, который умел живым словом жечь сердца

В. ВОЛОДАРСКИЙ.

сотен тысяч рабочих крестьян и солдат. Рабочие в праве гордиться тем, что из их среды выдвинулась фигура пламенного, страстного и такого верного до последней минуты борца, каким был Володарский. Вы помните слова писателя: «Славно жить в такое время, господа». Конечно, и сейчас, как ни велики голод и разруха, можно повторить эти слова: славно жить в такое время, когда мы грудь с грудью сталкиваемся с нашим классовым врагом, осуществляя мечты учителей рабочего класса, которые грезили об этом 50—60 лет тому назад, осуществляя идею, за которую кровь своих сердец отдали лучшие представители человечества и социализма. Когда посмотришь, как откликнулись рабочие на смерть Володарского, то можно перефразировать эти слова и сказать: не страшно и умереть такою смертью, какою умер Володарский, в атмосфере горячей любви, которая окружает дорогого покойника, не страшно умереть за такое великое дело, за какое умер наш Володарский.

Многие из вас были в Таврическом дворце и видели картину паломничества подлинного трудящегося народа к телу излюбленного вождя. Я никогда не забуду сцен, которые я видел вчера и сегодня в Таврическом дворце. Когда видишь, как проходят пожилые, искушенные жизнью рабочие и плачут над телом Володарского, как дети, когда видишь изможденную женщину работницу, которая кладет на гроб Володарского одинокую розочку, купленную ею наверно на последние гроши, когда видишь, как работница-мать приносит ребенка, поднимает его и шепчет ему на ухо, что это лежит Володарский, умерший за наше дело, когда видишь пожилую работницу, которая стоит минутами и гладит по голове мертвого Володарского, когда видишь слезы в глазах этих людей,—то говоришь себе: за одну слезинку одной из этих женщин, за одну слезинку пролетарского дитяти, если бы у каждого из нас было по 100 жизней, и то не грех отдать их, не раздумывая ни минуты.

Не может быть большего счастья для борца рабочего класса, как умереть окруженным такой любовью, какой окружен наш любимый, дорогой товарищ Володарский.

Товарищи, мы знаем давно, что пролетариат Петрограда особенной интимной любовью любит своего Володарского. Нет в Петрограде, я думаю, ни одного рабочего, который не слышал бы его пламенной речи, не знал бы, какое сердце бьется в груди этого борца, нет рабочего, нет трудящегося человека, который

не слышал бы этой страстной пламенной речи, от каждого слова которой веяло такой верой в грядущую революцию. Никогда не было еще так ясно, как велика и необъятна любовь ваша к Володарскому, как в эти скорбные два дня. Я должен сказать вам, что такой же горячей и беззаветной любовью любил Володарский вас, петроградских рабочих. Его здоровье, а часто и партийные поручения звали его в другие города. Ему тяжело было оставаться здесь, но он оставался и всегда говорил шутя (но в этой шутке была милая правда): «нет лучше на свете рабочих, чем рабочие Петрограда». И скажу вам по секрету: мы, его друзья, соглашались с ним, что, в самом деле, нет лучше, благороднее, самоотверженнее и революционнее, чем рабочие Петрограда.

Посмотрите на наши перевыборы: это не обычные перевыборы, не обычная борьба партий. Это — *борьба двух миров* и двух знамен, борьба в момент крестный, в момент трудный для советов, в момент трудный для рабочей революции, когда многие из наших врагов старались убедить, что петроградские рабочие отошли от советов, т.-е. иначе, отошли от самих себя, от рабочего знамени, от рабочей октябрьской революции. Но те, кто так думал, те посрамлены. Даже на заводах, которые считались оборонческими крепостями, симпатии отданы советам, рабочей власти. Последние сведения, принесенные с Путиловского завода, говорят, что единодушно проходят наши списки. Возьмите патронный завод. Вы помните, как там, по случаю того, что не пришла одна мастерская, Володарский собрал на 10 голосов меньше, чем его противники, и буржуазные газеты прожужжали уши, что это будто бы поражение Володарского.

Сегодня закончились выборы на этом заводе, выборы тайные, и они дали большинство нам: из трех голосов два — сторонникам нашей партии. Как жаль, что наш Володарский не может порадоваться с нами этой победе: это не победа какой-нибудь фракции или партии, это победа рабочего класса над сгнивающим на наших глазах буржуазным миром, который хочет нас заразить трупным ядом, который хочет нас живых задушить в своих мертвящих объятиях. Эти перевыборы — это символ того, что происходит в нашей революции. Были колебания на минуту, может быть, они будут еще, наши враги поднимают головы, но питерский пролетариат все-таки останется самым героическим во всей стране и, смею сказать, во всем мире. Он остался на том посту, на котором стоял вместе с ним такой славный борец, как Воло-

дарский. Вот почему я говорю: из наших рядов вырвана жертва большая. Во враждебных газетах тонко намекают, что это только начало, что наши враги будут итти по пути контр-революционного террора и дальше, что они будут пытаться вырывать из наших рядов того или другого вождя. Товарищи, неужели хоть на секунду кто-нибудь из нас поколеблется? Неужели кто-либо может поверить, что у людей, хоть одну минуту дышавших одним воздухом с вами в этом великом собрании и вместе с вами плакавших в Таврическом дворце по нашем Володарском, может дрогнуть сердце перед пулей врага? Пусть наши враги, как бы они себя ни называли, идут по тому пути, который они избрали, но пусть помнят, что поднявший меч от меча погибнет. То, что совершают они сейчас, есть работа каинов и палачей рабочего класса. Когда в газетах, смеющих называть себя социалистическими, обсуждают акт убийства Володарского с точки зрения «целесообразности», то хочется сказать этим людям: какую белогвардейскую душонку надо иметь для того, чтобы написать эти циничные строки о том, что, может быть, это был одиночка-мститель, одиночка-революционер, который поступил так же нецелесообразно, как поступали нецелесообразно при царизме отдельные террористы.

Рабочую власть эти господа сравнивают с царизмом, и эти господа ставят вопрос только о том, целесообразно бы было или нет убрать из наших рядов человека, который самыми интимными нитями и не чем другим, как только словом и только преданностью красному знамени, сумел связать себя с сердцами сотен и сотен тысяч угнетенных пролетариев. Когда говорят о том, что это был, может быть, «одиночка - революционер», то как мало нужно иметь стыда, чтобы написать эти бесстыжие слова. Да, может быть, это был одиночка, во всяком случае не революционер, а *контр-революционер*, это был *палач* рабочего класса, это был «одиночка», в жилах которого течет кровь генерала Корнилова (4) и Галифе (5), а не кровь рабочего класса.

Товарищи, пусть наши враги идут по тому пути, который они избрали. Вчера, в первый момент, когда разнеслась весть по городу, к нам приходили делегации от отдельных заводов и говорили: «Мы не желаем сегодня работать». Когда я спрашивал — почему? — они отвечали мне: «Потому, что не хотим ждать, пока вас поодиночке, вас, наших вождей, перебьют бело-

гвардейцы. Мы хотим показать им, что такое диктатура рабочего класса, мы хотим немедленно реагировать». Так говорили нам рабочие. Мы боролись против этого настроения. Я не знаю: может быть это была ошибка с нашей стороны, — *я этого не думаю.* Я думаю, что мы были правы, когда мы встали и сказали: нет, только через наши трупы вы совершите эти необдуманные поступки, мы требуем, чтобы никаких эксцессов не было. Не будем поддаваться этому законному чувству. Здесь, собравшись в зале, мы, за плечами которых сейчас стоят в Петрограде сотни тысяч рабочего населения, мы скажем, что нам не страшны эти террористические акты, эти подлые покушения. Пусть идут по этому пути наши враги и вырывают отдельные жертвы из нашей среды, — они будут отомщены тем, что их класс, их партия, их идеология, их вожди — все это будет сметено окончательно в мусорную кучу истории, затоптано каблуком нашего рабочего класса, который подымается на глазах не только у всех нас, но и в других странах, который подымается и даст бой всем белогвардейцам, как бы они себя ни называли и какие бы эполеты ни носили на своих плечах.

Перевыборы идут к концу, и ясно, что последнее оружие вырвано из рук наших противников, посрамлены те, которые думали, что рабочие с нами не стоят. Опять и опять доказано, что рабочие с нами и что с нами стоит все честное в пролетариате. Тем не менее вы можете быть глубоко убеждены, что враги наши скажут, что эти перевыборы ничего не говорят — так же, как они говорили это и в Москве. Выборы не решили борьбы. Эти господа скажут завтра так же, как они говорят уже и сегодня, что эти выборы не верны, фальшивы, и они, может быть, уйдут из Совета. Мы будем рады-радехоньки, если эти господа уйдут из наших рядов, как они уходили между октябрем и апрелем. Я не думаю, чтобы страницы, вписанные в историю нашим Петроградским Советом, пострадали от того, что в нашей среде в названные месяцы не было людей, которые убийство Володарского обсуждают только с точки зрения целесообразности. Пусть уходят. По поводу завтрашних похорон я скажу: у меня одна просьба к ним: не ходите на похороны, господа, которые обсуждают вопрос об убийстве Володарского с точки зрения целесообразности. Мы не желаем, чтобы хоть один из вас был там и дышал тем воздухом, которым мы будем дышать, провожая бездыханное тело нашего любимого вождя.

Петроградский пролетариат в эту трагическую минуту показал, что все комплименты, которые ему говорили до сих пор, не были только комплиментами, а были сущей истиной. Наши ряды в Петрограде стали менее многочисленны, нас разбросали по всей России, снимали по несколько раз целые пласты наших рабочих. Тем не менее то, что осталось в Петрограде, это есть цвет российского и, смею сказать, мирового пролетариата.

Когда мы вам говорили и когда тов. Володарский так много раз и с такой пламенной верой говорил о том, что социалистическая революция грядет, то люди, которые очень легко верят в триумф чехо-словаков и белогвардейцев, никогда не могли поверить в то, что наступает триумф рабочего класса. Они говорили нам это, это-де синяя птица, которую вы нам сулите, вы губите страну, социализма же никогда не будет. Но история захотела, чтобы в тот день, когда мы будем опускать тело Володарского в могилу, мы увидели, что начинается новая волна, новая буря. Вы читали в оборонческих газетах сообщение о стачке 200 тыс. рабочих в Париже, сообщение о продовольственных беспорядках в Болгарии, вы знаете о начавшихся беспорядках в Познани и Силезии и вы знаете о том, что в Австрии положение колеблется и министр выпустил воззвание, что есть злонамеренные люди, которые зовут к революции. Вы знаете, что Италия закипает борьбой за социализм, так как другой борьбы быть не может.

Из наших рядов, быть может, вырвут еще многих, но наш класс, наше поколение, наш Совет в целом доживут до осуществления того, о чем мечтал Володарский и в чем была его сила и обаяние.

Бебель говорил: «Господа буржуа не могут понять, в чем заключается подлинное обаяние социализма, они думают, что сила соц.-демократии заключается будто бы только в том, что она стремится к непосредственному улучшению будничной жизни, т.-е. пятак на рубль и т. д., а все остальное—это-де идеология, фантазия, мишура». Старый Бебель, в груди которого билось сердце истинного социалистического борца, он так же вышел из рабочего класса, как и Володарский, он умел понять, что дал бы социализм рабочему классу, и он говорил: «Господа буржуа, вы совершенно не понимаете души рабочего класса и того, что для него значат социализм и коммунизм. Эта так называемая мечта о социалистическом рае, то, что вы называете социалистической сказкой,

во что вы не верите, а во что рабочий класс верит всеми силами души, чем он живет, для чего борется, для чего все остальное является маленькой переходной ступенью,—вот что влечет рабочих к социализму».

Товарищ Володарский выдвинулся, стал крупною фигурой, был поднят волною, когда наочереди был поставлен вопрос об осуществлении этой золотой сказки, этой мечты о царстве социализма. Путь наш усеян терниями, путь, который мы проходим в тяжелой обстановке войны, есть путь тяжелый, но путь этот все-таки намечен, и путь этот — социализм. Тов. Володарский страстною любовью любил петроградский рабочий класс, и сегодня я глубочайше убежден, что я говорю в духе того, что сказал бы вам сам Володарский, если я закончу свою речь восклицанием, которое всегда было в его душе—если не в его устах: «Да здравствует петроградский пролетариат, да здравствуют петроградские рабочие, лучше, чище, благороднее, мужественнее и революционнее которых мы не знаем и которые победят вместе с рабочими других стран!»

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Речь на заседании Петроградского Совета 22 июня 1918 г., изданная в специальной брошюре «Венок коммунаров» в 1918 г.

[2]) В. Володарский был убит 20 июня 1918 г., похоронен на Марсовом поле 23 июня.

[3]) В. Володарский (М. М. Гольдштейн) родился в 1891 г. в местечке Острополе Волынской губ. С 1905 г., будучи еще 14-летним мальчиком, он уже начал принимать участие в революционной работе, вступив сначала в Малый Бунд, а затем в Спилку (украинская с.-д. партия): в 1908 г. он впервые попал в тюрьму, но вскоре был освобожден по недостатку улик. Продолжая работать, главным образом, в качестве агитатора, в 1911 году тов. Володарский снова был арестован и сослан на 3 года в Архангельскую губ. В 1913 г., преследуемый полицией, он эмигрировал в Северную Америку, где вступил в американскую соц. партию и во все время своего пребывания энергично и неустанно работал в качестве агитатора, пропагандиста и журналиста, издавая в Нью-Йорке, вместе с Бухариным и Чудновским, интернационалистический журнал «Новая Жизнь». После февральской революции, в мае 1917 г. тов. Володарскому удалось через Англию вернуться в Россию, в Петроград. Здесь он примкнул к существовавшей тогда «междурайонной организации социал-демократов» и с самого начала стал на сторону слияния этой организации с большевиками; но слияния тогда еще не произошло, и тов. Володарский вступил в ряды большевиков. Еще неизвестный в то время как партийный работник, он был прикомандирован к Петергофско-Нарвскому району в качестве агитатора, но, благодаря своему прирожденному ораторскому даро-

ванию, тов. Володарский вскоре выделился из среды рядовых работников. Его избирают в Петроградский Комитет, затем в Исполнительную комиссию. После июльских дней он вступает в Петроградский Совет и Центральный Исполнительный Комитет, тогда еще оборонческий. Когда же большинство Петроградского Совета перешло на сторону большевиков, тов. Володарский был избран членом его президиума, которым и остался до последних дней своей жизни. Затем он был избран членом президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, участвовал во 2-м и 3-м съездах советов, а на 4-м съезде был председателем. По инициативе тов. Володарского была основана «Красная Газета», которую он и редактировал. После отъезда Совета Народных Комиссаров в Москву, тов. Володарский был назначен комиссаром печати, пропаганды и агитации. На этом посту он был особенно нетерпим для врагов Советской власти и, по постановлению партии с.-р., был убит рабочим Сергеевым. На суде над с.-р. вскрылась вся картина слежки за вождями революции, покушений на них и смерти тов. Володарского.

[4]) Корнилов—генерал царской армии, действовавший заодно с Керенским и поднявший дутое восстание против Временного Правительства. На самом деле он стремился напасть на Питер, при помощи преданных ему и контр-революционных войск, организовать массовую экзекуцию рабочих и тогда, вместе с другими контр-революционерами, объявить себя диктатором. План рушился, так как Керенский испугался и предал Корнилова. После этого Корнилов ушел на Дон и был там душой контрреволюции. Погиб при осаде Краснодара.

[5]) Галифе—знаменитый палач Парижской Коммуны, прославившийся жестокостью.

КАРЛ ЛИБКНЕХТ И РОЗА ЛЮКСЕМБУРГ [1].

Роза Люксембург [2] принадлежит к числу тех немногих единиц в современном поколении рабочего движения, которым выпало на долю величайшее счастье: послужить не только популяризаторами идеи Маркса, но и поработать дальше, сказать свое новое слово в области теории марксизма.

Роза Люксембург стоит в ряду немногих деятелей Третьего Интернационала, соединивших в себе качества пламенного агитатора, блестящего политика и вместе с тем одного из крупнейших теоретиков и литераторов марксизма. Обладая всеми этими первоклассными достоинствами, Роза Люксембург работала на поприще рабочего движения не менее четверти века.

Роза Люксембург начала свою работу молодой девушкой в Польше и перенесла ее затем в Германию; она работала также в России. Она была подлинным воплощением интернационалиста.

Я помню беседы с Розой Люксембург в 1906 году в деревне Куоккала на маленькой квартире тов. Ленина, находившегося тогда в полуэмиграции после того как первая революция была уже разбита.

Первый, кто стал подводить теоретически итоги этой подавленной революции, первый деятель марксизма, который понимал, что такое были наши Советы уже в 1905 году, хотя они только еще зарождались, первый европейский марксист, ясно представивший себе ту роль, которая предстоит массовым революционным стачкам в сочетании с вооруженным восстанием,—была Роза Люксембург.

Ее блестящие книжки и статьи о массовой стачке, ее речи в Иене [3] на германском социал-демократическом конгрессе, состоявшемся в момент нашей революции, ее указания на ту роль, которую предстоит сыграть Советам Рабочих Депутатов—все эти указания, сделанные десяток слишком лет тому назад, имели колоссальное историческое значение.

Розе Люксембург принадлежит величайшая заслуга, которую она делит с нашим товарищем и учителем — Лениным, — формулировать в 1907 году на международном Штуттгартском социалистическом конгрессе основную идею, за которую погибли Либкнехт и Люксембург и за которую борется сейчас всё, что есть честного и героического в международном рабочем классе.

В 1907 году на Штуттгартском конгрессе два мира стояли друг против друга. Бернштейн и ревизионисты, как их называли тогда, утверждали, что, в сущности, рабочий класс не должен отвергать так называемую колониальную политику или империализм (как выразились бы мы теперь), а проводить ее, как говорили, в культурных формах и ради культуры. Даже Бебель, который на склоне лет сделал много уступок правому крылу социал-демократии, даже Бебель колебался. И лишь небольшая группа марксистов, во главе которой стояли Ленин и Роза Люксембург, сказали в 1907 году, одиннадцать лет тому назад: империалистическая бойня грядет, буржуазия всех стран ведет все человечество навстречу этой неминуемой катастрофе.

Какова же будет задача рабочих-революционеров, когда преступная рука буржуазии приведет Европу к этой империалистической бойне? И Люксембург с Лениным отвечали: задача будет заключаться в том, чтобы использовать весь кризис экономический и политический, какой создастся в результате войны, для того, чтобы поднять массы на борьбу против капиталистического строя!

Другими словами, они сказали тогда: задача будет заключаться в том, чтобы империалистическую войну превратить в войну гражданскую — в войну рабочих, крестьян и солдат против буржуазии, против виновников войны!

Роза Люксембург, в рядах старой, казенной, официальной германской социал-демократии, без устали и с величайшим талантом, боролась именно за эту основную идею: первая била она тревогу в рядах германской социал-демократии и на всех съездах требовала признания массовой политической стачки, тогда как даже лучшие из тогдашних вождей германской социал-демократии не хотели о ней и слышать.

Не раз упрекала она самых стойких вождей германской социал-демократии, при обсуждении вопросов иностранной политики, что, когда дело идет о принятии резолюций, социалисты очень радикальны, а когда доходит до подлинной борьбы против войны и против правительства, вызывающего эту войну, тогда все «прячутся в кусты». Эти ее слова казались в те времена величайшей дерзостью: германская социал-демократия была в апогее своей славы.

Каждый питерский рабочий, стоящий в рядах революции несколько лет, знает, что раньше, когда еще никто не смел критиковать германскую социал-демократию, когда она казалась образ-

дом во всех отношениях, Роза Люксембург громко заявляла уже, что партия гниет на корню.

Я превосходно помню Иенский съезд германской социал-демократии, происходивший в 1911 году; Роза Люксембург скрестила тогда шпагу с Августом Бебелем, который в то время склонялся вправо, в сторону старой партии, объявившей Розе Люксембург войну за то, что она обличала социал-демократию и указывала на присутствие элементов шовинизма в политике Ц. К. партии. А вы знаете, каким недосягаемым авторитетом пользовался Бебель в рядах германской социал-демократии; на этом съезде он, выступая с величайшей резкостью против Розы Люксембург, чуть ли не требовал ее ухода из партии. Только небольшая группа, во главе с Кларой Цеткин, была заодно с Розой Люксембург и сидела с ней рядом, когда на нее сыпались упреки. Розу Люксембург не хотели слушать, но она сумела заставить себя слушать; она приняла бой, подняла перчатку, брошенную ей Бебелем, лучшим из представителей Второго Интернационала, она заставила этот съезд, наполовину состоявший уже тогда из лавочников и предателей социализма, произнести слово «Интернационал».

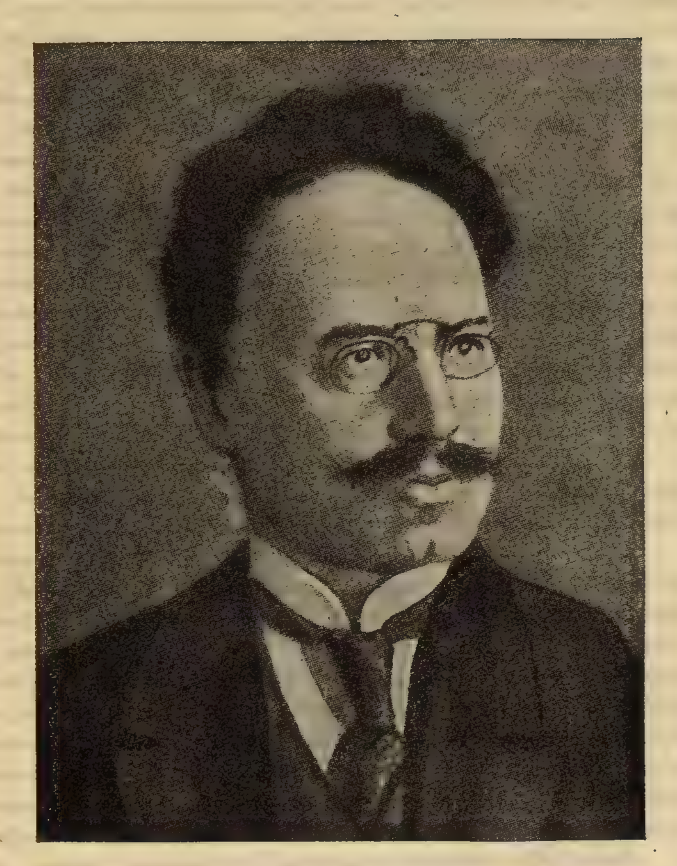
Роза Люксембург будила революционную тревогу, она требовала честности и верности знамени Интернационала.

Не изменила она себе и во время войны. В течение всей войны, можно сказать, ни одного месяца не провела она на свободе, — Вильгельм со своей шайкой и Шейдеман с братией играли с ней, как кошка с мышью,—выпускали на несколько дней, а через некоторое время опять забирали и сажали в тюрьму, выдумывая разные обвинения, создавая процессы. Они знали, что одним из самых опасных врагов буржуазии, можно без преувеличения сказать, была и осталась Роза Люксембург.

Карлу Либкнехту принадлежат, разумеется, не меньшие заслуги. Он тоже около четверти века стоял в рядах революционеров. Карл Либкнехт, — об этом говорил вам и тов. Троцкий, — всю революцию 1905 года пережил вместе с нами.

Либкнехт принадлежал к числу немногих смельчаков в рядах германской социал-демократии, которые десять лет тому назад требовали, как тогда выражались, «антимилитаристической» пропаганды, т.-е. революционной пропаганды среди войск.

Надо перенестись, товарищи, в тогдашнюю атмосферу прилизанной и благопристойной социал-демократии и Второго Интернационала, где требование Либкнехта казалось безумием. Сам

КАРЛ ЛИБКНЕХТ.

Бебель, знавший Либкнехта с детских лет и любивший его, как сына, в резких выражениях обрушился на него за это «авантюристическое», по его мнению, предложение. Как это так, итти к солдатам проповедывать социализм! Германская социал-демократия находила, что только авантюрист может это предлагать! Боялись, что социал-демократия потеряет через это легальность, что буржуазия обидится, что буржуазия и правящие классы найдут, что германская социал-демократия перестала быть государственной!

Либкнехт один из первых поплыл против течения. И ему удалось сломить лед. За свою знаменитую книжку. «Против милитаризма» он высидел в тюрьме не один десяток месяцев. Он был основателем союза интернациональной молодежи, которому принадлежит великое будущее. Мы знаем, какую громадную роль сыграла молодежь в нашей революции; такую же роль сыграла она и в германской, и в международной. Все, что есть молодого, свежего, честного и революционного, бодрого и благородного в рабочем классе, сгруппировалось вокруг знамени союза молодежи, одним из основателей которого был Либкнехт.

Либкнехт был на плохом счету у вождей Второго Интернационала еще до начала войны, а с началом войны попал в безусловно подозрительные.

Лично он не участвовал в Циммервальдской конференции, потому что был мобилизован; его отправили на фронт в расчете, что шальная пуля уберет этого опасного врага буржуазии. На Циммервальдскую конференцию Либкнехт прислал нам письмо, которое кончалось знаменательными словами в ответ на лозунг, который бросили тогда в начале войны Шейдеман и его братия: «Гражданский мир, перемирие между классами, между волками и овцами, между буржуазией и рабочим классом, между палачами-монархами и солдатами и крестьянами». Таков был оффициальный лозунг германской социал-демократии. Последняя фраза в письме Либкнехта звучала так: «Товарищи, наше дело сказать теперь — не гражданский мир, а *гражданская война*, вот пароль наших дней».

Либкнехт в единственном числе голосовал против военных кредитов в германском рейхстаге, и голос его раздавался на весь мир.

Не забудем еще, что во Франции, где буржуазия подняла особенно сильную волну шовинизма, где все немецкое в 1915-м году проклинали, где заразили рабочих и солдат необыкновенным чело-

вконенавистничеством, имя Либкнехта произносилось с любовью! Мы знаем только один пример из французской истории, когда германский социалист пользовался такой любовью французских рабочих: я говорю о Фридрихе Энгельсе.

В начале войны, в 1915-м году, во Франции проклинали все немецкое. Немецкий пролетариат изображался сбродом разбойников. Старались представить дело так, что будто бы политика Шейдемана и есть последовательное проведение учения Маркса. Об этом печатались десятки статей в самых распространенных буржуазных газетах и издавались целые брошюры на тему о том, что К. Маркс сам был всегда пангерманистом, сторонником «великой» буржуазной Германии. И когда вся официальная, так называемая социалистическая партия Франции отдалась этому шовинистическому течению, престарелый Вальян, старый коммунар, на старости лет подавший свою руку дьяволу оборончества, все-таки не стерпел, когда стали задевать в газетах Энгельса. В то время готовый в ложке воды утопить каждого немца, он выступил со статьей, в которой говорил: в Германии было только два немца, которые после франко-прусской войны остались интернационалистами — Маркс и Энгельс.

Таким же доверием и такой же популярностью пользовался в последние годы во Франции Карл Либкнехт. Есть документ, — и, вероятно, их много, — свидетельствующий о любви во Франции к Карлу Либкнехту. После одной страшно неудачной для французов перестрелки в 1915 г., французские фронтовики собрались в кружок, развели огонь, и уцелевшие солдаты — среди коих было много интеллигентных французских рабочих, — стали обсуждать свою участь и думать о том, что ждет их дальше. И вот в это время раздалось раздумчивое восклицание какого-то солдата: «А есть же на свете все-таки люди, которые борются против этого ада, есть даже одиночки, которые одни выходят на дорогу мировой истории и провозглашают «долой войну». На что другой французский солдат произнес: «Да, *Карл Либкнехт*». В 1915-м году, в окопах, там, где особенно старались разжечь шовинизм, во Франции, которая вся была объята пламенем шовинизма и ненавидела все немецкое, четыре года тому назад лучшие люди, лучшие солдаты, лучшие рабочие с благоговением упоминали имя Карла Либкнехта.

Теперь представьте себе, какою болью отзовется в сердцах и германских, и французских рабочих весть, что Карла Либкнехта

нет больше в живых. Представьте себе, какой могущественной пропагандой идеи коммунизма послужит сама смерть такого человека, каким был Карл Либкнехт.

Когда Карл Либкнехт вышел из тюрьмы, из этого каменного мешка, когда его вырвало оттуда разбушевавшееся рабочее движение, то первым движением его души было: вспомнить о рабочем классе страны, в которой этот класс поднял знамя Коммуны и которому выпало на долю величайшее счастье победить. К. Либкнехт прежде всего вспомнил о нас, о русской революции, и отправился прямо к цели, к зданию русского посольства, где в то время еще были наши товарищи, обнажил голову перед этим зданием и сказал, что посылает «братский привет первому правительству мозолистой руки».

Карл Либкнехт и Роза Люксембург все время чувствовали самую интимную и братскую связь с нашей революцией. Именно за это они стали особенно ненавистны берлинской социал-демократии. В данный момент Шейдеман и его шайка, Эберт и его правительство живут исключительно милостями богатого дяди Вильсона и французских империалистов, которые надеются удержать волну большевизма. Правительство Шейдемана пользуется благоволением международных разбойников только постольку, поскольку оно выступает на борьбу против русской революции.

Вы помните недавний диалог между французским и немецким генералами. Французский генерал упрекал немецкого генерала за то, что будто бы в оккупированных местах под Ригой немецкие войска помогают нам, большевикам. Германский генерал ответил: «ваше превосходительство, как вы не понимаете, что ваше обвинение ни на чем не основано? Германия ближе к России, стало быть большевизм для нас опаснее, чем для вас». Видите, эти люди в беседе между собой не скрывают, в чем дело.

Карл Либкнехт и Роза Люксембург были ненавистны им за то, что они защищали смело, ярко и талантливо все, что есть лучшего в русском пролетариате; они были преданы русской революции и хотели итти по ее стопам.

Хотите знать, за что именно убили Розу Люксембург? Прочитайте ее речь на съезде спартаковцев, произнесенную 31 декабря 1918 г. Роза Люксембург обвиняла Шейдемана и его шайку в желании помочь удушить русскую революцию. Она сказала: «Смотрите, что делается в Риге и в оккупированных местах. В Риге, благодаря гнусности Шейдемана и работе немецкого

вождя профессиональных союзов Августа Виннига, немецкие пролетарии совместно с войсками союзников и балтийскими баронами выступают против русских большевистских войск. Это настолько гнусно, что я смело и спокойно заявляю, что немецкие вожди профессиональных союзов и немецкой социал-демократии — величайшие негодяи».

Вот что она бросила им прямо в лицо! Роза Люксембург прибавила: «В нашем теперешнем Шейдемановском правительстве сидят не только изменники пролетарской революции, но и подлинные уголовные преступники!»

Очевидна теперь ненависть этих вождей германского пролетариата! Вся надежда мировой буржуазии сосредоточена на том, чтобы каким-нибудь барьером отделить рабочих одной страны от рабочих другой страны, а главное, — отделить от рабочих России, которые победили свою буржуазию. И они сосредоточивают все свои силы, всю свою кровожадность против людей, которые расширяют рамки революции, которые являются интернационалистами, которые учат германских рабочих итти по стопам российского коммунистического рабочего класса. Вот за что погибли Роза Люксембург и Карл Либкнехт и вот за что их любят русские рабочие и крестьяне, которые в целом ряде волостей старались назвать свои села — «селом Карла Либкнехта». Эти крестьяне, эти рабочие и солдаты будут чтить вечно имена Карла Либкнехта и Розы Люксембург.

Товарищи, нам здесь приходится тяжело. Нам особенно тяжело последние недели. Нам будет, быть может, еще более тяжело в ближайшие месяцы. В момент, когда нам будет особенно тяжко, когда нашим красноармейцам придется где-нибудь под Архангельском или на каком-нибудь другом отдаленном фронте в холоде, плохо одетому и обутому, лежать в цепи и отстреливаться от империалистической банды; или когда нашей работнице придется возвращаться к голодным детям с восьмушкой хлеба, или придется преодолевать те или другие новые напасти, — в этот тяжелый момент мы будем вспоминать Карла Либкнехта и Розу Люксембург.

За что боролись германские коммунары, чего добивались германские рабочие, чего добивались их величайшие вожди — Либкнехт и Люксембург? Они добивались того, что у нас с вами уже есть. Они прекрасно сознавали значение победы, которую они могли одержать. Победи они завтра, — это еще не значило

Роза Люксембург в Варшавской тюрьме.

бы, что рабочие Берлина получат по два фунта хлеба, и в Берлине будет продовольствие, и там потекут молочные реки в кисельных берегах. Берлинские коммунары знали, как и питерские рабочие в октябре прошлого года, чрез что им предстоит пройти после взятия власти. Быть может — несколько лет тяжелых лишений, борьбы, голода, голодной смерти! Это они превосходно знали. И они не обманывали берлинских рабочих и не говорили, что если завтра победят коммунары, то завтра же все будут сыты.

Нет, они говорили: вас будут ждать новые бои. Это особенно подчеркивала Роза Люксембург. Она говорила: «Мы стоим у начала новой борьбы. Впереди — ряд месяцев, а, может быть, и лет тяжких испытаний, лишений, борьбы».

Берлинские коммунары знали, на что они идут; они шли на это, и легли сотнями, они отдали лучших своих людей. Кто сейчас, после смерти Либкнехта и Люксембург станет думать о своей личной жизни?

Когда рабочий класс так щедро жертвует своею кровью, отдает лучшее, что есть у него, не задумываясь ни на секунду, неужели рядовые участники движения будут колебаться? Неужели наш класс, под влиянием каких бы то ни было лишений, каких бы то ни было бедствий, поколеблется хоть на один момент?

Берлинские рабочие не отстают от петроградских и московских, а сейчас являются сосредоточием пролетарской борьбы во всей вселенной. Они пошли по нашему пути, они легли тысячами, и завтра еще лягут тысячами во имя завоевания того, что уже есть в Петрограде и в Москве, и в Советской России.

Это ли не величайшее удовлетворение для рабочих, для крестьян и красноармейцев Советской России? Лучшее, что есть в человечестве, идет по нашему пути, видя неизбежность и верность этого пути. Тяжело нам было вчера, товарищи, и тяжело сегодня, тяжело нам в эти дни. Вместе с тем не подлежит сомнению, что кровь Либкнехта и Люксембург ускорит созревание мировой социалистической революции!

Товарищи, так же, как чувствуем мы в этом зале, так же, будьте уверены, вчера и сегодня чувствуют рабочие и работницы всего мира. Неужели вы можете сомневаться в том, что парижские рабочие и работницы, имеющие такие благородные революционные традиции, — людей, которые в 1915 году с благоговением произносили имя Карла Либкнехта, — неужели вы можете

сомневаться, что они, подобно нам, преисполнены решимости бороться до конца и что у них так же сжимаются кулаки и они говорят: «Отмстим за священную кровь Карла Либкнехта и Розы Люксембург!»

Так говорят теперь и рабочие всего мира. Преступление, совершенное Шейдеманом и Эбертом, будет стоить им дорого. Я убежден, что сейчас лучшее, что есть в германском пролетариате, твердит себе: «Неужели мы еще хоть один час потерпим у власти буржуазных убийц, называющих себя социал-демократами, убивающих Карла Либкнехта и Розу Люксембург — гордость международного пролетариата?»

Теперь мы видим результаты преступной политики господ Шейдеманов.

На первый взгляд, может быть, покажется непонятным, что случилось в Германии. Там ведь у власти стоит все же правительство, которое называет себя правительством социалистической республики.

Роза Люксембург, со свойственной ей ясностью, в нескольких словах обрисовала положение в Германии в последней своей речи. Случилось вот что: германская социал-демократия, уже много лет игравшая реакционную роль в истории, сумела через свой чиновно-бюрократический аппарат захватить Советы, узурпировать их права, навязать им свою политику, забрать все в свои лапы. Эти господа немедленно вырядились в сторонников Советской власти, захватили бразды правления, и рабочим Германии для того, чтобы прийти к власти, надо перешагнуть через труп так называемой социал-демократии.

Шейдеман и Эберт созывают теперь свою учредилку.

Товарищи, мы разогнали учредительное собрание ровно 12 месяцев тому назад. Смотрите, как оценивает нашу политику международный пролетариат. Кто стоит за учредилку в Германии? Стая банкиров, шайка Вильгельма, шайка убийц Либкнехта и Люксембург. Не прошло месяца, как германский пролетариат заявил: «Только через наши трупы вы придете к учредительному собранию». Буржуям кажется, что германский пролетариат — это труп, через который они перешагнут и дойдут до учредилки. На самом же деле, трупом является старая, сгнившая социал-демократия, превратившаяся в буржуазных палачей. Рабочие Германии перешагнут через нее, и мы вместе с ними придем к полной победе Третьего Интернационала!

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) «Карл Либкнехт и Роза Люксембург» — речь на заседании Петроградского Совета 18 января 1919 года, изданная особой брошюрой вместе с речью тов. Троцкого.

[2]) Родилась в 1870 г., убита 13 января 1919 года.

[3]) Иенский съезд германской социал-демократии в 1911 г.

ФРАНЦ МЕРИНГ [1].

Еще одна печальная весть получена нами из Германии. 3 февраля в Берлине скончался патриарх германского коммунизма Франц Меринг.

Поистине,—у богатого недруги мрут, у бедного друг умирает...

Карла Либкнехта и Розу Люксембург убили злодеи, называющие себя «социал-демократами». Франца Меринга унесла в могилу болезнь, роковой исход которой, конечно, ускорился тем палаческим походом, который предприняли Шейдеман и компания против германского рабочего класса.

Франц Меринг родился в 1846 году. Ему было теперь уже 73 года. Тем не менее, до последнего времени Франц Меринг сохранил бодрость духа, и друзья, шутя, называли его самым молодым из германских коммунистов.

Меринг родился в состоятельной буржуазной семье и получил вполне буржуазное воспитание. Первые годы своей деятельности он проводит в рядах буржуазии; в течение нескольких лет он ведет даже активную борьбу против тогдашней германской социал-демократии.

В 80-х годах в мировоззрении Франца Меринга происходит резкий перелом. Меринг переходит на сторону рабочего класса.

И это крайне характерно для Меринга: он сближается с германской социал-демократией как раз тогда, когда эта последняя подвергается самым жестоким гонениям со стороны германского правительства и со стороны германской буржуазии. Как раз в годы исключительного закона против социалистов, когда от германской социал-демократии отшатнулись все случайные пришельцы, когда все так называемые «порядочные» люди считали своим долгом клеветать на германскую социал-демократию, когда интеллигенция бежала от рабочей партии, как от чумы, — как раз в это время Франц Меринг счел своим долгом поддержать гонимую, осыпаемую клеветой и преследуемую буржуазной злобой рабочую партию.

Франц Меринг входит в германскую социал-демократию. Через несколько лет он занимает в ней одно из самых выдающихся мест наряду с Бебелем, Вильгельмом Либкнехтом, Зингером. Блестящий публицист, он становится грозой буржуазной прессы. Его удары всегда бывали метки. Его памфлеты против Штеккера [2] (1882 г.) и против пресловутого Евгения Рих-

тера (3) (1882 г.) сразу завоевывают ему выдающееся место в германской журналистике. Каждый политический памфлет Франца Меринга становится крупнейшим литературным, а зачастую и политическим событием. Каждая статья Меринга больно бьет противника. Каждая литературная стрела этого выдающегося бойца вседа метко попадает не в бровь, а в глаз противнику.

Меринг был и крупным теоретиком марксизма. В его лице мы видим редкое сочетание блестящего памфлетиста, несравненного политического журналиста. Меринг считался первым журналистом в Германии, выдающимся историком и теоретиком, почти ученым. В области исторического исследования Франц Меринг дал нам блестящие образцы материалистического объяснения истории. Замечательная работа Меринга «Ди Лессинг-Легенде» (4) является, несомненно, одним из шедевров материалистической историографии и марксистской литературной критики.

Особенно широкой известностью пользуется работа Меринга «История германской социал-демократии» (5). Эта книга не свободна от ошибок. Так, оценка Мерингом всей позиции Лассаля (6) в той ее части, в которой она не совпадала с позицией Маркса, неоднократно и вполне правильно подвергалась критике. Меринг не хотел признать всей правоты Карла Маркса в его борьбе против некоторых сторон учения Лассаля (вопросы о «патриотизме» и т. п.). Несмотря на это, упомянутая работа Меринга является ценнейшим вкладом в историю международного рабочего движения.

В 90-х годах, с начала борьбы между ревизионистами и марксистами, Франц Меринг сразу, без колебаний, занимает позицию противника ревизионизма. Вместе с Розой Люксембург, с Каутским (7) и Парвусом (8) (Каутский и Парвус тогда еще были социалистами) Франц Меринг открывает литературный поход против соглашателей тогдашнего времени—ревизионистов. Удары, которые наносил Меринг ревизионизму, всегда были для них особенно роковыми.

Долгое время Франц Меринг редактирует газету лейпцигских рабочих «Лейпцигер Фольксцейтунг» (Лейпцигская Народная Газета). Это были годы литературного расцвета деятельности Меринга. Он поднимает лейпцигскую газету на недосягаемую высоту. Благодаря его работе, орган лейпцигских рабочих занимает первое место во всей мировой социалистической печати.

Затем Франц Меринг является одним из редакторов и самым выдающимся сотрудником научного журнала германской социал-

демократии «Ди Нейе Цейт» (Новое Время). Передовые статьи Мерннга, подписывавшегося в этом журнале не своим именем, а значком, изображавшим стрелу, всегда являлись образцом литературного изящества и, вместе с тем, принципиальной выдержанности.

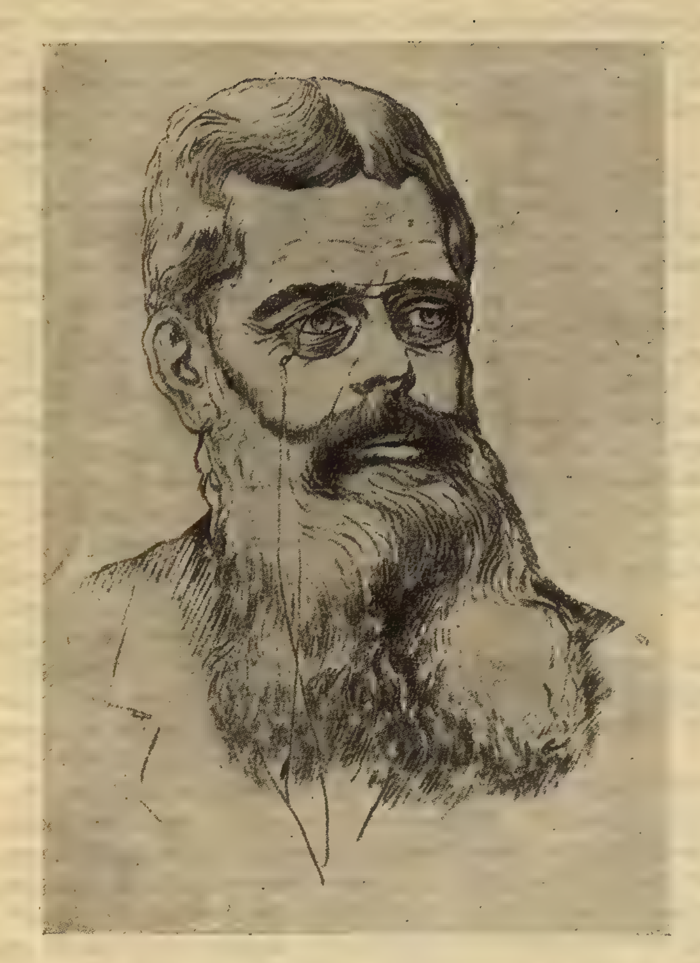
В 1909—10 г.г. главный редактор «Die Neue Zeit» Карл Каутский начинает поворачивать направо. Каутский пытается создать среднюю группу, группу центра. Каутский начинает вилять между сторонниками Розы Люксембург и сторонниками ревизионистов — Бернштейна (9), Давида (10) и компании. В течение короткого периода времени Франц Меринг занимает нейтральную позицию в этой борьбе. Но уже очень скоро Франц Меринг убеждается, что Каутский отходит от позиций марксизма и постыдно выдает марксистское учение на поругание буржуазным лакеям, называющим себя социал-демократами. Тогда Франц Меринг, не колеблясь, объявляет войну своему долголетнему сотруднику Карлу Каутскому. Постепенно борьба обостряется, и, наконец, Франц Меринг окончательно порывает с бесхарактерным Каутским и его группой.

Уже до начала войны германские большевики образуют «леворадикальную», как ее называли в Германии, группу. Первыми признанными теоретиками этой группы выступают Франц Меринг, Клара Цеткин и Роза Люксембург. В ближайшее время к этой группе, как один из ее политических вождей, примыкает и Карл Либкнехт.

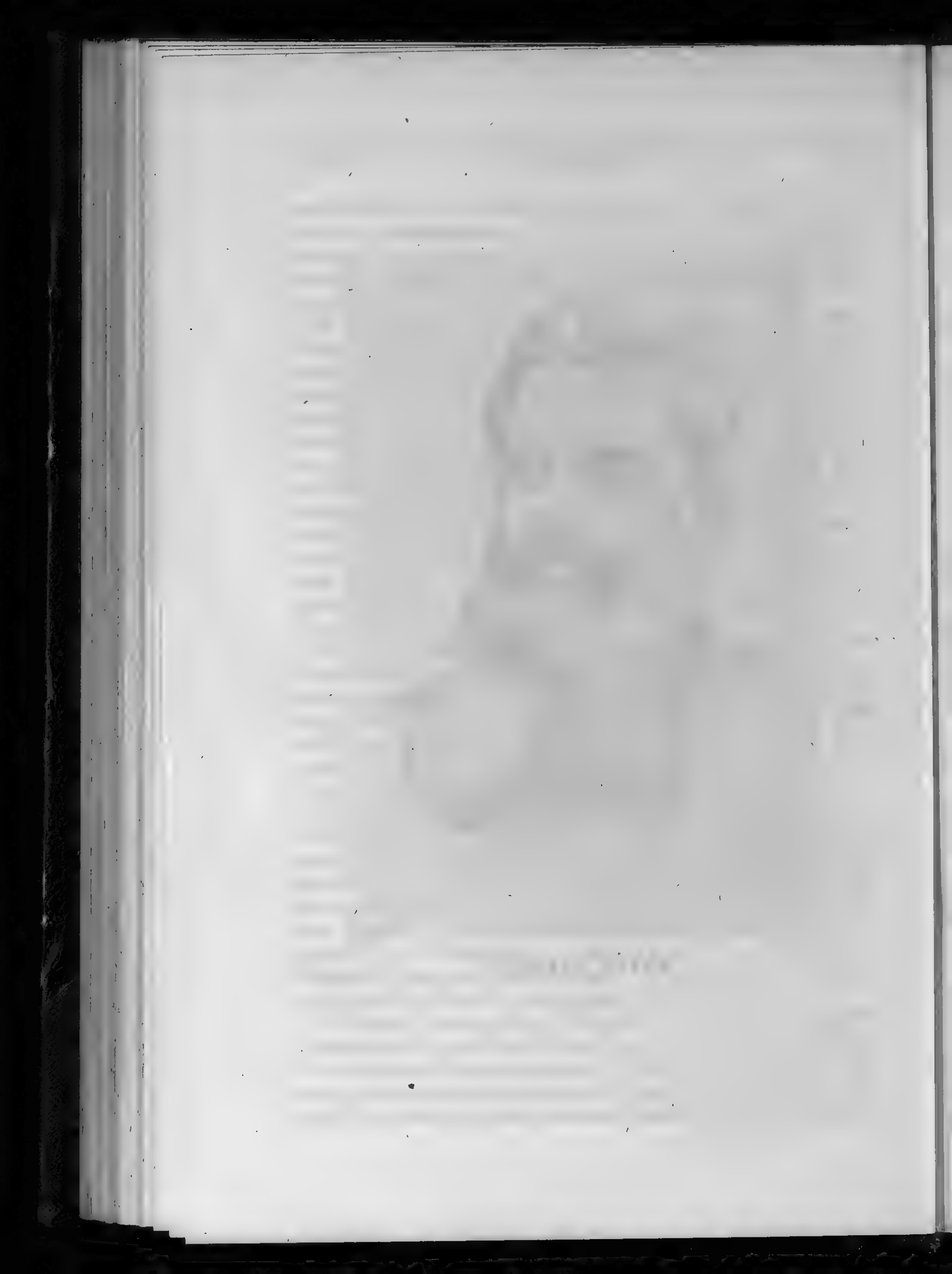
Но вот разразилась империалистическая война.

4-го августа 1914 года германская социал-демократия вотирует за военные кредиты и тем окончательно переходит на сторону буржуазии. Карл Каутский приводит в движение весь свой «ученый» аппарат для того, чтобы мнимо-марксистскими доводами оправдать это подлое предательство, совершенное Шейдеманом и компанией. Карл Либкнехт в единственном числе голосует против военных кредитов и тем спасает честь германского рабочего класса. Франц Меринг, ни минуты не колеблясь, солидаризируется с Карлом Либкнехтом и объявляет войну социал-шовинистам.

В момент, когда разгул шовинизма в Германии достигает высших пределов, когда вся германская социал-демократия ползает у ног своего обожаемого монарха Вильгельма, когда всё в Германии пьяно от шовинизма и когда среди германского рабочего класса пытаются особенно разжечь ненависть против англичан,

ФРАНЦ МЕРИНГ.

Фр. Меринг вместе с Кларой Цеткин и Р. Люксембург выступают с первым открытым манифестом, в котором они выражают братские чувства английским рабочим и всему рабочему Интернационалу. Надо вспомнить тогдашнюю атмосферу, насыщенную всеобщей ненавистью, чтобы понять все то значение, какое имело указанное письмо. Это была первая ласточка Третьего Интернационала.

На Циммервальдскую конференцию (11) Франц Меринг сам не мог прибыть, но он прислал нам письмо, полное дружеской поддержки. И в том письме он говорил нам: бейте не только шейдемановцев, разоблачайте до конца также и сторонников половинчатого «центра», руководимого бесхарактерным Каутским.

Шайка Вильгельма упрятала Франца Меринга в тюрьму (12). Его, больного 70-летнего старика, держали в невыносимо-тяжких условиях. Но, как известно, шайка Вильгельма не всегда действовала так бесстыдно, как действует сейчас шайка Шейдемана. Франца Меринга освобождают из тюрьмы, и он немедленно принимается опять за работу в рядах германских большевиков. Он пишет нелегальные листки, он сотрудничает в нелегальной газете «Спартак», он посылает корреспонденции о германском рабочем движении в швейцарскую интернационалистскую печать, он переписывается с рядом более молодых товарищей, ободряя их и зовя на борьбу.

Либкнехт и Роза Люксембург в тюрьме, Клара Цеткин больна. Одно время почти все идейное руководство группой «Спартак» ложится на плечи старого Меринга. И Меринг блестяще справляется с этой задачей.

С первыми же раскатами русской революции Франц Меринг всецело становится на сторону большевиков. Аксельрод, Мартов и другие меньшевики, имевшие долголетнюю личную связь со всеми вождями германской социал-демократии и в том числе с Францем Мерингом, пытаются путем лживой информации внушить Мерингу ту мысль, что большевики губят русскую революцию. Но Меринг отметает меньшевистскую ложь и всецело становится на нашу сторону...

Мы вспоминаем обстановку немедленно после заключения нами Брестского мира. Нам говорили, что прежде всего немецкие рабочие воспримут этот мир, как нашу измену по отношению к германскому пролетариату. Не было той клеветы, которая не сыпалась бы на нашу голову в эти памятные, тяжелые, скорбные

дни. В германской прессе шейдемановцы и сторонники Каутского не гнушались повторять те сплетни, которые распространялись про нас в России многочисленными нашими врагами. В этот момент поднимает голос протеста Франц Меринг. Он выступает с замечательной статьей по поводу Брестского мира и пророчески предвидит в ней тот момент, когда Брестский мир обратится против германских империалистов, навязавших этот палаческий мир истекавшим кровью русским рабочим.

С этих пор Франц Меринг не перестает посылать нам, как только представляется возможность и когда позволяет ему его пошатнувшееся здоровье, статью за статьей, в которых он вполне и безоговорочно солидаризируется с нами, коммунистами.

Когда началось чехо-словацкое контр-революционное восстание, когда правые эс-эры и меньшевики заставили нас обнажить меч и прибегнуть к красному террору, — за границей особенно усилился поход клеветы против большевиков. С бешеной злобой, с невероятным цинизмом, с пеной у рта писала о нас в это время вся европейская буржуазная и соглашательская печать.

В это время опять поднимается престарелый Франц Меринг и в одной из его памятных статей тогдашнего времени заявляет: «Да, если бы большевики в их борьбе против врагов пролетарской революции были еще в десять раз беспощаднее, — историческая правда все же осталась бы на их стороне»! И Меринг прибавляет: «Если большевики удержатся у власти,—их подвиги будут благословляемы рабочим классом всего мира, а если объединенной реакции удастся свалить большевиков,—рабочий класс всего мира будет отброшен на долгие десятилетия назад».

Когда група спартаковцев переименовала себя в партию коммунистов, старый Франц Меринг был счастлив, как ребенок. Он с гордостью называл себя коммунистом и мечтал, как о величайшем счастье, о том, чтобы остаток своих дней посвятить работе в рядах этой партии.

Еще совсем недавно нам довелось беседовать с одним из руководителей спартаковцев, принадлежащим к более молодому поколению коммунистов. С какой теплотой, с какой лаской отзывался этот товарищ о «нашем старике» Франце Меринге. От Франца Меринга передавал он нам самые задушевные и самые дружеские приветы.

И вот теперь Франц Меринг умер. Умер через несколько дней после того как его личные друзья—Карл Либкнехт и Роза

Люксембург—были зверски убиты, умер в момент, когда борьба за коммунизм в Германии входит в ее решающую стадию...

Многие деятели старого поколения показали нам спину в течение последних лет. Таких людей, как Вальян, Плеханов, мы провожали в могилу с двойственным чувством. Мы были благодарны им за ту колоссальную работу, которую они выполнили в то время, когда они грудью шли против течения, когда они прокладывали дорогу к социализму. И мы негодовали по поводу той буржуазной политики, которую они проводили в последние годы своей жизни и которою они нанесли такой громадный урон делу рабочего класса.

Старого Франца Меринга мы провожаем в могилу с совсем другими чувствами. Мы почтительно преклоняем колени перед свежей могилой старого и славного бойца.

Читатель помнит фигуру 20-летнего юноши, рабочего-спартаковца, которого, после подавления спартаковского восстания, под дулом револьвера заставляли кричать: «да здравствует Шейдеман!» и который, умирая, крикнул: «да здравствует Карл Либкнехт!» Такова коммунистическая *молодежь* в Германии. Эта фигура самоотверженного юноши навсегда останется несравненным образцом самоотверженности и преданности рабочему делу. И рядом с ним в Пантеоне коммунизма будет вечно стоять перед нашими глазами фигура преклонного годами, несгибаемого коммуниста, убеленного сединами Меринга, который до последнего часа своей жизни знал «одной лишь думы власть, одну, но пламенную страсть»: *борьбу за победу всемирной Коммуны.*

Вечная память, вечная слава Францу Мерингу!

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) «Франц Меринг» — статья из № 3 журнала «Коммунистический Интернационал» за 1919 г., вышедшая отдельным оттиском в издании Союза Коммун Северной Области в 1919 году.

[2]) Штеккер, Адольф (1835 - 1874 г.г.) — германский политический деятель, пастор и придворный проповедник. Инициатор и организатор образовавшейся в 1878 г. желтой христианско-социальной партии, целью которой была борьба с социал-демократической партией путем привлечения в свои ряды отсталых рабочих. Подобная деятельность Штеккера вызвала сочувствие к нему со стороны буржуазных элементов Германии, и в 1879 г. он был избран членом прусского ландтага, а затем и германского рейхстага, войдя в том и другом в состав крайней консервативной партии. В 1890 г. Штеккер организовал евангелическо - социальные конгрессы, всемерно поддерживаемые правительством, надеявшимся посредством их парализовать гигантский рост германской социал-демократической партии.

В 1882 г. Ф. Меринг откликнулся на «деятельность» Штеккера своей книгой «Herr Hofprediger Stöcker, der Sozialpolitiker».

[3]) Рихтер, Евгений (род. в 1838 г.) — германский политический деятель, основатель «свободомыслящей партии», а затем, в 1893 г., после раскола в ней, — «свободомыслящей народной партии». Будучи членом прусского ландтага и германского рейхстага, принадлежал к прогрессистской партии и в том, и в другом, ведя ожесточенную борьбу против социал-демократии как и в стенах парламента, так и вне его, как, например, на страницах основанной им «Freisinnige Zeitung». Против Рихтера Мерингом написана в 1892 г. «Herrn Eug. Richters Bilder aus der Gegenwart».

[4]) «Die Lessing Legende» издана в 1893 г.

[5]) «История германской социал-демократии» издана в 1906 г.

[6]) Лассаль, Фердинанд (1825-1864 г.г.) — происходил из буржуазной семьи, но вошел в с.-д. партию и сделался одним из наиболее выдающихся ее публицистов и ораторов. Его известные книги «Что такое конституция» и другие переведены на все языки и являются евангелием рабочих.

[7]) Каутский, Карл (род. 1854 г.) — один из наиболее выдающихся теоретиков немецкой социал-демократии. Его перу принадлежат талантливейшие популяризации «Капитала», много книг по истории и теории революционного движения: «Предшественники новейшего социализма», «История христианства» и др. В до военные годы он занимал революционную позицию, будучи редактором «Neue Zeit» и поддерживая живой контакт с левым крылом с.-д. Во время войны занял позицию «центра», а затем скатился в объятия правых. Ныне — активный противник революции и теоретик социал-патриотов.

[8]) Бернштейн, Эдуард — глава ревизионистов, стремящихся пересмотреть учение Маркса, вытравив из него революционную сущность. Бернштейн и ревизионисты смотрели на рабочее движение таким образом, что оно должно врасти в капиталистический строй. По их мнению, социализм может быть достигнут эволюционным путем. Бернштейну принадлежит фраза: «движение — все, конечная цель — ничто». Бернштейн породил социал-оппортунизм.

[9]) Давид, Эдуард — германский с.-д., сторонник оппортунизма, экономист. В своей книге «Социализм и сельское хозяйство», изданной в 1906 г., он приводит исходное положение ревизионизма, что марксистское учение неприменимо к сельскому хозяйству.

[10]) Циммервальдская конференция — первая конференция революционных элементов во время войны, состоялась в 1915 г.

М. С. УРИЦКИЙ.

ПАМЯТИ ТОВ. УРИЦКОГО (1).

Товарищи, сегодня канун первой годовщины со дня убийства Моисея Соломоновича Урицкого. Большинство собравшихся, разумеется, знает в основных чертах биографию этого выдающегося героя пролетарской революции. Урицкий около 25 лет работает в рядах рабочего движения. Мне довелось уже сказать на его свежей могиле, что не нам, молодым деятелям, хвалить товарища Урицкого, нам надо учиться у Урицкого, надо стараться итти по его стопам.

Мало вы найдете в Сибири таких уголков, а также и в северной ссылке, где бы не побывал за два с лишним десятилетия своей деятельности тов. Урицкий. Не так много найдете вы и тюрем, если возьмете тюрьмы Петрограда, Москвы, Киева и других крупных городов юга, где бы за 25 лет деятельности не пришлось посидеть Урицкому — где год, где несколько месяцев. Урицкий вначале принадлежал к меньшевикам. И это должно быть особенно показательно и поучительно для тех рабочих, которые еще доверяют меньшевикам, для тех беспартийных, которые колеблются между партией меньшевиков и пролетарской партией. Для них должно быть особенно показательно, что такой человек, как Урицкий, который принадлежал к основателям рабочей партии и долго шел в рядах меньшевиков, когда вопрос стал ясно и резко, когда споры перестали носить отвлеченный характер, — в момент, когда стал вопрос против буржуазии, за социалистическую революцию или с буржуазией за учредилку, за буржуазную «демократию», — этот товарищ, умудренный опытом, поседевший под рабочим знаменем, в решительную минуту не поколебался порвать со старым, со всей старой организацией меньшевиков, с которой он был связан очень прочными нитями, — для того, чтобы сказать: когда наступил решительный бой между пролетариатом, идущим на штурм, и буржуазией — в этот момент все должны быть в рядах той партии, которая последовательно до конца ставит вопрос о диктатуре пролетариата, о социалистической революции.

25 лет борьбы имел за собой тов. Урицкий в тот момент, когда его догнала предательская пуля ошалелого барченка, называвшего себя правым с.-р. За это время Урицкий прошел крестный путь революционеров тогдашней эпохи. Он мерил не раз Влади-

мирку взад и вперед, не раз побывал он и в ссылках, и в эмиграции, на далекой чужбине, где люди годами тосковали по родной земле, по родному русскому слову, будучи оторванными от родной почвы. Он пережил годы тяжелых личных лишений, граничащих с голодовкой. И он вернулся в Россию, как только пришла первая весточка о мартовской революции.

Тов. Урицкий вступил в наши ряды. И с тех пор не было той трудной, той сложной, той ответственной задачи, которую питерский пролетариат не возлагал бы на М. С. Урицкого. Чем труднее было дело, чем более ответственных работников надо было найти, тем скорее обращался взор наш к Урицкому. И, когда дело дошло до того, что нужно было поставить кого-нибудь во главе военно-революционного комитета, свергавшего власть Керенского, когда нужно было «Комиссара над Учредительным Собранием», т.-е. человека, который не будет стесняться старыми созвучиями слов, для которого законом были только интересы пролетарской революции, который не поколебался бы в решительную минуту показать эс.-эрам от ворот поворот, все останавливались на том, что этим человеком должен быть М. С. Урицкий.

Кто не помнит этого дня, который был кульминационным пунктом, высшей точкой в деятельности Урицкого—день разгона Учредительного Собрания! Этот день был высшей точкой в деятельности тов. Урицкого не потому, что он был неспособен на большие дела, а потому что ему было дано жить после этого только всего несколько месяцев. Кто не помнит этого дня, когда в этих стенах собралось Учредительное Собрание—душеприказчик буржуазии. Представители рабочих и крестьян—большевики—составляли маленькое меньшинство в Учредительном Собрании. На этих скамьях только два отрезка были заняты нашей фракцией, все остальное было море голов эс.-эров и меньшевиков. Как это случилось, вы знаете. Это случилось потому, что Учредительное Собрание подготовляли и выбирали в первую эпоху революции, когда народ—крестьяне, солдаты и часть рабочих—еще доверяли этим партиям. И пока эти выборы шли, пока подсчитывались миллионы бюллетеней, пока растягивалась эта процедура, за это время наша революция со скоростью курьерского поезда прошла эпоху эс.-эро-меньшевистскую. И когда пришли сюда в здание депутаты Учредительного Собрания, они пришли сюда «к шапочному разбору», когда крестьяне, солдаты и рабочие изжили эс.-эровско-меньшевистские иллюзии и поставили на очередь

лозунг, который сейчас притягивает к себе сердца рабочих всех стран,—лозунг «вся власть Советам». Но, тем не менее, эти душеприказчики буржуазии, явившиеся сюда с векселями, к тому времени ставшими бронзовыми векселями, расселись здесь, как хозяева. Чернов говорил о «хозяине земли русской». Они думали, что великая революция остановится перед жалкими бумажками. Разумеется, великая революция не остановилась перед бронзовыми векселями, она перешагнула через эти живые трупы.

В этот момент революции нужны были люди из стали, из бронзы. И одним из таких людей из бронзы был маленький по росту, но крупный по духовным силам человек, который носил фамилию, присвоенную теперь этому дворцу. Этот человек собрал сюда несколько тысяч вооруженных людей. Матросы и рабочие, которые разгоняли Учредительное Собрание, были настроены непоколебимо. И во главе этих отборнейших из отборных отрядов стоял тов. Урицкий, — человек, которого все отряды слушались по первому мановению его пальца; люди, прошедшие огонь и воду, матросы, участвовавшие в десяти битвах, обветренные пороховым дымом, рабочие и солдаты-фронтовики, видевшие десятки сражений, — эти люди слушались Урицкого, как дети слушаются любимого учителя.

В этот день, который тянулся, как целый год, в этот день, когда воздух был насыщен порохом, когда еще блуждали последние шайки вооруженных юнкеров около Таврического дворца, когда чаша весов могла еще поколебаться, — в этот день Урицкий не терял самообладания. Все эти события, которые войдут в историю, все эти события разыгрывались, как по нотам, поскольку все предусмотрел Урицкий, которому было вверено это крупное дело.

После этого Урицкий, как вы знаете, стал во главе Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контр-революцией, спекуляцией и саботажем. Не было и нет учреждения более ненавистного буржуазии и помещикам, как Ч. К. И это понятно почему. Само собой разумеется, что буржуазии не может быть приятна рука, которая душит ее за горло, буржуазии не могут быть приятны восставшие рабочие, которые выгоняют ее из России и заставляют эмигрировать в чужие страны, Вот почему ненависть буржуазии — концентрированная, бешеная, сгущенная — покоилась на Ч. К. и прежде всего на ее руководителе—Урицком. Не было той клеветы, той ябеды, той подлости, которых буржуазия,

пока ей не отрезали язык, пока она имела свои буржуазные газеты, не пускала бы против Урицкого. За границей старались ославить его, как какого-то выродка человеческого, который мстит ради мести, как злодея, как человека, который расстреливает направо и налево без всякой нужды. На самом деле не было среди нас человека более гуманного, более спокойного, доброго душой, чистого, мягкого, как Урицкий. Никто так не сопротивлялся против расстрелов, как Урицкий, который больше всего до последнего момента хотел, чтобы эта чаша миновала нас. Он, не оратор по своим наклонностям, находил большой ораторский пафос даже когда дело шло о расстрелах — даже в разговоре с глазу на глаз. Он находил тысячу и один довод, чтобы в Петроградской Коммуне обойтись без крутых мер, и до последнего момента старался избегать этого. Только в момент, когда стало ясно, что буржуазия ни перед чем не остановится, что она прибегает к белому террору, пускается во все тяжкие, продается немцам, англичанам, кому угодно, — тогда после страшного сопротивления Урицкий сдался в этом вопросе.

Я помню разговор с Урицким через 10 минут после убийства Володарского. Мне довелось быть за Невской заставой через минуту после убийства Володарского, сразу оттуда я поскакал сломя голову к Урицкому. И тут же завязалась горячая беседа на тему о том, как мы ответим на это неслыханно-подлое убийство, которое так задело за живое всех питерских рабочих. Урицкий сразу вылил ушат холодной воды нам на головы и стал проповедывать хладнокровие. Несмотря на то, что убийство было неслыханно по своей подлости, мы хотели до последнего момента не прибегать к крайним мерам. Вы знаете, что к красному террору мы прибегли в широком смысле слова тогда, когда Урицкого не было среди нас, мы прибегли к этому острому оружию в ответ на убийство самого Урицкого.

Не было, говорю я, более благородной личности среди нас, не было человека, который был бы так верен лучшим заветам Парижской Коммуны, который не хотел бы, чтобы хотя одна лишняя капля крови, даже чуждой крови, даже белогвардейской пролилась бы даром. И не было человека, который так непоколебимо стоял настраже Петрограда и всей Советской Республики. Он не знал никакой личной жизни в буквальном смысле этого слова. У него не было семьи. Он сидел в Чрезвычайной Комис-

сии, ночевал там за ширмочкой, он проводил там большинство дней и ночей, он не посещал даже тех собраний, на которые его тянуло,—политических собраний, потому что он не мог уделить полчаса времени из своей черной тяжелой работы по очистке Авгиевых конюшен контр-революции. Тов. Урицкий был вождем, созданным для громадного строительства, для организационной работы, для того, чтобы строить новую социалистическую жизнь. В этой области он был незаменим для рабочих и крестьян. Но история захотела другого. Вся обстановка была такова, что мы не могли отдать Урицкого, как не могли отдать других лучших деятелей, для дела строительства нашей жизни, а должны были отдать их на черную работу по ловле жалких белогвардейских юнкеров. Урицкий по своему таланту, способностям, по своей эрудиции, по своим знаниям способен был указывать нам новые пути, вести свой народ к новому строительству. Вместо этого, он должен был заниматься черной неприглядной работой, как слежка за своими врагами, как вынюхиванье следов белогвардейцев и борьба с ними.

Мне кажется, товарищи, в этом отношении тов. Урицкий дал нам пример. Когда рабочих пытаются ловить на удочку этой ненависти к слежке, к слову «агент», когда это делают господа левые и правые эс.-эры и другие предатели рабочего класса, вы должны помнить, что мы, однако, лучших людей отдавали на эту тяжелую, трудную, черную работу. Потому что мы знали, что работа по обезвреживанию республики от гадов белогвардейцев в данный момент является самой важной необходимой работой.

Вот каков был тов. Урицкий.

Что еще сказать вам о биографии этого человека? Может быть, не лишне будет прибавить в наши дни, что этот человек был еврей по рождению, как и Роза Люксембург, как Карл Маркс и как многие выдающиеся социалисты. (Аплодисменты.) Товарищи, недавно в одной белогвардейской газете, издающейся в Гельсингфорсе и редактируемой белогвардейцем евреем Гессеном и другими, которые раньше издавали «Речь», я читал статью, в которой они оправдывались перед своими белогвардейцами — Деникиным, Колчаком. Они говорили: нельзя всех евреев обвинять в том, что они плохи, есть и хорошие евреи. Кто же по их мнению хорошие евреи? Они говорят: разве Канегиссер, убивший Урицкого, не был евреем? А разве Каплан, покушавшаяся

на Ленина, не была еврейкой? Да и тот, кто убил Володарского, по их сведениям, был тоже евреем. Стало быть, вот какие бывают хорошие на свете евреи. До большей гнусности опуститься, конечно, нельзя, как опустился еврей—белогвардеец Гессен,—который стоит на коленях перед черносотенными Колчаками и оправдывается, что есть «хорошие» евреи: убийцы Урицкого, Володарского и та, которая покушалась на Ленина. Но все-таки, товарищи, из этой маленькой статейки вы можете видеть одну очень большую правду, именно, что среди еврейского народа, как и среди всякого народа другого, есть люди, как Урицкий, Володарский,—люди, которые являются лучшими, что только может выделить рабочий класс из своей среды, что может выделить пролетарская революция; и есть отребья человечества, люди, как Канегиссер, Каплан и другие, поднимавшие свою руку на таких людей, как Ленин и Урицкий. И мне кажется, что одно это указывает наглядно каждому самому отсталому крестьянину в казарме, где пытаются играть на антисемитизме, это указывает, как дважды два, что только негодяи, шуллера, которые играют с крапленными картами, могут на этой почве разделять людей.

Да, Роза Люксембург была еврейка, а Каплан тоже была еврейка. Но что общего между ними, кроме как то, что они происходят из одного народа? Роза Люксембург, вышедшая из еврейской среды, была после Маркса и Энгельса крупнейшим вождем международного рабочего класса. Эту еврейку знают миллионы людей, говоривших по-английски, по-итальянски, по-французски. Ее оплакивали итальянские, американские рабочие так же, как и польские и русские. Потому, что знали, что это—вождь рабочего класса. Еврейка Каплан, которую послали чехо-словаки и эс.-эры, тоже вышла из еврейского народа. Но что общего имеет она с еврейскими рабочими? Она вершила волю международной буржуазии.

Когда мы прочитали, что в Одессе, когда она была под Скоропадским, еврейские раввины собрались на специальном «соборе», и там официально перед всем честным миром эти представители богатых евреев отлучали от еврейской синагоги таких евреев, как Троцкий, как я, ваш покорный слуга (смех, аплодисменты), и другие, то ни у кого из нас от горя не выросло ни одного седого волоса (аплод.) Мы смеялись по поводу этого зрелища точно так же, как смеялись по поводу зрелища, которое собиралось недавно в Ямбурге, где русские попы кропили «священной» водич-

кой господ офицеров в надежде, что после этого их не тронет большевистская пуля. Это — старое проклятое прошлое, которое теперь никого не обманет. Слишком много пережило человечество за эти четыре-пять лет. Оно видело, из-за чего идет борьба. Когда рабочие и крестьяне России, среди которых местами были очень сильны антисемитские традиции, увидели в своих рядах таких людей, как Володарский и Урицкий, то я думаю, что это лучшая броня от антисемитизма. Да, товарищи Урицкий и Володарский по внешнему облику отличаются от Рязанского или Тамбовского мужика, у них есть кое-что общее во внешнем облике, может быть, с одесскими раввинами, которые там разыгрывали комедию. Но рабочие и крестьяне всей России знают, что Урицкий и Володарский похоронены на Марсовом поле и умерли не за то, что защищали еврея Ротшильда и других еврейских богачей банкиров, а за то, что защищали интересы того же тамбовского, рязанского, орловского, московского, питерского и пр. рабочих и крестьян, за то, что защищали интересы международного рабочего класса (аплодисменты).

В прошлом году, когда партия правых с.-р. покушалась на товарища Ленина, эта партия была еще порядочной силой, она сидела в Самаре, имела там Учредилку, она имела в Петроградском Совете свою секцию, часть даже питерских рабочих еще доверяла этой партии. Наша партия переживала трудные моменты тяжелой борьбы, наша партия за этот год можно сказать без преувеличения лила кровь своих членов, как воду. Много тысяч членов партии нашей, а вероятно и десятков тысяч за этот год убито. А все-таки, товарищи, где партия Каннегиссера и где партия покойного товарища Урицкого?

Партия Канегиссера и Каплан, партия правых эс.-эров валяется в пыли, она теперь уничтожена политически, она выкинута теперь не только русским народом, но и теми белогвардейцами, с которыми вместе она в Самаре в прошлом году организовывала свою Учредилку. Эта партия теперь погибла, эта партия бесславно умерла, этой партии больше нет в нашей стране. Эта партия имеет своих жалких послов в Париже. Савинков и компания там. Это тот Савинков, который хвастался тем, что он организовал покушение на Володарского, тем, что он под Казанью расстрелял несколько сот красноармейцев. Теперь партия эс.-эров имеет жалких послов где-то во Франции, она кланяется перед французскими банкирами, а французские рабочие их гонят. На

этой неделе я имел возможность беседовать с одним военнопленным, вернувшимся из Франции, и он рассказывал картину, когда Минор, старый правый эс.-эр, и Савинков пытались организовать митинг в зале «Societé savant». Он рассказывал, как правые эс.-эры хотели там читать лекцию против большевиков. И что из этого вышло. В зале была половина банкиров, половина цилиндров и пришли несколько десятков рабочих французских. Они пришли туда для того, чтобы бросать гнилыми огурцами в этого Савинкова и Минора. (Аплодисменты.) Французские рабочие — люди с темпераментом. И палка у выхода с собрания ходила по некоторым лощеным, блестящим цилиндрам французских банкиров для того, чтобы они помнили, что французские рабочие сочувствуют нам, а не белогвардейцам и эс.-эрам, живущим там.

А наша партия, несмотря на то, что выбыло из строя много лучших наших людей, несмотря на это, наша партия крепче чем когда бы то ни было стоит на ногах. Ибо та партия, которая выделила таких борцов, как Володарский, Урицкий, которая могла встретить беззаветное сочувствие таких людей, как Люксембург, Карл Либкнехт, — она стоит на верном пути. И этой партии обеспечена победа.

Я не могу в этот день не вспомнить о том, что ровно год тому назад правые эс.-эры покушались не только на Урицкого, но и на Ленина, на того человека, который является самым дорогим человеком для рабочих всего мира. Я помню, как утром я еще успел сообщить по телефону тов. Ленину, что Урицкий убит, и он дал несколько советов и сказал, что пошлет тов. Джерзинского нам на помощь. А к вечеру он сам был смертельно ранен и две недели находился между жизнью и смертью. И только тогда мы все, и все рабочие беспартийные, и сотни тысяч крестьян поняли, что такое для всех нас, для всего трудящегося мира тов. Ленин. Завтра мы будем отмечать этот день и будем отмечать в обстановке более легкой, чем год тому назад. Год тому назад, когда убили Урицкого, когда ранили Ленина, чехословаки находились в Казани, в Самаре, в Ярославле, голод был несравненно более сильный, чем сейчас, красная армия была слаба, международная революция была в десять раз слабее, чем сейчас. Этот год прошел. И теперь вы видите, что этот год стоил громадных жертв не только нам, но и международному рабочему классу. Вспомните, что один германский рабочий класс потерял из числа своих вожаков таких людей, как Карл Либкнехт, как

Роза Люксембург, как тов. Тышка и Левине в Мюнхене и многие другие безвестные товарищи. В этот год на нашем фронте, на фронте гражданской войны мы потеряли не один десяток тысяч лучших борцов. Урицкий тогда открыл серию громадных потерь для нашей партии. Потеря Карла Либкнехта, конечно, была такой же потерей для нас, русских рабочих, как и для рабочих немецких.

И все-таки земля вертится! Мы идем вперед ценой громадных жертв, мы движемся вопреки препятствий к светлой цели.

Товарищи, мы не можем воздать лучшей почести нашим бойцам, как та, что пелась в песне, только что слышанной нами: шагать вперед, неся их знамя, дать клятву донести это знамя во что бы то ни стало до полной победы. Это завещание мы получили как от Урицкого и Володарского, так и от Либкнехта и Люксембург. Наше знамя теперь окрашено кровью благороднейших из людей, каких когда-либо знал мир. Наше знамя омыто кровью Володарского, Урицкого, Либкнехта, Люксембург.

В эту годовщину, которая наступает завтра, питерский рабочий скажет опять и опять, что он стоит на своем посту, что он помнит о борьбе, донесет свое знамя вперед до полной победы, — даже если бы на нашем пути стояло в десять раз больше препятствий, чем стоит. Пусть будет, что будет — победа за нами! Победа не за Канегиссерами, а за Урицкими, не за Шейдеманами, а за Либкнехтами, не за буржуазией и Учредилкой, а за пролетариями и за Советами Раб. и Кр. Деп.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) «Памяти тов. Урицкого» — речь, произнесенная на заседании Петроградского Совета 28 августа 1919 г.

ЛЕОН ТЫШКО [1].

(Иогихес.)

...Я познакомился с тов. Тышко на Лондонском съезде Российской Социал-Демократической Рабочей Партии 12 лет тому назад — в мае 1907 года.

Тов. Тышко тогда только что вырвался из каторги. В 1906 г. в Варшаве он был осужден царским судом на 8 лет каторжных работ за то, что руководил стачками и восстанием польских пролетариев в 1905—06 годах. Но, сидя в каторжной тюрьме, Л. Тышко успел распропагандировать солдат охраны и вместе с одним из них бежал. Прямо из каторжной тюрьмы тов. Тышко прибыл на Лондонский съезд, где сразу занял место главного руководителя польской делегации и члена президиума всероссийского съезда.

Тов. Тышко в это время имел уже 16 лет революционной работы за плечами. Вместе с незабвенной Розой Люксембург, вместе с тов. Мархлевским-Карским и с Адольфом Варшавским (Варским) тов. Тышко был основателем польской революционной социал-демократии. Он был одним из авторов ее программы, бессменным членом Центрального Комитета и постоянным редактором ее научного журнала и политических газет. Он был душою партии.

Но Тышко был не только польским революционером. Тов. Тышко был *интернациональным* социалистом в самом подлинном смысле этого слова. Он с одинаковой энергией и талантом работал, как для польских пролетариев, так и для русских и германских рабочих.

Примерно с 1910 года тов. Тышко, поселившийся в Берлине, с головой уходит в германскую работу. В это время начинается раскол между «центром», руководимым Каутским, и «лево-радикалами», вождем которых стала Роза Люксембург. Тов. Тышко, ближайший друг и единомышленник Розы Люксембург, становится одним из главных организаторов этой «лево-радикальной» группы— будущих спартаковцев.

Но вот пришла война. Официальная социал-демократия предала знамя рабочего класса. Роза Люксембург и другие вожди «лево-радикалов» — в тюрьме. Противники войны преследуются

Л. ТЫШКО.
(Иогихес).

огнем и мечом. В это время тов. Тышко развивает особенно кипучую деятельность.

Чем ночь темней, тем звезды ярче...

Тов. Тышко был именно из тех людей, которые проявляют тем более самоотверженности, чем труднее обстановка. Чем больше препятствий, тем упорнее, тем настойчивее Тышко.

Тышко и внешним образом производил впечатление человека из бронзы. Настойчивость, упорство, железная воля—главные черты его характера. Когда дело идет о защите интересов пролетариата—невозможного для него не существует.

Тышко первый организует нелегальные кружки германских спартаковцев. Богатый опыт революционера-конспиратора, вынесенный им из России и Польши, пришелся как нельзя более кстати в Германии. Шаг за шагом Тышко строит германскую коммунистическую партию. Он ее главный строитель. Он—организатор по натуре—становится первым организатором великой партии германских коммунистов. Он был для германской коммунистической партии такой же организаторской силой, как покойный Свердлов для русских большевиков.

Роза Люксембург—светлый ум германской коммунистической партии, Карл Либкнехт—ее пламенное сердце, Леон Тышко—ее железная рука.

И надо было слышать, с какой любовью еще при жизни Тышко отзывались о нем германские коммунисты. Роза убита. Меринг умер. Карл погиб. Но у нас остался Леон. Он—могучий организатор со стальной выдержкой и верной, никогда не дрожащей мускулистой рукой—он стал собирателем нашей партийной «земли», он поможет партии пережить тяжелое время...

Так говорили нам приезжавшие в Россию спартаковцы...

Я помню записочку, полученную в Москве от Тышко, вскоре после гибели Розы Люксембург и Карла Либкнехта. Маленький клочек бумаги, присланный с миллионом предосторожностей. На записке—обычный мужественный, крупный и четкий почерк железного Тышко. А между тем, записка писана на следующий день после смерти Розы Люксембург и Карла Либкнехта.

«Вчера Роза и Карл сослужили последнюю службу нашему делу». Так начинается эта записка. И больше ни слова об этом. Через одну строчку этот скупой на слова человек переходит «к делу»—к деловым сообщениям.

Тышко был воплощением пролетарской деловитости. Он рожден был стать одним из самых крупных организаторов нового коммунистического общества.

Шейдеман и его шайка хорошо знали роль Тышко. Ищейки Шейдемана шныряли за Тышко по пятам. Много месяцев Тышко оставался неуловим для палачей германского рабочего класса. В конце марта 1919 года его, после неудачной вспышки нового пролетарского восстания в Берлине, арестовали. Шейдемановские офицеры отвезли его прямо в тюрьму, и тут же—конечно, по поручению «социал-демократического» правительства—в узеньком камерном тюремном коридорчике без всякого суда и следствия расстреляли.

Так расправляются с лучшими вождями рабочих в германской «социалистической» республике—в стране, где Шейдеманы и Каутские на все голоса кричат против террора.

Мы ничего не знаем о том, как умер Тышко. Но кто знал Тышко, тот ни на секунду не усомнится, что Тышко встретил смерть, не моргнув бровью. А когда Шейдемановские убийцы готовились спустить курок, Тышко наверное бросил им какое-нибудь такое полное презрения словечко и так посмотрел на них, что при воспоминании об этой минуте даже этих матерых убийц до последней минуты их подлой жизни будет по коже мороз подирать...

Таков был Леон Тышко, один из вождей славных спартаковцев, лучший строитель германской коммунистической партии...

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) Некролог из № 5 «Коммунистического Интернационала», сентябрь 1919 г.

ИУСТИН ЖУК (1).

Сколько выдающихся борцов вырвала война из наших рядов за последние только дни и на одном только нашем участке фронта! Толмачев (2), Мазин (3), Чекалов (4), Жук...

Жук был одним из самых замечательных сынов рабочего класса, каких мне довелось встречать за последние два года великой борьбы.

Я встретил впервые тов. Жука весною 1917 года на первой конференции фабрично-заводских комитетов—на той конференции, которая впервые дала большинство сторонникам Советской власти. Впервые ребром поставлен был вопрос о передаче фабрик и заводов рабочим. И не было более пламенного сторонника этой меры, как тов. Жук. В своем Шлиссельбурге он давно уже сумел все взять в свои руки. Шлиссельбургские рабочие — не самые передовые по своему развитию — шли в первых рядах, вдохновляемые все время их признанным вожаком и любимцем Жуком.

На конференции фабрично-заводских комитетов Жук был выбран в президиум, а затем и в главную резолютивную комиссию. Соглашатели, «обиженные» этой пролетарской конференцией, обратили свое благосклонное внимание и на выделившегося Жука. Желтая пресса подняла травлю против Жука. Его объявили уголовным преступником, убийцей своей собственной матери. Не больше и не меньше!

Все это оказалось заведомой ложью. Мать Жука оказалась жива. К пожизненному заключению в Шлиссельбургской крепости Жук был приговорен по политическому делу. Это не мешало буржуазным и соглашательским писакам продолжать травлю славного товарища.

Кто знал, кто хоть один раз видел тов. Жука, тот ни на секунду не мог поверить клевете. Человек богатырского сложения, великан, Жук в то же время отличался необыкновенной добротой и детской мягкостью характера. В глазах светились ум и воля. Он был как бы олицетворением рабочего класса, подымающегося на борьбу.

Жук не был членом нашей партии. Он принадлежал к числу тех немногих анархистов-синдикалистов, которые во всем существенном вот уже два года идут с нами рука об руку—и в счастьи, и в несчастьи — и на которых все мы смотрим как на братьев.

Жук не был формально членом нашей партии. Но он был горячим поборником коммунизма, и он знал, что наша партия — единственная рабочая партия в мире, которая поставила на очередь борьбу за коммунизм. Он отдал себя в распоряжение нашей партии, признал ее суровую дисциплину, погиб на посту, на который поставила его наша партия.

В лице Жука погиб несомненно один из крупнейших рабочих-организаторов. Это был организатор божией милостью, это был организаторский талант. Всей душой рвался он на работу по восстановлению нашего разоренного войной хозяйства.

И работа спорилась в его руках. В своем родном Шлиссельбурге он делал чудеса. В его крепких умелых руках все двигалось как машина, — мягко, бесшумно и в то же время уверенно и правильно.

Благодаря его усилиям в Шлиссельбурге при пороховом заводе рабочие поставили выработку винного сахару из древесных опилок. Это было детище Жука. В это дело он вложил свою душу. И как велика была его радость, когда он увидел наконец результат своей работы, когда он смог принести нам первый выделанный им сахар. Он радовался этому, как ребенок. Он мечтал, как поэт, о том, как ему удастся подобные же сахарные заводы построить по всей России — всюду, где есть леса.

Помню, месяца два тому назад т. Жук зашел ко мне, чтобы поговорить по этому делу. По обыкновению Жук, заговорив о любимом деле, увлекся, полился плавный вдохновенный рассказ о том, как это все будет обстоять у нас лет через 10 — 20, как мы проведем в каждую деревню электричество, как шлиссельбургский опыт найдет себе распространение по всей России. У меня сидел в это время тов. Бухарин. Жук был настолько увлекателен, что Бухарин как завороженный долго слушал этого замечательного пролетария.

На таких людях держится пролетарская диктатура. Такие люди — цемент рабоче-крестьянского государства. Про таких людей поистине можно сказать: природа-мать, когда б таких людей ты не давала миру, засохла бы нива жизни...

Для шлиссельбургских рабочих Жук был — все. Их политический вождь, руководитель их хозяйства, их продовольственный комиссар, организатор их отрядов. Это Жук провел на шлиссельбургском заводе уже несколько месяцев тому назад: шесть часов в день работать, а остальное время обучаться военному делу.

Благодаря Жуку шлиссельбуржцы могли нам дать превосходный батальон на фронт. Жука тянуло к мирной хозяйственно-организаторской работе. Его призвание было в этой области, но пролетарская революция призвала его под ружье. Он пошел комиссаром Карельского участка. Здесь он погиб с оружием в рядах в первых рядах — верный, славный, твердый часовой революции...

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) «Иустин Жук» — статья из № 244 газеты «Петроградская Правда» от 26 октября 1919 года.

[2]) Тов. Николай Толмачев был родом из Ростова-на-Дону, где он 16-ти лет окончил реальное училище. 17-ти лет он приехал в Петроград и поступил в Политехнический институт. В 1913 году он вошел в партию большевиков, в коллектив студентов-политехников, где исполнял разного рода поручения. В 1913 г. он был арестован на первомайской демонстрации и через полтора месяца освобожден.

После этого тов. Толмачев начал работать в пролетарских организациях, работал в Выборгском районе, где вел кружки, в 1914 и 1915 г. г.— на заводе Лесснер. В марте 1916 года тов. Толмачев вошел в исполнительную комиссию Петербургского комитета. Летом 1916 г. он работал на Урале — вел подпольную работу на Верх-Исетском заводе.

Осенью 1916 г. тов. Толмачев опять в Петрограде, где ведет работу в Исполнительной Комиссии Петербургского комитета с т. т. Евдокимовым, Антоновым, Шмидтом, Костиной. В начале 1917 г. тов. Толмачев вел работу среди трамвайщиков.

После февральской революции 1917 года тов. Толмачев вел агитационную работу в Петрограде. С мая 1917 г. он опять на Урале, где работает в качестве разъездного областного агитатора. Будучи командирован в Пермь, он выносит на своих плечах всю тяжесть организационной работы в Уральском Совете, ведет борьбу с меньшевиками и эс-эрами, с оборонческим засильем в Перми. Благодаря его работе, весь пермский гарнизон перед октябрем перешел к нам. После октября 1917 г. тов. Толмачев опять в Петрограде, где работает в Выборгском районе в качестве секретаря Совета.

Но вскоре он опять на Урале, где его избрали в Учредительное Собрание от Пермской губ. На Урале он работает в Областном Совете, в областном комитете партии. Назначенный комиссаром отряда, двинутого на Дутова, он проводит сначала победоносное наступление, а затем и отступление. Во время чехо-словацкого выступления мы его видим в Екатеринбурге, где он назначен помощником командующего Сибирско-Уральским фронтом, тов. Берзина. Затем по всему фронту он ведет культурно-просветительную работу с тов. Сафаровым. Он работает в политическом отделе сначала в качестве помощника главного политического комиссара, а затем— главного политического комиссара. В 1919 году он избран на 8 партийный съезд от 3 армии. После съезда Центральным Комитетом партии он назначается в Петроград, где становится заведующим культурно-просветительным отделом в окружном военном комиссариате и ведет коммунистическую

работу среди красноармейцев. Благодаря усилиям тов. Толмачева, коммунистическая работа среди красноармейцев Питера сделала большие успехи.

После Ямбургского прорыва тов. Толмачев опять на фронте, где он сразу после своего назначения повел усиленную политическую работу среди красноармейцев к поднятию их боеспособности и организации обороны Лужского участка. Когда одному из баталионов полка было поручено отстоять деревню Красные Горы, представляющую в стратегическом отношении важный пункт, тов. Толмачев отправился с этим баталионом, чтобы личным примером воодушевить красноармейцев. Когда баталион находился в деревне Красные Горы, белогвардейцы, зайдя в тыл, повели внезапно наступление со всех сторон на занятую нашими красноармейцами деревню. Баталион долго держался, но в конце концов был расколот на части, и одна из рот, где находился тов. Толмачев, была прижата к озеру. Тов. Толмачев с некоторыми красноармейцами мужественно сопротивлялся. Но когда белогвардейцы, количеством значительно превышавшие отряд тов. Толмачева, пошли в аттаку и не было никакой надежды отразить их, тов. Толмачев, не желая сдаваться, последним выстрелом из револьвера покончил с собой.

На спине тов. Толмачева была замечена также штыковая рана. Белогвардейцы убитых красноармейцев, в том числе и тов. Толмачева, зарыли в общей могиле. Через несколько дней, когда наши части снова заняли дер. Красные Горы, тело тов. Толмачева было вырыто из земли и перевезено для похорон в Петроград.

Тов. Толмачев погиб 26 мая 1919 года 23-х лет от роду.

[3]) Тов. Владимир Лихтенштадт (Мазин) — во время реакции 1906 г. был арестован по делу Столыпина. Улики, выдвинутые против него военным судом, были настолько убедительны, что он был приговорен к смертной казни, каковая была заменена ему бессрочной каторгой. Первое время он сидел в Петропавловской, а затем был отправлен в Шлиссельбургскую крепость. Среди всех заключенных Владимир пользовался исключительной любовью. Среди 800 каторжан он выделялся своей революционной непреклонностью, крепостью ума и души. Всюду проявлялась самоотверженная и отзывчивая натура. Чтения, занятия, уроки — всюду поспевал он, неутомимый и бодрый на самой черной каторжной работе. Над собой он также успевал много работать: писал, читал, переводил. Его научные работы еще неизданные, показывают, каким богатым духовным миром он обладал.

С 1906 по 1917 г.г. Владимир сидел в крепости. Революция разбила ее столетние замки, и он вышел на свободу. Как всегда необычайно скромный, он затерялся на время. На первых порах он устроился заведующим детской колонией в Петрограде. Но такая мирная работа его не удовлетворяла. События властно захватывали его, он вступил в Р. К. П и начал работать в качестве заведующего издательством «Коммунистического Интернационала». Он с жаром принялся за новое дело. Но и здесь его что-то не удовлетворяло. Он часто упоминал, что хотелось бы попасть на фронт.

Когда грянула опасность, он начал лихорадочно обучаться военному делу и скоро отправился на фронт. В шестой дивизии, где он был

комиссаром, его сразу оценили. Он обладал прекрасной способностью сглаживать недочеты, успокаивать и сближать товарищей.

15 октября 1919 г. утром в бою под кол. Кипень Владимир попал в руки к белым и был ими расстрелян.

[4]) Чекалов, Н. М. происходил из пролетарской семьи. Отец его работал в Шлиссельбургском динамитном заводе.

Рано пришлось мальчику познакомиться с произволом, забитостью и эксплоатацией, которыми была полна жизнь рабочих при самодержавном режиме. Эти впечатления навсегда остались в чуткой душе юноши, и он стал вдумчиво относиться к окружающей жизни.

После городского училища Чекалов поступил в учительскую семинарию, чтобы отдаться просветительной работе. Служить народу, сделать свою жизнь сплошной борьбою за народ — вот его цель. Юноша с такими стремлениями оказался «вредным элементом» и его вскоре выбросили из семинарии, лишили возможности учиться. Перед ним открылась другая школа, — школа жизни, и он в ней выковал из себя борца за освобождение трудящихся.

В 1915 г. он был призван в царскую армию. Война убедила его, что только в беспощадной борьбе с капиталом можно добиться раскрепощения рабочих и крестьян. Тов. Чекалов переходит на нелегальное положение и отдается подпольной революционной работе. Революция вдохновила его, влила в него новые силы. Он был избран председателем Шлиссельбургского Совета. В первые же дни наступления белых он отправился на фронт, верный до конца долгу революционной дисциплины. В бою на Гатчинском секторе он был убит в декабре 1918 г.

СЕМЕН ВОСКОВ [1].

В Таганроге от сыпного тифа скончался Семен Восков [2].

В июльские дни 1917 года Восков не раз был под пулями в самых опасных местах. То же в дни корниловщины. В октябрьские дни Восков находился в первых рядах. В разгар финляндской рабочей революции, когда сестрорецкие рабочие послали лучшие свои отряды на помощь финским братьям, Восков с оружием в руках был в первых рядах сострорецких товарищей. Восков шел в цепи первым, когда вместе с эстонскими рабочими после германской революции мы отбивали Нарву. Над Восковым жужжали тучи пуль и при занятии нами Пскова Восков, наконец, прошел вместе с красными полками не малый путь от Курска до Таганрога, не раз попадая в опасные передряги. Во всех этих случаях Восков оставался невредим. Его часто спасало как бы чудо. И вот теперь Восков умирает на больничной койке, застигнутый злым сыпняком.

Поистине не доняли тебя ветры буйные, так дорезала осень черная.

Незадолго после февральской революции к нам в Питер пришла небольшая группа, так называемых, «американцев», т.-е. русских революционеров, которые силою особо жестоких скорпионов со стороны царского правительства на время переселились в Америку, и там прошли тяжелую школу американского капитализма. В этой группе были: Чудновский, Володарский. В этой группе был и Восков, который сразу выделился своими недюжинными способностями.

Рабочий, столяр по происхождению, Семен Восков исключительно упорным трудом, преданностью рабочему классу и крупным политическим талантом быстро завоевал себе очень видное место в революционных рядах.

В течение долгих лет Восков прошел тяжелую школу самой отчаянной нужды, тюрем, ссылок, тягчайшей американской эмиграции, болезни и всяких лишений. Но все это не только не надломило этого славного сына русского рабочего класса, но закалило его, дало ему новые силы. Упорным трудом Восков завоевал себе незаурядное образование.

Вернувшись из Америки, Восков принимается за работу на сестрорецком оружейном заводе, на котором тогда работало

С. ВОСКОВ.

больше 8.000 пролетариев, среди которых была не одна сотня самых лучших, самых стойких, самых передовых борцов нашей пролетарской революции. Восков сразу становится вождем Сестрорецкого завода. Он является первым председателем заводского комитета, становится любимцем всего рабочего населения Сестрорецка.

Через короткое время партия ставит Семена Воскова одним из организаторов Петроградского Губернского Совета Рабочих и Крестьянских Депутатов. И здесь Восков берет на себя громадную работу и сразу обнаруживает талант крестьянского агитатора. Он, коренной промышленный рабочий, как никто другой, умел говорить с самыми серыми, самыми отсталыми крестьянами. В нем всегда горела та искра божия, которая делала из Воскова второго Володарского.

Затем петроградские рабочие выдвигают Семена Воскова на роль комиссара продовольствия Союза Коммун Северной области. Эта работа, по тогдашним временам чрезвычайно трудная, взваливала на плечи Воскова тягостные обязанности. Восков отнесся к своей работе отнюдь не только формально. Он колесит по всей Северной области, посещает почти все уезды тех восьми губерний, которые входили тогда в наш союз, и всюду приносит с собою освежающий ветерок, всюду заражает людей своей неисчерпаемой верой в революцию, всюду привлекает к работе новые силы, всюду поднимает новые пласты крестьян, до тех пор стоявших в стороне от советского строительства.

Восков является одним из главных организаторов того исторического крестьянского съезда Комитетов Бедноты Северной области ([3]), который произошел в Петрограде в дни первой годовщины октябрьской революции. Кто из петроградцев не помнит этого изумительного съезда, на котором участвовало 22 тысячи крестьян и крестьянок, съехавшихся с нашего севера. Открытие съезда произошло на площади Урицкого, ибо не нашлось в Красном Петрограде такого помещения, которое вместило бы всех делегатов. Съезд открывает не кто иной, как Семен Восков. И все мы прямо любовались, с какой выдержкой, с какой находчивостью и с каким талантом Восков руководил этим никогда невиданным съездом 22 тысяч крестьян, заседавших на одной из крупнейших площадей Петрограда. Громкому голосу приходил на помощь превосходный жест и мимика. Удачно сказанное остроумное словцо сплачивало всю эту громадную человеческую массу, съехавшуюся

с разных концов, не привыкшую к дисциплине собраний. И в течение всей недели, пока продолжался этот съезд, Восков работает до упада, до изнеможения, являясь всюду, где что-либо не ладится и где надо прийти на помощь. Работа Семена Воскова на этом съезде окончательно показала всем нам, какого масштаба организатора и оратора мы имели в лице этого рабочего.

Но вот надвигается боевая страда. Борьба на фронтах становится самым важным, самым насущным делом. Неделями Восков добивается от пишущего эти строки, чтобы его, Воскова, с мирной работы отпустили на работу военную. Наконец, Воскову удается добиться своего, его отпускают в Красную армию. Восков, чрезвычайно довольный этим обстоятельством, сразу окунается в самую гущу военного строительства. К этому времени только что начинает создаваться 7-я армия, создаваться, как это привычно было в те времена, почти из ничего. Восков является первым членом революционного военного Совета 7-й армии. Он стоял у колыбели той славной армии, которая дважды защитила Красный Петроград и ныне превратилась в Петроградскую Трудовую армию. И Восков имеет перед этой армией бесконечные заслуги.

Необычайная сердечная мягкость и отзывчивость, самоотверженность и чрезвычайно резко выраженная склонность к самопожертвованию быстро делают Семена Воскова любимым товарищем среди красноармейцев. Восков не всегда, по крайней мере в начале его военной деятельности, умел проявить достаточно требовательности там, где дело шло о формальной военной дисциплине. И одно время даже тов. Троцкий, который близко знал и высоко ценил талант и душевные качества т. Воскова, говаривал нам, что, пожалуй, у тов. Воскова не хватит некоторых из тех качеств, которые нужны для военного работника. Но эти опасения оказались необоснованными. Восков сумел покорить себя в военной дисциплине, из него выработался образцовый тип комиссара, который умел быть родным братом красноармейцам, терпеть те же лишения, что и рядовой красноармеец, спать с ним вместе в одной теплушке, на одних нарах, есть из одного котла, делить с ним все невзгоды, быть его любимым учителем и товарищем и, вместе с тем, быть признанным его начальством и командиром. Семен Восков поднял звание военного комиссара на ту недосягаемую высоту, на которую это звание поднимали самые лучшие, самые самоотверженные, самые выдающиеся наши товарищи.

Семен Восков был из тех пролетариев, которые поистине являются солью своего класса. Без Восковых рабочая масса была бы простой людской пылью. Это Восковы кровью своего сердца скрепляют рабочие массы в великий могущественный класс, освобождающий себя и все человечество. Восковы, это — цемент, который скрепляет рабочую массу, превращая ее в класс. На Восковых держится Советская Россия.

Семен Восков вместе с тем был человеком редкой душевной чуткости. Его рассказ, его речь, его статья (он писал редко, но всегда превосходно), его простая беседа всегда дышали какой-то изумительной поэтичностью и неиссякаемой верой в дело пролетарской революции. Его милую улыбку любили все товарищи без исключения. Всякий из нас знал, что Воскова можно послать на самую опасную и самую ответственную работу и положиться на него, как на каменную гору.

Никогда не забуду, как горел Восков в дни наших первых неудач, во время первого наступления Юденича и во время нападения Булак-Балаховича на Псков. В самом трудном месте всегда и неизменно был Восков.

Помню речь Воскова на завтра после освобождения Пскова. Он произносил ее на собрании тех красноармейцев, которые вместе с ним взяли Псков, в одном из самых больших зал Пскова, куда и мне в этот день довелось приехать. Восков говорил об обязанностях коммуниста. Было что-то отшельническое во всей этой речи, нечто почти религиозное. Восков нарисовал фигуру коммуниста, жертвовавшего собою во имя интересов рабочих и крестьян. И вся речь была настолько проста, все образы были настолько светлы, что каждый из нас чувствовал: любое слово тов. Воскова доходит до глубины души каждого рядового крестьянина-красноармейца, находящегося в этом зале.

Все, кто знал Семена Воскова, оценят, какую большую потерю понес петроградский рабочий класс и рабочий класс всей нашей страны в лице Воскова. Мы не знаем подробностей того, как работал т. Восков на юге, но мы глубочайше убеждены, что и там Восков всегда был на самом опасном месте. Если красноармейцы его дивизии попадали в беду, можно заранее сказать, что Восков всегда был с ними на опасном месте. Если сыпняк особенно жестоко косил красноармейцев его дивизии, можно заранее сказать, Восков, не считаясь ни с чем, наверняка всегда был там, где опасность заразиться была всего больше.

Счастлив тот класс, счастлива та партия, которая выдвигает из своих «низов» таких золотых людей, таких самоотверженных работников, каким был Семен Восков.

Петроградские рабочие, солдаты Петроградской Трудовой армии, у колыбели которой стоял Семен Восков, на-днях мы будем хоронить на Марсовом поле, рядом с Володарским, нашего славного незабвенного товарища, Семена Воскова. Все должны прийти на эти похороны, чтобы отдать последний долг лучшему нашему товарищу.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) Некролог «Семен Восков» помещен в № 61, от 18 марта 1920 года газеты «Петроградская Правда».

[2]) Восков умер в марте 1920 г.

[3]) Первый съезд комитетов деревенской бедноты союза коммун Северной области состоялся 11 декабря 1918 г.

МОГИЛЫ КАРЛА ЛИБКНЕХТА И РОЗЫ ЛЮКСЕМБУРГ (1).

Розу Люксембург и Карла Либкнехта убили целый год тому назад. На могилах этих двух вождей всемирного пролетариата Шейдеман и Людендорф не разрешили германским рабочим поставить даже скромный памятник. Шейдеман и Носке «победили» Либкнехта и Люксембург. Носке и Шейдеман сидят в министрах, а Либкнехт и Люксембург спят в сырой земле.

Отчего же эти гордые «победители» так боятся двух дорогих нам могил? Отчего как раз в день первой годовщины убийства Либкнехта и Люксембург германские буржуа и их цепные псы, социал-демократы, сидят как на иголках и не знают, что день грядущий им готовит?

Оттого, что мертвые Либкнехт и Люксембург все же остаются страшными буржуазии и социал-предателям. Оттого, что могилы Либкнехта и Люксембург — священные для пролетариата могилы.

В памятные январские дни 1919 года, когда шайки буржуев и банды социал-демократов «победили» уже берлинских пролетариев, когда догорали последние огоньки великого рабочего восстания, — в эти дни банды белых офицеров поймали на площади молодого повстанца юношу рабочего, приставили ему два револьвера к виску и потребовали: кричи — «да здравствует Шейдеман!». Юноша крикнул: «да здравствует Карл Либкнехт» — и был тут же убит...

За год, протекший со времени убийства Розы Люксембург и Карла Либкнехта, обаяние этих двух светлых имен возросло в тысячи раз. В России нет такой деревни, где не знали бы имен Либкнехта и Люксембург. При упоминании имен Карла Либкнехта и Розы Люксембург учащенно бьются сердца трудящихся людей всего мира.

Из своих могил Карл Либкнехт и Роза Люксембург зовут нас к борьбе.

— Поверните штыки против ваших угнетателей!

— Не гражданский мир, но гражданская война — вот наш пароль!

— Главный твой враг — в собственной стране. Этот враг — буржуазия!

— Долой империалистическую войну, да здравствует мир, заключенный пролетариями!

Эти лозунги бросил нам Карл Либкнехт еще в 1915 г., задолго до пролетарской революции в России.

А после нашей революции первым словом Либкнехта по выходе его из каторжной тюрьмы было:

Привет правительству мозолистых рук!..

К германским рабочим Либкнехт и Люксембург обращаются со словами:

— Низвергайте палачей Гинденбурга и Гогенцоллерна, навязавших рабоче-крестьянской России грабительский Брестский мир!

К французским и английским рабочим Либкнехт и Люксембург взывают:

— Помогите Российской Советской Республике, заставьте разбойников Антанты убрать свои кровавые лапы и отказаться от интервенции!

Рабочим всего мира Либкнехт и Люксембург бросают призыв:

— Организуйтесь под знаменами III Коммунистического Интернационала!

Тяжело приходится нашим братьям—германским рабочим. Наша победа в России далась нам несравненно легче. Нет такого города в Германии, где бы мостовые улиц не были обагрены рабочей кровью.

Пасть бешеной собаки, носящей кличку «Носке», вся в крови. Вильгельмовы генералы, прусские дворянчики-офицеры, золотая буржуазная молодежь, белогвардейцы всех сортов пьяны от запаха рабочей крови, которой они залили города Германии.

В знаменательный день первой годовщины убийства Люксембург и Либкнехта опять закипает борьба в Берлине. Снова грохочут пушки. Снова господа «социал-демократы» объединяются с зверскими шайками белогвардейских генералов и офицеров против рабочих. Английские капиталисты встревожены. Французские империалисты не скрывают своего беспокойства: не пойдут ли ко дну ихние социал-демократы.

Мы не знаем еще, чем кончится новое берлинское восстание. Но мы помним заглавие последней статьи Карла Либкнехта, написанной им за несколько часов до его смерти. В самую тяжкую минуту Либкнехт писал:

— Мы победим, несмотря ни на что!

Да, это так, мы победим, несмотря ни на что. Германские рабочие победят своих угнетателей. Коммунистический Интернационал крепнет с каждым днем. Заветы Карла Либкнехта и Розы Люксембург священны для Коммунистического Интернационала. Коммунистический Интернационал победит.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) Статья из № 11 газеты «Петроградская Правда», 16 января 1920 г.

В. В. ВОРОВСКИЙ (1).

(П. Орловский.)

Антантовские убийцы хорошо целились. Они вырвали из рядов нашей партии и международного рабочего движения выдающуюся фигуру.

Вацлав Вацлавович Воровский участвовал в революционном движении в течение более, чем 30 лет. Уже в 1891 году он является одним из руководителей польского революционного студенческого кружка в Москве. Уже в 1896 году он получил первое боевое крещение: его высылают из Москвы на время коронационных торжеств под надзор полиции в Вологодскую губернию. С осени 1896 года Вацлав Вацлавович является организованным членом с.-д. кружка, тесно связанного с группой «Рабочего Союза». В 1897 году тов. Воровского арестовывают и при этом находят у него большое количество рукописей и нелегальной литературы. В 1898 году — вторая ссылка в Вятскую губернию на 3 года.

В это же время покойный товарищ начинает свою литературную деятельность. Он выступает с рядом много обещающих и, порою, прямо блестящих статей в литературном марксистском журнале под псевдонимом Ю. Адамович. В 1901 году Вацлав Вацлавович бежит из Перми заграницу, где сразу же занимает видное место среди деятелей нашей партии, находившихся в то время в эмиграции. Вацлав Вацлавович ведет и заграницей усиленную литературную работу, сотрудничает в руководящих партийных изданиях и готовится к работе в России. В 1903 году, когда раскол между большевиками и меньшевиками стал фактом, тов. Воровский без малейшего колебания примыкает к большевикам и занимает виднейшее место в большевистской фракции. Когда большевистская фракция выпускает в Женеве свою первую газету «Вперед», одним из редакторов этой газеты был и тов. Воровский вместе с т.т. Лениным, Луначарским и Ольминским. В 1905 году тов. Воровский — один из виднейших делегатов большевистского 3-го съезда от николаевской организации нашей партии. После октябрьских дней 1905 года тов. Воровский, вместе с остальными руководителями большевистской партии, немедленно возвращается

В. ВОРОВСКИЙ.

в Россию, где продолжает работу одним из членов «Большевистского Центра» и редактором руководящих большевистских газет и журналов. В 1907 году он привлекается вновь за принадлежность к партии и высылается в Вятскую губ. на три года. В 1909 году, в разгар контр-революции и бешеных репрессий, Вацлав Вацлавович является членом одесского комитета партии. В январе 1910 года его вновь арестовывают и предают суду. В 1912 году он принимает деятельное участие в избирательной кампании по выборам в 4-ю Государственную Думу от города Одессы, за это подвергается новому аресту и высылке в Вологду.

Нечего и говорить, что в 1917 году с первых же минут существования Советской власти Вацлав Вацлавович оказывается на посту и принимает деятельнейшее участие во всей работе нашей партии. Прекрасные статьи тов. Воровского в старой «Искре», выходившей под редакцией Плеханова и т. Ленина. в большевистских газетах «Вперед» и «Пролетарий», в целом ряде легальных изданий большевизма указали нам на Вацлава Вацлавовича, как на одного из прекраснейших мастеров марксистской литературы.

Кто знал покойного товарища, не забудет его искрометного остроумия, его замечательной прозорливости и марксистской глубины. Тов. Воровский был одним из тех, кто стоял не только у колыбели большевистского движения, но являлся пионером и основателем рабочего движения вообще.

Рабочие России и всего мира должны знать, кого потеряли мы в лице Вацлава Вацлавовича.

Убийство совершилось в стране самой передовой «демократии». Тов. Воровский приехал в Швейцарию, как представитель советского государства, для участия в конференции, долженствующей разрешить турецкий вопрос. Приезд советского представителя был бельмом на глазу у всех тех, кто хотел бы, чтобы удушение турецкого народа произошло без излишнего шума, в четырех стенах. В течение нескольких дней газеты совершенно определенно говорили о том, что националистические головорезы готовят нападение на нашего посла. «Солидные», «большие» газеты вели только обычную «дипломатическую» травлю против нашего представителя, на деле же они подготовляли почву для фашистского разбоя.

Ответственность за кровавое убийство ложится не только на громил швейцарского фашизма и на кучку захолустной буржуа-

зии, стоящей во главе пресловутой швейцарской «демократической» республики. Политическая ответственность за неслыханное преступление ложится, прежде всего, на заправил Антанты, на так называемые «приглашающие» державы, которые являются режиссерами и хозяевами Лозаннской конференции. Рабочие сумеют призвать к ответу виновников кровавого убийства.

Выстрел в тов. Воровского грянул в тревожный момент. Наиболее непримиримая часть английских империалистов делает все возможное и невозможное, чтобы ввергнуть Европу в пучину новой войны. Все это звенья одной цепи: Рур, триумфальная поездка генерала Фоша, ультиматум Керзона Советской России, выстрел в тов. Воровского, неслыханно наглое поведение польской буржуазии, рост международного фашизма, бешеное наступление капитала.

Пал на посту один из основателей нашей партии, один из лучших умов международного марксизма, один из преданнейших работников международного рабочего движения.

Сомкнем ряды. Придет пора, и убийцы тов. Воровского и вдохновители этих убийц ответят рабочему классу.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Некролог «В. В. Воровский» помещен в № 104 газеты «Правда», 12 мая 1923 г.

[2]) Убийство произошло вечером 10 мая 1923 года в Лозанне.

ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ (1).

Товарищи, на меня возложена почетная задача выступить перед вами со вступительной речью. Сегодня на нас хлынуло так много событий и воспоминаний, что поистине не знаешь, о чем раньше говорить. В самом деле, что происходит у нас? Отдадим себе отчет. На земле, которую завоевал русский рабочий класс, в Республике Советов, которая существует под градом перекрестного огня неприятеля в течение пяти лет, открывается четвертый Всемирный Конгресс передовых пролетариев 52 стран. Я думаю, товарищи, что будет правильно сказать, что событий, равных по величине, по их исторической значительности, нам редко приходилось переживать. Естественно, что первые наши слова мы должны посвятить памяти тех, которые пали в течение пяти истекших лет в борьбе за то, чтобы русская земля осталась Советской, и в борьбе за то, чтобы знамя коммунистической партии не было бы вырвано из рук передовых борцов различных стран, которые в очень многих государствах являются еще пока только героическим меньшинством. Число наших погибших товарищей неисчислимо. Если взять одну только нашу страну, то у нас жертвы исчисляются наверное десятками тысяч. Мне сегодня попался в руки небольшой сборничек, посвященный одному из отрядов погибших в борьбе за защиту одного только из советских городов — нашего города Петрограда, сборничек, посвященный памяти отряда шлиссельбургских рабочих, который в 1919 году в числе других отрядов защищал наш Красный Петроград. Что такое Шлиссельбург во всей Советской России, — я не говорю уже о территории всего мира, где живут и борются наши товарищи? Это — маленький уголок, это один фабричный поселок, один крупный завод. И отряду этого крупного завода, который стоял у стен Петрограда в 1919 году, посвящен специальный сборник, перечисляющий десятки и десятки рабочих Шлиссельбурга, которые с винтовкою в руках погибли, защищая один из городов Советской Республики. Прикиньте же теперь, товарищи, как велики и неисчислимы жертвы пролетарской борьбы, если возьмем собирательный, коллективный Шлиссельбург, — если возьмем рабочих всей России, если возьмем коммунистов всего мира! Я видел на-днях другую книгу. Кто-то из московских товарищей попытался положить начало собиранию биографий

выдающихся наших товарищей, погибших за эти годы. Одно перечисление имен петитом заняло целую книгу, я думаю, минимум 15 или 20 печатных листов. Да и то собраны имена только тех товарищей, которые были более известны нашей партии и Советской власти. А мы знаем, что в борьбе за Советское знамя погибли десятки тысяч безымянных героев, имена которых пока пропадают для истории.

За эти годы в Германии не осталось ни одного города, пожалуй, ни одной крупной площади в крупных городах, которые не покрылись бы кровью рабочих, боровшихся за знамя коммунизма. В Венгрии при первых попытках к рабочему восстанию погибли тысячи и тысячи наших братьев, а многие из них сейчас заключены в тюрьмах. Не далее как две недели тому назад в один день было арестовано 170 коммунистов в Будапеште. В ближней нам Финляндии, где рабочие сделали первую попытку рабочего восстания, погибли десятки тысяч рабочих и сейчас находятся в тюрьмах тысячи. На Балканах, в Румынии целая наша партия пропутешествовала прямо со съезда в каторжную тюрьму и многих при этом расстреляли по дороге. В Греции буржуазная революция застала большую группу борцов за коммунизм в тюрьмах. И только часть из них освобождена восставшими солдатами, теми самыми солдатами, которые, к слову сказать, обезоруживали своих собственных буржуазных офицеров с возгласом: «Да здравствует Ленин» на устах. В Америке за эти годы в каторжных тюрьмах перебывали сотни и сотни лучших наших работников. И сейчас за принадлежность к Коммунистическому Интернационалу американская буржуазия не скупится давать по меньшей мере 20 лет каторги. В Италии наши товарищи в течение нескольких лет уже ведут гражданскую войну с переменным успехом. И вы знаете, что в момент, когда мы открываем IV Всемирный конгресс, итальянский рабочий класс в буквальном смысле слова отдан на поток и разграбление фашистской шайке, вожди которой, к слову сказать, вышли из рядов прежних социалистов. И, как всегда, мы видели в ходе нашей революции, эти ренегаты социализма стали особенно яростными, особенно безжалостными палачами рабочего класса, которые по заданию буржуазии выполняют самую зверскую расправу над пролетариатом их страны. Я думаю, товарищи, что сейчас, мысленно возвращаясь к началу нашей революции и подводя итоги первого пятилетия великой, грандиозной борьбы мирового

рабочего класса за победу пролетарской революции, мы прежде всего помянем тех наших лучших людей, лучших вождей и братьев, которых нет уже среди нас, тех товарищей, которые погибли в Советской России и во всем мире за дело коммунизма. Вечная память первым борцам мировой пролетарской революции.

Товарищи, прошло пять лет с тех пор, как рабочие того города, где сейчас открыт IV Всемирный Конгресс, низвергли буржуазию и взяли власть в свои руки. В течение этих пяти лет без преувеличения каждый день был важнейшим уроком для пролетариата нашей страны и пролетариата всего мира. Последний год был для Коммунистического Интернационала во многих отношениях решающим годом. Между 3 и 4 Конгрессом протекло 15 месяцев. Именно в течение этих 15 месяцев в известном смысле решались ближайшие судьбы Коммунистического Интернационала. Само собой понятно,—полная победа Коммунистического Интернационала, в историческом смысле, безусловно обеспечена. Если бы даже наше поколение борцов было сметено огнем реакции, как это было сделано с парижскими коммунарами и 1-м Интернационалом, то и тогда Коммунистический Интернационал все равно возродился бы и, в конце концов, привел бы международный пролетариат к победе. Но вопрос шел о том, удастся ли Коммунистическому Интернационалу, как он сложился сейчас, удастся ли нашему поколению борцов выполнить ту историческую миссию, которую взял на себя III Коммунистический Интернационал. Этот вопрос решался как раз между 3-м и 4-м конгрессами. Третий конгресс закончил свою работу к моменту, когда наступление капитала и всемирной реакции приобрело небывалую планомерность и силу. На 3-м конгрессе стало ясно, что от нас начинают отходить некоторые ненадежные попутчики. В связи с окончанием 3-го Конгресса, наши противники сулили Коминтерну, если не смерть, то ослабление и закат. И именно, под перекрестным огнем наступления капитала, за последние 15 месяцев решалось—устоит ли на посту наша молодая, местами еще не окрепшая международная коммунистическая партия. В Коминтерне 50 с лишним партий. Среди них есть такие, которые по числу членов превосходят российскую коммунистическую партию, какою она была пять лет тому назад, перед началом переворота. Но есть и ряд партий, еще не окрепших, еще не вполне сложившихся, еще переживающих первые наиболее трудные времена. Комбинированные силы международного капита-

лизма и меньшевизма в лице 2-го Интернационала в течение этих 15 месяцев штурмовали отдельные партии Коммунистического Интернационала. Все усилия буржуазного мира и услужающего ему 2-го и $2^1/_2$ Интернационала в течение этого времени были направлены на то, чтобы подкопаться под наши партии, чтобы вырвать из наших рядов отдельные отряды, чтобы разрушить Коминтерн. Это были критические месяцы в жизни Коминтерна.

Мы не привыкли, даже в самые тревожные моменты, заниматься самообольщением, преувеличением наших сил. Великая сила коммунизма заключается в том, что он умеет высказать правду, даже когда эта правда горькая. Если бы положение Коминтерна в настоящий момент было таковым, как этого ожидали наши противники, было бы недостойно, чтобы мы на 4-м Конгрессе скрывали нашу слабость. Мы должны сказать то, что есть. И мы говорим то, что есть. Оглядываясь на пройденный путь, подытоживая наши силы, какими их застает 4-й Конгресс, мы имеем полное право, нисколько не преувеличивая, сказать, что Коминтерн трудные времена пережил и возрос и окреп настолько, что ему не страшно сейчас никакое нападение всемирной реакции. Именно тяжелые годы, годы планомернейшего наступления международных капиталистов во всем мире, годы объединения 2-го и $2^1/_2$ Интернационалов, годы голода в Советской России, годы, заполненные бесконечными стачками, в которых почти всегда поражение терпел рабочий класс, именно эти годы показали, что Коминтерн заложил солидный фундамент, что Коминтерну не страшны козни всемирной реакции, что Коминтерн жив и будет жить на страх врагам.

За это время совершались и другие события решающего характера. Программная и тактическая линия Коминтерна, как она формулирована важнейшими нашими съездами, высшими законодательными органами международного пролетариата, эта программная и тактическая линия также прошла через испытания огня и также показала себя правильной. Вы помните, как еще недавно мы переживали крупные события в Германии. Сравнительно еще недавно отзвучали речи на знаменитом съезде в Галле, когда нам довелось от имени Коминтерна сказать, после известного решающего голосования в Галле, что правые независимые, отказавшись принять 21 условие, повернули к буржуазии, и, стало быть, им остается одна дорога — дорога к социал-демократии —

к Носке. Когда мы сказали это, то на скамьях правых независимых было неслыханное возмущение. Они считали наше заявление злостной выдумкой. Теперь это факт, предсказание Коминтерна исполнилось, правые независимцы находятся в рядах Носке, в рядах палачей рабочего класса. Такой же необычайный интересный опыт проверки тактики Коминтерна мы пережили в Италии — в стране, которая в известном смысле сейчас занимает авансцену международных событий. Когда произошел раскол в Ливорно, мы сказали тем, кто не пошел за Коминтерном: у вас два пути — или вы пойдете за реформистами, за 2-м Интернационалом и, стало быть, через короткое время окажетесь в лагере буржуазии, или вы признаете свою ошибку и вы вернетесь в ряды Коммунистического Интернационала. Я не знаю, как смотрят на урок Италии отдельные вожди итальянской социалистической партии. Но я твердо знаю, как смотрит громадное большинство итальянских рабочих социалистов. Громадное большинство итальянских рабочих социалистов, на своем недавнем съезде в Риме, признало свою ошибку и правоту Коминтерна, — они возвращаются в наши ряды. И разумеется, мы примем их как братьев.

Товарищи, на этих двух примерах (я не буду их множить), на этих двух достаточно ярких примерах международного движения, доказано с необычайной ясностью всем честным сознательным пролетариям мира, что 21 условие, выдвинутое на 2-м Конгрессе, не есть выдумка, не есть придирка, не есть догма, а есть коллективный разум борющегося за свое освобождение от цепей капитализма международного пролетариата. Тактика Коммунистического Интернационала верна, испробована жизнью, мы имеем точную и яркую дорогу, мы знаем, куда мы идем, мы знаем, куда мы ведем международный пролетариат. И поэтому с большими или меньшими жертвами — это не вполне зависит от нас — в течение большего или меньшего количества времени, мы гарантируем это международному пролетариату — мы приведем его к полной победе над буржуазией.

Одно из важнейших событий последнего времени есть объединение 2-го и $2^1/_2$ Интернационалов: то, что предвидел и предсказывал Коминтерн — совершилось. От этого объединения революционная борьба рабочих только выиграет. 2-й и $2^1/_2$ Интернационалы — одного поля ягода. И та и другая организация являются организациями контр-революционными. Для революционных пролетариев выгодно, чтобы было поменьше ширм.

Для нас выгодно, что сейчас вся наша борьба будет протекать в простых и ясных рамках. Два лагеря, два деления. На одной стороне второй Интернационал, Интернационал Носке, Интернационал социал-предателей, Интернационал преступников против рабочего класса. На другой стороне наше всемирное братство, наше товарищество рабочих всех стран, называемое Коммунистическим Интернационалом.

Объединение 2-го и $2^1/_2$ Интернационалов, это должно быть сказано во всеуслышание, знаменует собою, между прочим, новую подготовку белого террора против рабочих, борющихся за свое освобождение. Может быть, сейчас эти наши слова у социал-демократии вызовут такое же возмущение, как наше заявление в Галле или по поводу Ливорно. Однако, мы перед рабочими всего мира берем ответственность за то, что заявляем. Объединение 2-го и $2^1/_2$ Интернационалов есть не что иное, как артиллерийская подготовка для нового, небывало бешеного натиска международной буржуазии против революционных рабочих. Объединение 2-го и $2^1/_2$ Интернационалов подготовляет почву для новых Галифе, Носке, Муссолини, для новых палачей рабочего класса. Вожди 2-го и $2^1/_2$ Интернационалов в этом смысле активно выполняют новое задание международной буржуазии. Вопрос о нашем отношении к объединению 2-го и $2^1/_2$ Интернационалов есть вопрос не только внутрипартийной политики и внутрипартийной тактики. Это есть вопрос всей мировой политики. Объективные предпосылки для победы пролетарской революции во всех решающих странах назрели. Все предпосылки для победы социализма на-лицо. Единственно чего не хватает рабочему классу всего мира, это — так называемого субъективного фактора достаточной организованности самого рабочего класса, достаточной сознательности нашего собственного класса. И в этом смысле роль социал-демократии для данного времени очень велика. Без преувеличения можем сказать, что главнейшая центральная задача наших дней, может быть, можно даже сказать всей нашей эпохи, заключается в том, чтобы победить социал-демократию, главный международный фактор контрреволюции, главный тормаз на пути к победе международного рабочего класса. Вот что должны помнить больше всего наши коммунистические партии, только-что выходящие на дорогу. Наша борьба с международным меньшевизмом с объединением 2-го и $2^1/_2$ Интернационалов не есть борьба фракций социализма внутри социализма, как это

иногда думают, не есть столкновение отдельных течений. Нет, нет. На деле, по существу, это есть последний и решающий бой международного рабочего класса, освободившегося от буржуазного дурмана, против последнего экспонента, против последнего агента международного капитала, против меньшевизма.

Я думаю, что именно ко дню 5-й годовщины мы обязаны сказать это рабочим всего мира с особой настойчивостью. И позвольте мне два слова личного отступления. Мне кажется, что я особенно обязан это сказать к 5-й годовщине революции. Вы знаете, т.т., что 5 лет тому назад мне довелось, в числе некоторых товарищей, сделать большую ошибку, которая составляет, как я считаю до сих пор, самую большую ошибку, какую мне пришлось сделать в жизни. Мне в то время не удалось полностью понять международной контр-революционности меньшевиков. В течение десятка с лишним лет, боровшись с меньшевиками, я все-таки, как и многие товарищи тогда, в решающую минуту не мог отделаться от мысли, что меньшевики и эс-эры являются правой фракцией, правым флангом, но фракцией рабочего класса, а на деле являются и левым, весьма ловким, бойким и поэтому опасным флангом международной буржуазии. И мне кажется поэтому, товарищи, мы обязаны сказать всем нашим товарищам, которые местами только что начинают свою решительную борьбу с международным меньшевизмом и сейчас находятся в огне этой борьбы,— мы обязаны напомнить им об уроках собственной революции и сказать им: «больше всего бойтесь ошибиться в этом вопросе, бойтесь недооценить громадной опасности, идущей из лагеря меньшевизма, из лагеря второго Интернационала, бойтесь недооценить хитрости, коварства этого врага и того зла, которое проистекает от политики его вождей, бойтесь смотреть на меньшевизм, как на правое крыло собственного движения. Смотрите на него, как на главного врага, как на того сотрудника международной буржуазии, которым держится буржуазия. Ибо это так и есть. Капитализм держится теперь исключительно милостью социал-предателей из 2-го Интернационала и вдохновляется ими. Однако, рабочий класс теперь настолько многочислен, что одним пожатием плеча мог бы смахнуть международный капитал,—если бы только у него постоянно не путались в ногах социал-демократы, не держали бы его за руки, не увивались бы вокруг него.

К пятой годовщине Октябрьской Революции мы обязаны сказать международному пролетариату: меньшевики обвиняли нас

в том, что Октябрьская Революция является нашей ошибкой, что мы не просуществуем и нескольких недель. Потом они говорили, что Антанта нас задавит в течение нескольких месяцев, что с нами покончит вооруженная рука Колчака и Юденича. Затем говорили, что голод задавит нас, что наша тактика сплошь ошибки,—я думаю, что в этом отношении события показали, что если в чем и могут ныне упрекнуть нас господа меньшевики, так это разве в том, что мы сделали ошибку, совершив революцию в октябре, когда погода плохая, часто бывают дожди. Но мне кажется, достаточно мощное сегодняшнее выступление питерских рабочих показало, несмотря на «меньшевистский дождь», что и этот «аргумент» меньшевизма побит в сегодняшней петроградской демонстрации.

Два слова о международном значении НЭП'а (новая экономическая политика).

Товарищи, в прошлом году на III Конгрессе, когда мы приступили к введению НЭП'а, мы могли вам дать только теоретическое, только довольно отвлеченное представление о том, какую роль будет играть НЭП в жизни первой рабочей республики. Сейчас мы имеем на этот счет гораздо больше ясности. И мы обязаны вам — товарищи всех стран — сказать следующее: многие из вас, сокрушаясь по поводу частичного возрождения капитализма в Советской России, из лучших чувств к нам, говорили — «да, мы понимаем, что вы вынуждены вводить новую экономическую политику, потому что мы, рабочие других стран, слишком еще слабы, мы не можем еще прийти к вам на помощь». Это, конечно, верно, но аргумент этот все-таки недостаточен.

Мы пришли к тому убеждению, товарищи, что новая экономическая политика есть результат не только того, что коммунисты в целом ряде капиталистических стран еще слишком слабы. Нет, она есть нечто большее. Мы обязаны сказать вам,— во вступительной речи не место это подробно обосновывать, — что НЭП есть некий экономический этап, через который пройдет, вероятно, целый ряд стран, и быть может также крупные промышленные страны, даже с подавляющим большинством промышленного пролетариата. И лишь в виде исключения некоторые страны смогут миновать этот этап. Русская делегация подробно разовьет это на Конгрессе. Мы вам должны это сказать, потому что на основе этих выводов, мы надеемся, будет построена вся стратегия четвертого конгресса, весь боевой план всей нашей

борьбы на ближайший год до пятого конгресса. Мы думаем, что НЭП есть выражение не только слабости коммунизма в некоторых капиталистических странах, но есть выражение и того, что пролетариат должен уметь соразмерять свои силы с силой крестьянства и ясно установить соотношение между передовыми промышленными рабочими и большинством сельского населения. Мы этого не учли с самого начала, потому что не имели точного глазомера. И это неудивительно. Ибо наша революция тем и велика, что она впервые подошла к этому вопросу практически. НЭП не есть эпизод, НЭП не есть только выражение слабости братских нам партий в передовых странах капитализма, нет, это есть тактическая мудрость, выстраданная первой большой пролетарской революцией в крестьянской стране. Результат борьбы рабочего класса первой победоносной Республики, того рабочего класса, который сначала попытался пойти слишком быстрыми шагами, но который должен был понять, что для того, чтобы не терять такта, чтобы не терять соприкосновения с громадной массой крестьянства, которое в определенной обстановке решает исход революции, должен был понять, что нужно прибегнуть к той сумме мер, которая получила название «новой экономической политики». И вот, товарищи, когда мы будем обсуждать на нашем конгрессе аграрный вопрос и вырабатывать программу действий для аграрных стран, когда мы будем обсуждать нашу программу Коммунистического Интернационала, и когда мы будем говорить о целом ряде будущих вопросов, поставленных на очереди, нам придется остановиться на мысли, сейчас высказанной. Она нуждается в обширном обосновании, и мы это сделаем в ходе наших работ на конгрессе.

Мы говорим вам: насколько можно предвидеть, через «новую экономическую политику» придется пройти и центральной Европе, и Балканам и, быть может, целому ряду других стран, в которых промышленный пролетариат составляет даже большинство. Для нейтрализации крестьянства, или по крайней мере известных его слоев, вам придется пройти через политику, аналогичную НЭП'у, — конечно, с теми или иными модификациями, зависящими от конкретной обстановки.

Советская Россия гордится тем, что может прийти на помощь международному пролетариату. Пять лет нашей революции истекли. И мы можем подводить итоги этому пятилетию. Быть может, мы это сделаем более подробно на завтрашнем

собрании. Но одно мы можем сказать и сейчас, — пять лет необычайно тяжелой борьбы, бесчисленного количества жертв, небывалого количества препятствий, голода, неслыханной блокады, интервенции и проч. не сломили рабочего класса России. К пятому году революции массы, хотя и уставшие, хотя и измучившиеся, не только не отхлынули от нашей партии, — это мы говорим вам в полном сознании того, что не имеем права перед международным конгрессом коммунистов сколько-нибудь прикрашивать наше положение, и говорим потому, что это есть истина, — рабочие массы не только не отхлынули от РКП, но мы чувствуем, как эти массы приливают к нашей партии с такой же интенсивностью, как это было в самые лучшие дни подъема революции, пять лет тому назад. То, что вы видели сегодня в Петрограде, вы можете видеть в любом городе Советской Республики, в любом рабочем поселке, в любом руднике, всюду, где есть рабочие, где есть трудящиеся массы, которые за эти пять лет ужасной борьбы могли устать и имели право на известную так сказать передышку, но которые остались с нами. Эти рабочие массы сейчас, как еще никогда, поверили в окончательную победу Советской Республики. И это чувствует каждый из нас, кто живет в особенности среди рабочих масс России таких изумительных пролетарских городов, как Красный Петроград. Если даже были некоторые слои рабочих, у которых была внутренняя неуверенность, были колебания, которые все еще думали, что может быть мы будем побеждены, то сейчас эти слои рабочих потеряли эти колебания. Никогда еще, как сейчас, наша партия не чувствовала, что она на верном пути, что рабочие массы ей полностью доверяют и идут за нею. Коммунистическая партия России подносит 4-му Конгрессу, ко дню пятой годовщины Великой Октябрьской Революции, сплоченный живой, бодрый и верящий в свою силу рабочий класс... Вот почему в день пятой годовщины Октябрьской революции, мы смеемся в лицо теням прошлого, эс.-эрам, меньшевикам, русским партиям 2-го Интернационала. Мы на верном пути. Бывали времена в течение этих пяти крестных лет, когда коммунистическая партия и вполне убежденный в нашей правоте пролетариат были меньшинством. Бывали времена, когда под гнетом неслыханных тягот были колебания и в рядах рабочего класса. Но в том-то и заключается великая заслуга славной Российской Коммунистической Партии, которая гордится тем, что является

отрядом Коминтерна, что и в эти минуты колебаний мы не выпустили нашего знамени, ибо мы знали, что через тернии, через отчаянные препятствия и жертвы, мы приведем рабочий класс к полной победе. К пятому году Октябрьской революции мы говорим: наиболее трудное осталось позади. Мы вывели рабочий класс нашей страны на широкую дорогу. Наша партия, начавшая Октябрьскую революцию и прошедшая небывало тяжелый, но славный и великий путь, наша партия, являющаяся только одной из секций Коммунистического Интернационала, завоевала рабочий класс величайшей страны, перекинула мост в необъятную деревню и повела за собою всю Советскую Россию.

Мы гарантируем вам, товарищи, что в «тылу» у вас борется партия, которая, если бы даже настали какие угодно тяжкие времена, не опустит своего знамени. Наша величайшая гордость во все самые тяжкие минуты революции была в том, что мы знали, что открываем дорогу рабочим всего мира для организации их рядов. Мы знаем прекрасно, что не пройдет и нескольких лет, как ряд партий обгонит нас, как ряд более промышленных стран, совершив свою пролетарскую революцию, займут первенствующее место в Коммунистическом Интернационале, и мы, как сказал тов. Ленин, превратимся в отсталую советскую страну среди других более передовых советских стран. Мы это знаем, мы этого момента ждем, как величайшей победы тех, кто начинал революцию. Мы знаем не хуже вас, какие трудности стоят на вашем пути; вам предстоит встречаться с более организованной и жадной буржуазией; вам придется скрещивать шпаги с непобежденными еще предателями 2-го Интернационала. Питерские рабочие, с которыми вам приходилось встречаться вчера на фабриках и заводах Петрограда, конечно, ждут и не дождутся, чтобы увидеть первые огоньки мировой революции. Но они прекрасно знают те трудности, которые стоят на вашем пути. Коминтерн не требует незрелых выступлений и он —против малоподготовленных восстаний, которые могли бы быть потоплены в крови рабочих и которые могли бы раздавить драгоценнейшее достояние пролетариата—организованную международную коммунистическую партию. Мы идем по стопам Парижской Коммуны. Но мы хотим коммуны победоносной. Коминтерн не позволит буржуазии разбить наши силы в отдельных советах, потопить движение в крови рабочих.

На Востоке за этот год разрослось движение, и это движение настолько пошло вперед, что сейчас почти нет восточной страны, где бы мы ни имели ядра коммунистической партии, хотя бы это ядро пока было и не велико. Да, наши партии на Востоке пока еще немногочисленны. Но наша «Группа Освобождения Труда» в России в 83 году тоже была не велика, однако ее образование знаменовало, что в России началась новая эра, что в России готовится революция. Образование коммунистических партий в таких странах, как Япония, Индия, Турция, Персия, Китай, в тех странах, которые составляют неисчислимый резерв пролетарской социалистической революции, образование таких партий есть историческое событие. Это означает, что и там накопляются силы передовых рабочих, которые поведут угнетенные нации к победе международной революции. За этот год сильно выросли национальные движения среди угнетенных народов — те национальные движения, которые объективно являются ударом в грудь международному капиталу: наростающие восстания в Индии, Китае, Египте разрушат само существование буржуазного режима.

Время работает на нас. Крот истории хорошо роет. Если, товарищи, иным из нас присутствующим в этом зале, доведется прожить хотя бы еще пяток лет, — не будем просить пока большего, — и встретить десятилетие Октябрьской революции, то мы увидим, что то, что мы сделали до сих пор, было только детской игрушкой. Мы увидим, как содрогнется мир под влиянием бесчисленных восстаний, как десятки и сотни миллионов угнетенных поднимутся против империализма. Мы увидим, как красное знамя коммунизма окажется в руках не только небольшого, хоть и героического меньшинства, но сотен и сотен миллионов угнетенных людей, сотен и сотен трудящихся, которые овладеют миром.

Да здравствует международная революция! Да здравствует российский пролетариат, который положил начало этой революции, который, погибая и падая под перекрестным беспощадным огнем неприятеля, понимал, что он борется не только за свою страну, но и за дело международного пролетариата.

Русские рабочие — интернационалисты, в самом русском смысле слова. Рабочие России, в частности рабочие Петрограда, после пяти пережитых лет не смели мечтать о более лучшей награде, как та, которую они получили сегодня.

Многие ли из вас, товарищи питерцы, первые застрельщики наших отрядов, первые борцы за Советскую власть, многие ли из вас, когда вы пять лет тому назад брали винтовку в руки и начинали строить первые слабые отряды Красной гвардии, многие ли из вас, когда выходили на эту неслыханную героическую борьбу, многие ли из вас мечтали дожить до 5-й годовщины, до принятия в стенах своего Совета IV конгресса Коммунистического Интернационала? Теперь мы до этого дожили, и не может быть более великой награды.

Конгресс вдохнет новые силы в рабочих Петрограда и в рабочих всей России. Мы возьмемся за хозяйственное строительство нашей великой Республики, мы покажем образец героизма не только на фронте гражданской войны, но и на фронте действительного восстановления социалистического хозяйства. Мы поможем нашим братьям сорганизоваться и дадим им возможность выждать и сорганизоваться, пока они смогут взять за глотку буржуазию и, конечно, придавить ей грудь. Долой международную буржуазию. Долой ее агента — Второй Интернационал. Да здравствуют коммунисты всего мира! Да здравствуют поднимающиеся на новую борьбу миллионы рабочих, которые придут к коммунизму! Да здравствует Коммунистический Интернационал!

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) Речь, произнесенная на IV конгрессе Коминтерна, в пятую годовщину октябрьской революции.

УКАЗАТЕЛИ

I.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

II.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ.

III.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ.

1908 г. **Маркс и Энгельс.** Статья за подписью «Г. Зиновьев» из сборника «Памяти Карла Маркса». Появление статьи относится к началу 1908 г. В 1918 г. сборник был переиздан изд-вом Петроградского Совета Р. и С. Депутатов. Стр. 5.

1909 г. **Памяти товарища-борца** (Петренко-Ткаченко). Некролог из № 49 газеты «Пролетарий» при Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. Женева. Стр. 102.

1911 г. **Поль Лафарг и Лаура Маркс.** Некролог за подписью «Г. Зиновьев» из № 30 газеты «Звезда». Спб. Стр. 150.

1913 г. **Маркс и Фрейлиграт.** Статья за подписью «Г. Зиновьев» из № 3 журнала «Просвещение». Спб. Стр. 34.

Маркс и Интернационал. Статья за подписью «Г. Зиновьев» из № 52 (256) газеты «Правда», 3 марта. Спб. Стр. 44.

Август Бебель. Статья за подписью «Г. Зиновьев» из № 7—8 журнала «Просвещение». Спб. Стр. 105.

Август Бебель. Статья за подписью «Г. Зиновьев» из № 2 газеты «Наш Путь». Москва. Стр. 125.

Август Бебель и народники. Статья за подписью «Г. Зиновьев» из № 39 газеты «За Правду». Спб. Стр. 141.

Бебель и Интернационал. Статья за подписью «Г. Зиновьев» из № 12 газеты «Северная Правда». Спб. Стр. 146.

Светлой памяти Иосифа Федоровича Дубровинского (Иннокентия). Некролог за подписью «Г. Зиновьев» из № 14 газеты «Рабочая Правда». Спб. Стр. 154.

1914 г. **Первое письмо Фридриха Энгельса к Карлу Марксу.** Статья за подписью «Г. З.» из № 1 журнала «Просвещение». Спб. Стр. 48.

Из переписки Карла Маркса с Фридрихом Энгельсом. Статья за подписью «Г. З.» из № 4 журнала «Просвещение». Спб. Стр. 53.

1914 г. **Август Бебель в эпоху «подполья».** Статья за подписью «Г. Зиновьев» из № 3 журнала «Просвещение». Спб. Стр. 129.

1915 г. **Замучен в тяжелой неволе.** (В. Ломтатидзе). Некролог из № 49 «Социал-Демократа». Женева. Стр. 161.

1917 г. **Маркс в эмиграции.** Перевод Г. Зиновьева главы из биографии Карла Маркса, написанной Ф. Мерингом, помещена в № 1—2 журнала «Просвещение». Петроград. Стр. 69.

1918 г. **Карл Маркс и социалистическая революция.** Речь тов. Зиновьева, произнесенная в Петросовете 11 мая, по случаю столетней годовщины Карла Маркса. Стенограмма

речи издана отдельной брошюрой в издании Петроградского Совета Р. и С. Д. Петроград. Стр. 87.

Вместо некролога Г. В. Плеханову. Стенограмма речи тов. Зиновьева, посвященной памяти Г. В. Плеханова; произнесена на заседании Петросовета 9 июня. Речь издана в том же году отдельной брошюрой. Стр. 162.

1918 г. **Г. В. Плеханов.** Статья за подписью «Г. Зиновьев» из газеты «Петроградская Правда» 4 июня. Стр. 177.

Почему мы не участвуем в похоронах Г. В. Плеханова. Статья за подписью «Г. Зиновьев» из газеты «Петроградская Правда», 6 июня. Стр. 181.

Памяти Володарского. Речь тов. Зиновьева на заседании Петроградского Совета 22 июня, изданная в специальной брошюре «Венок Коммунаров». Стр. 184.

1919 г. **Карл Либкнехт и Роза Люксембург.** Речь тов. Зиновьева на заседании Петроградского Совета 18 января, изданная особой брошюрой вместе с речью тов. Троцкого. Стр. 194.

Франц Меринг. Статья за подписью «Г. Зиновьев» из № 3 журнала «Коммунистический Интернационал», изданная отдельной брошюрой. Стр. 211.

Памяти тов. Урицкого. Речь тов. Зиновьева, произнесенная на торжественном заседании Петроградского Совета 28 августа. Стр. 219.

Леон Тышко (Иогихес). Некролог из № 5 журнала «Коммунистический Интернационал», сентябрь. Стр. 228.

Иустин Жук. Статья из № 244 газеты «Петроградская Правда», 26 октября. Стр. 233.

1920 г. **Семен Восков.** Некролог из № 61 газеты «Петроградская Правда», 18 марта. Стр. 238.

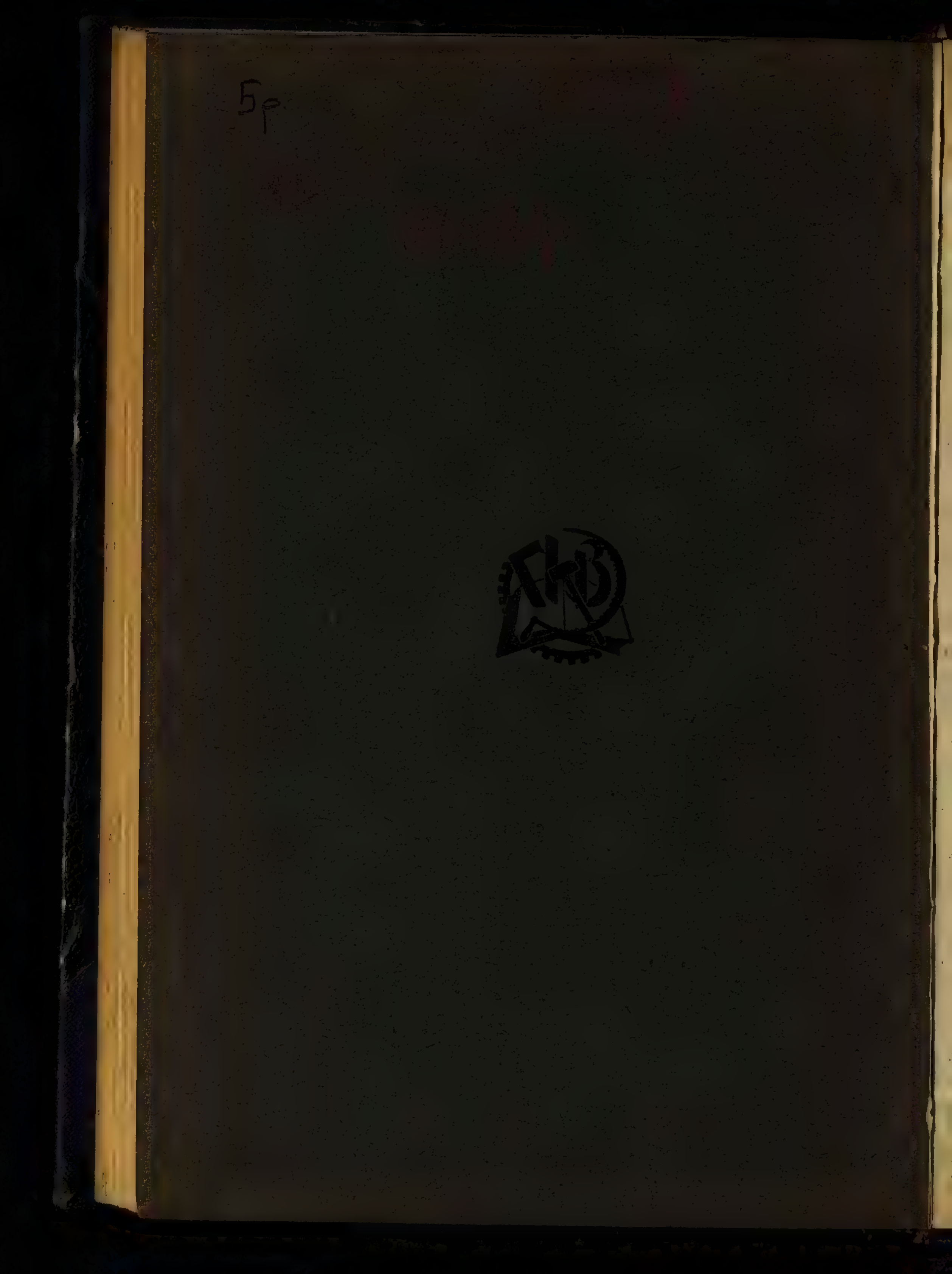
Могилы Карла Либкнехта и Розы Люксембург. Статья из № 11 газеты «Петроградская Правда», 16 января. Стр. 245.

1923 г. **В. В. Воровский (П. Орловский).** Некролог из № 104 газеты «Правда», 12 мая. Стр. 248.

1922 г. **За власть советов.** Речь, произнесенная на IV конгрессе Коминтерна в Москве, по случаю пятилетней годовщины октябрьской революции. Стр. 253.

СОДЕРЖАНИЕ.

5р.

5р

